

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1884.

ІЮЛЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать? Собесѣдованіе первое въ день храмоваго праздника 14 марта 1884 г. Закопучителя Нѣжинскаго историко-филологическаго института князя Безбородко А. Хойнацкаго.

Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета (Дроздова) въ послѣдствіи митрополита Московскаго (1809—1819) И. Корсунскаго.

Ученіе Фихте младшаго о воскресеніи и явленіяхъ Христа . А. Дружинина.

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Нужна-ли философія? (окончаніе). Профессора Московской духовной академіи В. Нудряцева.

Идеализмъ и реализмъ (продолженіе). Профессора Киевской духовной академіи П. Линицкаго.

Письма философа Сенени (продолженіе). * * *

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе: Определенія Святѣйшаго Синода.—Епархіальныя извѣщенія.—Разрядный списокъ воспитанниковъ Ахтырскаго духовнаго училища, составленный послѣ годичныхъ испытаній за 188³/₄ учебный годъ.—Списокъ воспитанницъ Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАВА, ПЪМЕЦКАЯ, № 26.

1884.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, нравль христіанской нравственности, пзьясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ релігіозной и общественной жизни, однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія пзъ области фило-софіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи фило-софіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе про-странные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительны-ми примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыми мысли язы-ческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское уче-ніе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло пред-метъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епар-хіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для харьковскаго духо-венства „Епархіальныя Вѣдомости“: то въ немъ, въ видѣ особаго при-ложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ на-званіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатают-ся постановленія и распоряженія правительственной власти цер-ковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харь-ковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень те-кущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сель-скомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по шести и болѣе листовъ въ каждомъ №

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьков-ской Духовной Семинаріи и въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ Архіерейскомъ Монастырѣ; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Феранютова.

Такъ какъ нѣкоторыя статьи этого журнала, особенно касающіе-ся текущихъ церковныхъ событій, будутъ находиться въ связи съ статьями, помѣщенными въ „Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ минувшаго года; то лица, желающія слѣдить за послѣдовательного связью этихъ событій, могутъ приобрѣтать „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, въ редакціи новаго журнала, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТАТЕЙ

БОГОСЛОВЕСКО-ФИЛОСОФСКАГО ЖУРНАЛА

„ВѢРА и РАЗУМЪ“.

т. II.—ч. I.

ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ.

Что такое философія?—Профессора Московской духовной академіи *В. Кудрявцева* (стр. 1—25 и 81—96).

Критическій обзоръ обычныхъ взглядовъ и сужденій о различныхъ видахъ общественной дѣятельности и началахъ общественнаго благоустройства.—Профессора Кіевской духовной академіи *П. Линникова* (стр. 26—68, 146—162, 209—233, 255—277, 287—305 и 345—368).

Письма философа Сенеки.—* * (стр. 69—81, 115—123, 163—177, 234—239, 278—285, 330—343, 395—400, 444—453, 502—511, 559—566, 600—614 и 657—659 *).

Заслуга греческихъ философовъ архаическаго періода.—*Н. Страхова* (стр. 97—114).

Возможна-ли философія?—Профессора Московской духовной академіи *В. Кудрявцева* (стр. 129—145, 193—208 и 240—254).

Узкій и широкій взглядъ.—*Н. Страхова* (стр. 306—329).

Осуществимо-ли на землѣ счастье, какъ цѣль существованія рода человѣческаго?—*И. Аскоченскаго* (стр. 369—394 и 419—443).

*) Продолженіе—во второй части: см. оглавленіе.

Нужна ли философія?—Профессора Московской духовной академіи *В. Кудрявцева* (стр. 401—418, 455—473, 513—542 и 615—648 *).

Судьбы идеи о Богѣ въ исторіи религіозно-философскаго міросозерцанія древней Греціи.—*И. Корсунскаго* (стр. 474—501, 543—558 и 587—599 **).

Идеализмъ и реализмъ.—Профессора Кіевской духовной академіи *И. Липицкаго* (стр. 567—586 и 649—656).

*) Продолженіе—во второй части: см. оглавленіе.

**) Тоже.

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ

1884.

ІЮЛЬ. — КНИЖКА ПЕРВАЯ.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Окружнаго Штаба, Нѣмецкая ул., д. № 26

1884.

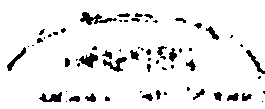
Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI, 3.

Дозволено цензурою. Юля 15 дня 1884 года. Г. Харьковъ.

Врем. в. д. цензора, Протоіерей П. Солнцевъ.

КАКЪ ВСЕГО ПРОЩЕ И УДОБНѢЕ НАУЧИТЬСЯ ВѢРОВАТЬ?

СОБЕСѢДОВАНИЕ ПЕРВОЕ

ВЪ

ДЕНЬ ХРАМОВАГО ПРАЗДНИКА

14 Марта 1884 года.

Помните наставники ваши, иже глаголаша вамъ Слово Божіе, ихъ-же взирающе на скончаніе жительства, подражайте оубо ихъ (Евр. XIII. 7).

И мы собрались сегодня помянуть молитвою и вѣрующимъ христіанскимъ словомъ одного изъ ближайшихъ наставниковъ нашихъ, убажаемаго нынѣ Церковію, небеснаго покровителя и хранителя сего всечестнаго храма нашего, святаго священно-мученика Александра Пресвитера. Въ свое время и оубо глаголаше намъ Слово Божіе, и за свое дерзновеніе по вѣрѣ и за вѣру окончилъ житье свое подъ ударами меча, и за страданія свои сподобился вѣнца мученическаго. Теперь за нами остается одно, *помянувъ его, яко своего наставника и руководителя, и съ любовію взирающе на скончаніе жительства его, на его терпѣніе и подвигъ мученическій, подражать, согласно наставленію святаго Апостола, оубо его.*

Но въ чемъ и какъ подражать?—спросите вы. Неужели и намъ, подобно угоднику Божію, нести свои головы на плаху и вообще, такъ или иначе жертвовать жизнью своею за вѣру, за имя Христово?—А почему-бы и не такъ?—спросимъ и мы въ свою очередь?—Развѣ мы вѣруемъ не въ того-же Господа нашего Іисуса Христа, въ котораго вѣровалъ онъ и все подобныя ему, положившіе животъ свой за вѣру? Развѣ за тѣхъ

только страдалъ Спаситель нашъ и проливалъ свою божественную кровь на крестѣ? Развѣ мы сочетались съ нимъ и давали обѣты вѣры и жизни христіанской не въ той же купѣли крещенія, какъ и они? Развѣ имъ только сказано: *уже хочетъ по мнѣ идти, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой и по мнѣ грядетъ* (Марк. VIII. 34)? Развѣ имъ только *уготованы обители многи* во царствіи Отца нашего небснаго и жизнь вѣчная?

Ахъ, братіе мои и други возлюбленные о Господѣ,—это одно изъ самыхъ тяжелыхъ заблужденій, которое нерѣдко поражаетъ нашу нравственную жизнь въ самой ея основѣ, что все мы возлагаемъ только на однихъ святыхъ, какъ будто только они одни и должны жить по христіански, забывая ту простую истину, что если бы такъ разсуждали всѣ, то никогда бы не было никакихъ святыхъ ни на небѣ, ни на землѣ.

Но *да не смущается сердце ваше ни устрашаетъ*. Господь Богъ никогда и никого не искушаетъ подвергнуться испытаніямъ превыше силъ его. И если святые подвергались страданіямъ за Христа, то потому, что Господь отъ вѣка провидѣлъ, что они безъ опасности для вѣры могли переносить самыя тяжкія и разнообразныя страданія за нее.—Отъ того-то, между прочимъ, между самыми страдальцами по вѣрѣ не всѣ въ равной степени ублажаются, а есть между ними и мученики, и великомученики, и страстотерпцы, и исповѣдники и т. п.

Въ виду же нашихъ немоцныхъ силъ сама-же святая вѣра наша указываетъ намъ другія, болѣе простыя и удобоисполнимыя средства и пути для выраженія ея, какъ то молитву, участіе въ церковномъ богослуженіи и таинствахъ, дѣла любви и благотворенія и т. п., лишь-бы только мы вѣровали, какъ должно, и, держа вѣру въ сердцѣ, не стыдлись и не лѣнились выражать и исповѣдывать ее на дѣлѣ.

Но здѣсь-то и возникаетъ вопросъ: какъ научиться самой вѣрѣ? Пбо прежде, чѣмъ *показывать вѣру отъ дѣлъ* (Іак. II. 18), *вържати подобаетъ всякому приходящему къ Богу* (Евр. XI. 6), надо имѣть вѣру, надо вѣровать.

Съ своей стороны мы находимъ необходимымъ тѣмъ болѣе обратить вниманіе ваше, слушатели мои, на этотъ предметъ,

что въ числѣ ходячихъ вопросовъ нашего времени вопросы подобнаго рода предлагаются чуть-ли не на всякомъ шагу, и, что еще важнѣе, у многихъ считаются самыми трудными, на которые какъ будто и отвѣта быть не можетъ.

А между тѣмъ ничего не можетъ быть проще и удобопонятнѣе рѣшенія, которое на всѣ такіе вопросы предлагаетъ сама же вѣра, научая насъ *подражать въпрѣдѣ тѣхъ-же блаженныхъ наставниковъ нашихъ, которые глаголали намъ Слово Божіе....*

Впрочемъ, прежде чѣмъ заняться изложеніемъ этого рѣшенія, мы должны оговориться, что какъ по важности самаго предмета, такъ и по богатству и разнообразію путей и средствъ, указываемыхъ примѣрами и жизнію и опытами святыхъ, для возбужденія въ насъ вѣры и укрѣпленія въ ней, въ одинъ настоящій день, говоря словами апостола: *не достанетъ намъ повѣствуящихъ време...* Потому, чтобы не утомить вашего вниманія, мы раздѣлимъ свое собесѣдованіе на три статьи, приглашая любовь вашу, сверхъ сегоднешняго дня, послушать насъ о Господѣ еще въ слѣдующія два воскресенья, *да вся испытано и по роду изложивши, по мѣрѣ силъ своихъ, нѣкое дадимъ вамъ дарованіе духовное ко утвержденію вашему, во еже соутѣшитися въ васъ въпрое общю вашею-же и нашею.* (Рим. I. 12)

Если вы читали житія святыхъ, то, конечно, замѣтили, что въ большинствѣ случаевъ они имѣли величайшее счастье и родиться, и получить первоначальное воспитаніе въ семьѣ родителей *благочестивыхъ и христіолюбивыхъ.*—Это первая тайна въ рѣшеніи вопроса: какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать, и какъ утвердиться въ вѣрѣ?—Ибо *аще-ли начатокъ святъ, то и примѣненіе, какъ говоритъ святой Апостоль; и аще корень святъ, то и отъви* (Рим. XI. 16). И вся современная наука, какъ извѣстно, главнымъ образомъ на томъ и стоитъ, что какъ въ области природы, такъ и въ жизни человѣческой, многое и весьма многое зависитъ отъ наслѣдственности и вліянія окружающей среды....

А потому, если вы, родители, желаете имѣть вѣрующихъ, богобоязненныхъ дѣтей, то старайтесь всего прежде вѣровать сами. Пусть ваши дѣти всасываютъ вѣру отъ васъ съ моло-

комъ матери, и вы, отцы не раздражайте чадъ своихъ, но, по слову апостольскому, отъ членокъ воспитывайте ихъ въ наказаніи и ученіи Господни.

Наипаче-же вы, дѣти, дорожите, какъ величайшимъ сокровищемъ и святынею, христіанскою, благочестивою жизнію своихъ родителей, и въ простотѣ сердца покоряйтесь наставленіямъ своихъ вѣрующихъ отцевъ и кроткимъ внушеніямъ богобоязненныхъ матерей,—кого Господь изъ васъ сподобилъ имѣть таковыхъ.—Это такое благо, выше и лучше котораго нѣтъ и не можетъ быть на свѣтѣ. Не забывайте, что самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, бѣ повинуюся Іосифови, не смотря на то, что послѣдній былъ только его паречепнымъ отцемъ..... И вѣра и христіанское поведеніе вашихъ родителей, коль скоро вы такъ или иначе постараетесь усвоить себѣ ихъ, содѣлаютъ и васъ самихъ вѣрующими и богобоязненными, и спасутъ васъ отъ многихъ искушеній и бѣдъ, какъ спасали они, спасаютъ и будутъ спасать до конца вѣковъ цѣлыя массы молодыхъ людей среди соблазновъ и искушеній міра сего.

Но какъ не всякому суждено имѣть добрыхъ и благочестивыхъ родителей, такъ не всякому и не всегда, по разнымъ причинамъ, удается выходить истиннымъ, вѣрующимъ христіаниномъ даже при самой лучшей обстановкѣ и благопріятствующихъ обстоятельствахъ въ жизни, не говоря уже о томъ, сколько препятствій къ вѣрѣ каждый изъ насъ встрѣчаетъ почти на каждомъ шагѣ, властвующая и скитающаяся всякимъ вѣтромъ ученія, во лжи человечестнй и коварствъ козней лжицнн, отъ сластей нашихъ, воюющихъ во удыхъ нашихъ (Еф. IV. 14.).

Какъ быть съ вѣрою въ подобныхъ обстоятельствахъ? Тѣмъ болѣе, какъ научиться вѣровать, не имѣя никакой вѣры, или совсѣмъ потерявши ее?

Поминайте наставники ваши, иже глаголаша вамъ Слово Божіе,—и подражайте, подражайте вѣрѣ ихъ,—и все прочее само собою приложится вамъ, дондеже достигнете вси въ соединеніе вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова.

И прежде всего и болѣе всего, если вы желаете вѣровать, мы должны пригласить васъ знать, по примѣру святыхъ Бо-

жѣихъ, самую вѣру, и для этого, какъ можно тщательнѣе и основательнѣе изучать ее.—Да не подумаетъ кто-либо, что говоря такимъ образомъ, мы желали бы всѣхъ христіанъ сдѣлать богословами въ полномъ смыслѣ этого слова, хотя по достоинству самой вѣры и непосредственному отношенію ея къ рѣшенію существеннѣйшихъ вопросовъ и судебъ нашей жизни, святые-то тѣмъ и отличались отъ насъ грѣшныхъ, что знаніе вѣры всегда поставляли, какъ и теперь ставятъ всѣ лучшіе христіане, выше всякой науки и всякаго знанія на землѣ. Съ своей стороны мы готовы помириться даже, если угодно, съ тою программой для преподаванія закона Божія, какая принята въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, не смотря на сравнительно тѣсныя рамки ея... Но если вы серьезно, искренно желаете вѣровать, то въ подражаніе святымъ Божиимъ, ради самой вѣры, старайтесь усвоить себѣ во всей полнотѣ все, чему учитъ школа о вѣрѣ, и въ особенности не ограничивайте изученіе вѣры предѣлами одной только школы, какъ это, къ величайшему прискорбію, въ большинствѣ случаевъ бываетъ между нами... Но продолжайте это изученіе во все теченіе жизни своей, всегда неизмѣнно, если не больше, то ни въ какомъ случаѣ не меньше сравнительно съ остальными предметами или занятіями, какія Господь судитъ вамъ изучать или совершать по собственному-ли выбору, или по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, не говоря уже о чтеніи, напримѣръ, романовъ, пустыхъ разсказовъ, пересудахъ и пр. и пр. *Како убо увѣруютъ, его же не услышаша? Како же услышатъ безъ проповѣдающаго?* (Рим. X. 14).

О, если-бы вы знали, какъ тяжело для вѣрующаго человѣка, а тѣмъ болѣе какъ опасно для самой вѣры, слышать эти слова, которыя то и дѣло слышатся въ особенности между такъ называемыми образованными людьми вѣка сего: „Я учился когда-то Закону Божию, да все позабылъ“... Скажемъ болѣе, — намъ самимъ лично случалось встрѣчать такихъ, которые, по собственному ихъ сознанию, никогда не держали въ рукахъ святаго Евангелія, не знаютъ и „Символа вѣры“, и такимъ образомъ, какъ нельзя болѣе, оправдывали надъ собою извѣстное грозное слово Апостола: *невѣдѣніе Божіе нѣкими илутъ,*

къ сраму вамъ глаголю... А между тѣмъ такіе-то, къ несчастію, всего болѣе позволяютъ себѣ судить и рядить о вѣрѣ вопреки всѣмъ требованіямъ истины и всякаго здраваго смысла чело-вѣческаго.

Нѣтъ, братіе мои, и въ древности случалось, да бываетъ и въ настоящее время, что люди, начавшіе изучать христіанское ученіе съ нарочитою цѣлію опровергнуть его, *не могли устоять противу духа и силы его*, и сами становились вѣрующими христіанами. Что-же должно быть съ нами, когда станемъ изучать вѣру для вѣры, въ интересахъ самой вѣры, чтобы познать и усвоить ее, какъ совершеннѣйшую истину на землѣ? Еще въ древнія времена одинъ христіанскій писатель сдѣлалъ весьма вѣрное и глубокое замѣчаніе, что „душа чело-вѣческая по природѣ христіанка“, потому что все, чему учить и что отърываетъ намъ вѣра христіанская, лежитъ въ основѣ нашего духа, составляетъ его вѣковѣчную, природную потребность, его задачу, цѣль и назначеніе. Ученіе вѣры только раскрываетъ, уясняетъ для нашего ума эти потребности, задачи и цѣли, отвѣчаетъ на нихъ, и, такимъ образомъ, воспроизводя ихъ предъ духовнымъ взоромъ нашимъ, помимо нашей воли, влечетъ насъ къ себѣ, покоряетъ себѣ, или, какъ прекрасно говоритъ святой Апостоль, *п.м.яетъ умъ нашъ въ послушаніе Христово*. Почему собственно, быть настоящимъ чело-вѣкомъ и христіаниномъ, во всѣхъ отношеніяхъ совершенно одно и то же.

Учитесь-же, учитесь, возлюбленные, вѣрѣ тѣмъ болѣе, что въ сравненіи съ другими науками наука вѣры глубже и шире всѣхъ ихъ, какъ по объему своему, такъ и по содержанію, вслѣдствіе чего изученіе ея, по свидѣтельству самой вѣры, не ограничится предѣлами одной настоящей жизни, а перейдетъ съ нами и въ самую вѣчность, съ тою только разницею, что *нынѣ видимъ якоже зеркаломъ, въ гаданіи, тогда-же лицемъ къ лицу*. *Нынѣ я разумью отчасти, тогдаже познаю, якоже и позналъ быхъ* (Кор. XIII. 14.), насколько это будетъ возможно со стороны существа ограниченнаго по отношенію къ Неограниченному и Безконечному. Между тѣмъ и въ сей жизни бываетъ, что стоитъ только перестать заниматься тою или другою наукою,

чтобы совсѣмъ забыть ее. Убойтесь-же судьбы лѣниваго и лукаваго раба, закопавшаго въ землю талантъ свой. Ибо, если такъ бываетъ на землѣ, то что же станется тамъ, за предѣлами гроба? Какъ глазъ, не привыкшій къ свѣту, потемняется еще болѣе и даже иногда совсѣмъ лишается зрѣнія отъ сильнаго дѣйствія свѣта на него, такъ будетъ и съ нашимъ умомъ, невоспитаннымъ въ вѣрѣ, когда, освободившись отъ тлѣнной оболочки тѣла, душа приразится непосредственно, *лицемъ къ лицу*, къ свѣту божественному. Потому-то Спаситель и говоритъ о таковыхъ, что они *вержены будутъ во тьму кромѣшную; ту будетъ плачь и скрежетъ зубовъ. Правда бо Божія отъ вѣры въ вѣру, якоже есть писано: праведный же отъ вѣры живъ будетъ.* (Рим. I. 17)

Вы говорите, что желали-бы вѣровать, да не знаете, какъ достигнуть этого... Значить еще и еще не вѣдаете, какъ достигали вѣры святые. А они дѣлали это очень просто, соединяя съ знаніемъ и изученіемъ вѣры насажденіе ся въ душѣ посредствомъ чистоты сердечной. *Сердцемъ бо вѣруется въ правду, усты же исповѣдуются во спасеніе.* (Рим. X. 10).

И нынѣ не ожесточите, возлюбленные, сердецъ вашихъ, да не когда будетъ въ нѣкоемъ отъ васъ сердце лукаво (Евр. III. 8),—и для этого прежде всего и наипаче всего, разъ па всегда, обязательно оставьте этотъ опаснѣйшій грѣхъ современнаго моднаго невѣрія,—вѣру въ свое собственное невѣріе, какъ одно изъ существеннѣйшихъ проявленій ожесточеннаго, лукаваго, развращеннаго сердца человѣческаго, въ виду того простаго обстоятельства, что въ сущности настоящихъ невѣрующихъ на свѣтѣ очень и очень немного, да едвали въ собственномъ смыслѣ и могутъ быть таковыя, за исключеніемъ крайнихъ безумцевъ, *содержащихъ истину въ неправдѣ, которые, глаголющеся быти мудры, обгюродныи.* Всѣ-же мы, можно смѣло сказать, до одного вѣруемъ, и только или прикидываемся невѣрующими для моды, или-же самовольно подавляемъ въ себѣ вѣру, чтобы требованіями вѣры и закона евангельскаго не стѣснять своей грѣховной жизни и дѣятельности.

Дайте же просторъ своему сердцу въ его природныхъ, коренныхъ потребностяхъ и соотвѣтственно этому воспитывайте

его въ родной его стихіи,—въ надлежащей простотѣ и невинности, и вѣра самая искренняя и живая будетъ всегда и неизмѣнно нашимъ достояніемъ. И одна пылинка въ глазу препятствуетъ ему видѣть окружающіе предметы въ надлежащемъ свѣтѣ. Такъ и въ жизни вѣры одна малѣйшая нечистота въ сердцѣ не даетъ ему правильно воспринимать, усвоить и полюбить ее. *Кое бо общеніе сотту со тьмою и Христу съ веларомъ?* Припомните, когда мы всего лучше, полнѣе, безхитростнѣе вѣровали въ Господа Бога? — Каждый изъ насъ знаетъ, что это было въ дѣтствѣ, когда сознание только что пробуждалось въ насъ и мы начинали только по человѣчески понимать, желать и чувствовать. Какъ мы тогда непосредственно относились къ Богу, какъ искренно признавали Его бытіе, Его любовь къ намъ и небесное правосудіе, какъ молились Ему?!... Отъ чего такъ? Отъ того, что сердце тогда въ насъ было свободно отъ прираженія грѣховнаго, не потемнено мракомъ страстей и не погружено въ бездну порочныхъ привычекъ. Такъ, когда море спокойно, чистое небо все отражается въ немъ во всемъ своемъ величїи. Когда-же море забушуетъ и вихрь подниметъ со дна его находящіяся тамъ илъ и песокъ, то и само оно становится мутнымъ и мрачнымъ и небо сокрывается отъ него въ тучахъ... Остается одинъ только мракъ и тьма непроглядная, да тамъ на берегу морскомъ печальные обломки, какъ неизбежныя слѣдствія случающихся на морѣ во время бури кораблекрушеній... Точно такъ омрачается и сердце наше и разбивается вѣра подъ вліяніемъ страстей и бурь душевныхъ.

Скажемъ дагѣе, не своими словами, а словами самого Господа нашего Иисуса Христа и Его святыхъ апостоловъ. Вѣру, какъ и вообще Слово Божіе, по ея дѣйствию на сердце человека, нужно сравнить съ *сыменемъ, которое съятель съятъ на поля своемъ*, или съ *дождемъ*, который съ неба падаетъ на землю и поглощается ею. Падаетъ сѣмя и на придорожную, сухую почву, и на почву каменистую и на тернистую, но ни въ томъ, ни въ другомъ, ни въ третьемъ случаѣ оно не приноситъ плода. И только, когда падаетъ на добрую землю, — и приноситъ плодъ: иное во сто кратъ, иное въ шесть-

десять, а иное въ тридцать (Матѣ. XIII. 8). Такъ и вѣра только тогда можетъ найти для себя надлежащее мѣсто въ душѣ человѣка, когда сердце его сохранено въ чистотѣ и непорочности, растворено смиреніемъ, послушаніемъ и любовью къ истинѣ. Падаеть дождь и на камень, но безъ пользы и плода, скатывается съ него; но падаетъ на разрыхленную землю, и служитъ источникомъ жизни. Такъ и сердце тогда только пропитывается вѣрою, когда оно разрыхлено, расчищено желаніями добрыми и чувствованіями непорочными, какъ земля, *пившая сходящій на ню множищею дождь и раждающая былія добрая онымъ, ими же дѣлается бываетъ, по благословенію отъ Бога.*

О, сердце чисто созижди во мнѣ, Боже,—Боже сердца моего, и часть моя, Боже, во вѣкъ! Только сердце чистое въ состояніи во всемъ блескѣ отражать въ себѣ прирожденную нашему уму идею Божества, только одно оно можетъ всѣмъ существомъ своимъ, всею силою и всею крѣпостію своею стремиться, *жаждать къ Богу крѣпкому, живому,* и, такимъ образомъ, самому уму пролагать ближайшій и надежнѣйшій путь для познанія и признанія Его. *Яко чистіи сердцемъ Бога узрятъ. Имѣяй уши слышати да слышатъ.*

Вы желаете вѣровать?—Постарайтесь же далѣе, подобно святымъ угодникамъ, къ познанію вѣры и сердечной чистотѣ по вѣрѣ и ради вѣры присоединить еще *духъ правый во утробѣхъ своихъ*, т. е. жизнь по вѣрѣ святую и богоугодную. Понимаемъ, что, говоря такимъ образомъ, мы допускаемъ въ разсужденіи нашемъ какъ-бы нѣкотораго рода кругъ, потому что прежде мы сказали, что вѣра должна выражаться соответствующими дѣлами, а теперь указываемъ на дѣла, какъ на средство къ приобрѣтенію вѣры. Но въ томъ-то и состоитъ существо вѣры и жизни христіанской, что все въ нихъ находится въ такой непосредственной, неразрывной связи между собою, что какъ начало ведетъ къ лучшему концу, такъ и конецъ въ свою очередь даетъ совершеннѣйшую силу и крѣпость самому началу. Такъ и добродѣтельная жизнь,—настоящая, замѣтьте,—христіанская жизнь, вытекающая изъ вѣры, съ своей стороны расширяетъ и укрѣпляетъ нашъ умъ и сердце

къ воспріятію вѣры, отчего, между прочимъ, исторія не знаетъ ни одного истинно благочестиваго человѣка, который бы въ то же время не былъ и вѣрующимъ, какъ не знаетъ она ни одного истинно, по христіански, вѣрующаго, который бы не былъ благочестивымъ или не каялся въ грѣхахъ своихъ.

И можетъ ли быть иначе, когда каждый нашъ шагъ по пути добродѣтели приближаетъ насъ ко Господу Богу, по образу и по подобію Котораго мы созданы, и такимъ образомъ насъ самихъ дѣлаетъ богоподобными, какъ и Спаситель заповѣдуетъ намъ во Евангеліи: *будите убо совершенны, якоже Отецъ оицъ небесный совершенъ есть*. Когда же я приближаюсь къ свѣту, то вижу все окружающее меня тѣмъ яснѣе, чѣмъ яснѣе самый свѣтъ. Только когда чрезъ исполненіе закона Божія я уподобляюсь Богу, моему первообразу, по которому я созданъ или, что тоже, когда такъ или иначе усвою себѣ Его божественныя свѣтоносныя совершенства, то что-же другое можетъ быть слѣдствіемъ сего, какъ не познаніе самого Бога, возможно полное и совершеннѣйшее, а съ тѣмъ вмѣстѣ, само собою разумѣется, и такимъ же вѣра въ Него полная и совершеннѣйшая. *Яко Богъ есть свѣтъ и тьмы въ немъ нѣтъ ни единыя. Сего ради глаголетъ: востани спяи и воскресни отъ мертвыхъ, и осветитъ тя Христосъ?—И твою истину ярадетъ ко свѣту, да явятся дѣла его, яко о Бозѣ сунъ содѣлана.*

Присовокупите къ этому еще одно краткое замѣчаніе изъ ученія святыхъ мужей: чтобы оцѣнить и усвоить что-либо, надо прежде самому испытать и пережить испытуемое *). Какъ, напримѣръ, слѣдороденный будетъ судить о свѣтѣ, когда онъ никогда не видалъ его? Такъ точно, только чрезъ осуществленіе евангельскаго ученія въ жизни мы можемъ во всей полнотѣ познать и оцѣнить его, его божественное достоинство; потому что только при такихъ условіяхъ можемъ ощущать въ душѣ ту истину, ту жизнь, ту чистоту мыслей, чувствованій и желаній, тотъ свѣтъ, тотъ миръ и утѣшеніе совѣсти, то успокоеніе въ Богѣ и благодать искупленія, какія

*) Разумѣется кромѣ грѣха, въ которомъ при испытаніи сходить ядъ въ нашу душу и лишаетъ ее здраваго и яснаго сужденія.

опо приносить всѣмъ, которые съ любовію приѣмлютъ Его, чтобы еще болѣе полюбить это ученіе и не разставаться съ нимъ до гроба, подобно тому, какъ кто хоть разъ въ жизни испыталъ сладость христіанской молитвы, искренней исповѣди, или достойнаго причащенія святыхъ таинъ, тотъ не забудетъ этого во вѣки. *Блаженни испытующіи сѣдѣнія закона Господня, восты сердцемъ възвѣстѣ Ею.* Потому-то и Господь и Спаситель нашъ, желая указать своимъ послѣдователямъ надежнѣйшее средство, какъ узнать *ученіе Ею*,—*Ею ли оно, или пославшаго Ею*,—заповѣдуетъ прежде всего пережить, испытать оное на дѣлѣ исполненіемъ воли Божіей. *Аще кто хочетъ волю Отца моего творити, говоритъ онъ,—разумѣетъ о ученіи, кое отъ Бога есть, или Азъ о себѣ глаголю.* (Іоан. VII. 17).

Не говоримъ уже о томъ, что по обѣтованію самого же Спасителя и по ученію Его святыхъ апостоловъ, добродѣтельная жизнь христіанская имѣетъ такое дѣйствіе на душу человѣка, что, *созидаѣя* каждаго изъ насъ *въ жилище Божіе Духомъ*, самого Господа Бога низводитъ въ наше сердце, и насъ самихъ содѣлываетъ *причастниками Ею Божества.* *Имѣяй заповѣди моя, и соблюдаяй ихъ, говоритъ Господь, той есть любяй мя, а любяй мя возлюбленъ будетъ Отцемъ моимъ, и Азъ возлюблю его, и явлюсь ему Самъ.* *И аще кто мя любитъ, и слово мое соблюдетъ, и Отецъ мой возлюбитъ его, и къ нему приидемъ, и обитель у него сотворимъ.* А гдѣ самъ Господь Богъ вселяется въ душѣ человѣка, тамъ Онъ не можетъ не давать чувствовать Себя душѣ, а потому, само собою разумѣется, и душа та ни въ какомъ случаѣ не можетъ не сознать Его благодатнаго присутствія, какъ не можетъ не ощущать Его, а потому и не вѣровать въ Него. *Яко всякъ любяй отъ Бога рожденъ есть, и знаетъ Бога.* (1 Іоан. IV. 7).

Конецъ же заповѣданія есть: любви отъ чиста сердца и совѣсти благой и вѣры нелицемѣрная, въ нихъ-же нынѣшніи погрѣшившии, уклонившася отъ истины въ суесловія. Плодъ же духовный есть любви, радость, милосердіе, вѣра. Подадите убо въ вѣрѣ вашей добродѣтель, въ добродѣтели же разумъ, въ разумъ же воздержаніе, въ воздержаніи же терпѣніе, въ терпѣніи же благочестіе, въ благочестіи же братолюбіе, въ брато-

любви же любовь. Сія бо суцая въ васъ и множащяся, не праздныхъ ниже безплодныхъ сотворятъ вы въ Господа Нашего Исуса Христа познаніе. (2 Петр. 1. 5—8). Аминь.

Протоіерей А. Войнацкій,

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета (Дроздова),

въ послѣдствіи митрополита Московскаго

(1809—1819).

Вызванный въ концѣ 1808 года въ Петербургъ, учитель и проповѣдникъ Троицкой-Лаврской семинаріи, іеродіаконъ Филаретъ Дроздовъ пріѣхалъ туда въ началѣ слѣдующаго 1809 г. „Въ день Богоявленія, на зарѣ,—описываетъ прибытіе Филарета въ Петербургъ біографъ его *В. Н. Сушковъ*,—въѣзжаетъ въ заставу рогожная кибитка; изъ нея съ любопытствомъ оглядываетъ по пути молодой, въ цвѣтѣ лѣтъ, іеродіаконъ высокія, нерѣдко сплошныя зданія, по обѣ стороны длинныхъ, широкихъ, стройныхъ улицъ, любуется красотой сѣверной Пальмиры, дивится малочисленности храмовъ Божіихъ, и въ раздумьи достигаетъ Александро-Невской лавры“¹⁾. Да! 26-лѣтнему іеродіакону, пріѣхавшему въ незнакомый доселѣ городъ, далеко не блиставшій, какъ благочестивая Москва, многочисленностію „храмовъ Божіихъ“, было о чемъ позадуматься и пораздумать. Въ Сергіевской лаврѣ, Московской епархіи онъ чувствовалъ себя какъ дома. Тамъ всѣ, начиная съ его духовнаго отца, учителя и благодѣтеля—Платона, знали и цѣнили его, а въ сѣверной Пальмирѣ онъ еще не зналъ, что ожидало его. Онъ ѣхалъ туда изъ послушанія волѣ начальства. „Ты радъ, — сказалъ Филарету м. Платонъ предъ отправленіемъ его въ Петербургъ, — что тебя вызываютъ въ столицу?—Нисколько, отвѣтилъ инокъ.—Такъ тебѣ не хочется туда?—Не хотѣлось бы.—А коли такъ, я отстою тебя.—

¹⁾ Записки о жизни и времени Филарета, стр. 38. Москва, 1868.

Благодарю.—Поддай же мнѣ прошеніе, что ты желаешь остаться въ Московской епархіи.—Желалъ бы, да сказать этого не имѣю права.—Какъ? — Я уже подалъ одно прошеніе: о постриженіи меня въ монашество. Произнося тогда обѣтъ послушанія, отрекся я отъ своей воли, и теперь другаго прошенія подать не могу“ ¹⁾. Дѣйствительно, въ Петербургѣ Филарета, можетъ быть, и кромѣ послушанія влекло любопытство, жажда знанія, въ самомъ центрѣ тогдашняго просвѣщенія, отчасти—надежда выдвинуться на видъ, подобно Платону, Анастасію и др.; но и предчувствіе чего-то недобраго не обманывало его. Въ Петербургѣ, предъ прибытіемъ туда Филарета, обстоятельства сложились далеко не вполне соответственно его способностямъ, стремленіямъ и ожиданіямъ. Тамъ была своя, такъ сказать, и при томъ далеко не благочестивая политика, совершенно отличная отъ семейнаго, патриархальнаго характера политики московской и лаврской, по началу непостижимая молодому инокѣ. „Ходъ здѣшнихъ дѣлъ весьма для меня непонятен“,—писалъ изъ Петербурга родителю своему Филаретъ, отъ 14 февраля 1809 года ²⁾, описывая неопредѣленность своего положенія тамъ и первыя неудачи по службѣ, а вмѣстѣ и невольно характеризуя петербургскую политику даже такихъ людей, на откровенность которыхъ онъ съ полнымъ правомъ могъ бы рассчитывать, какъ напримѣръ—ректора академіи, нашего и его стараго знаконца, Евграфъ Музалевскаго - Платонова, у котораго онъ, между прочимъ, и пріютился на первое время. „Два мѣсяца почти жилъ у отца ректора, какъ дома,—пишетъ Филаретъ о себѣ въ томъ же письмѣ,—и о своемъ дѣлѣ ничего почти не зналъ. (О моемъ расположеніи спрашивали не иначе, какъ мимоходомъ; а потому я не могъ отвѣчать рѣшительно“ ³⁾. А между тѣмъ эта политика, этотъ „ходъ дѣлъ“ весьма будутъ понятны, если мы примемъ въ соображеніе слѣдующія обстоятельства того времени.

При Высочайше утвержденномъ въ 1808 году преобразо-

¹⁾ Тамъ же стр. 277.

²⁾ Письма Филарета къ роднымъ, стр. 116. Москва, 1882.

³⁾ Тамъ же, стр. 115 - 116.

ваши духовно-учебныхъ заведеній вообще и въ частности Петербургской духовной академіи, въ которую вызванъ былъ Филаретъ, главныя роли принадлежали лицамъ, изъ коихъ нѣкоторыя имѣли большое значеніе во всей почти дальнѣйшей судьбѣ Филарета въ Петербургѣ и которыя все имѣли то или другое, болѣе или менѣе близкое отношеніе къ нему. Такими лицами были: Амвросій (Подобѣдовъ), митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій и Теофилактъ (Русановъ), архіепископъ Калужскій (а съ 5 марта 1809 года Рязанскій)—изъ духовныхъ, и оберъ-прокуроръ Св. Синода князь А. Н. Голицынъ и государственный секретарь (въ послѣдствіи графъ) М. М. Сперанскій—изъ свѣтскихъ. Эти лица между прочими были также и главными членами учрежденной въ 1808 году комиссіи духовныхъ училищъ, къ которой Филаретъ, какъ лицо духовно-учебной службы, имѣлъ ближайшее отношеніе по своей службѣ въ Петербургѣ. При томъ и между самими означенными лицами роли распредѣлялись не совсѣмъ равномерно. Первенствующія роли принадлежали за первое время отнюдь не митрополиту и оберъ-прокурору, какъ бы слѣдовало ожидать, а Теофилакту и Сперанскому, какъ составителямъ самаго послѣдняго изъ многихъ и именно Высочайше утвержденнаго проекта преобразованія духовно-учебныхъ заведеній. Эти же лица приняла на себя заботу и по образованію различныхъ классовъ наукъ въ преобразованной академіи, въ качествѣ и съ титуломъ протекторовъ того или другаго класса. Такъ именно м. Амвросій озаботился богословскимъ классомъ; Сперанскій—классами философскимъ и древнихъ языковъ; князь Голицынъ—классами наукъ математическихъ и новыхъ языковъ. „По важности класса словесныхъ наукъ и по обширности свѣдѣній и изящному вкусу, кои для преподаванія ихъ имѣть нужно, комиссія просила члена ея Теофилакта, архіепископа Калужскаго, принять на себя образованіе онаго, такимъ образомъ, чтобы бакалавръ, котораго выборъ комиссія предоставила въ полную волю его преосвященства, читалъ уроки по предварительнымъ его наставленіямъ и подъ непосредственнымъ руководствомъ. Преосвященный Теофилактъ изъявилъ на это свое согласіе и представилъ

конспектъ по сему классу, что было принято комиссіею съ истинною признательностію“¹⁾. Теофилактъ даже принялъ на себя на первый разъ званіе и должность профессора словесныхъ наукъ въ академіи. „Что касается до бакалавровъ, то комиссія по сему предмету приняла предположеніе преосвященныхъ митрополита Амвросія и архіепископа Теофилакта объ истребованіи изъ другихъ семинарій нѣкоторыхъ учителей, извѣстныхъ со стороны способности“²⁾. Такимъ образомъ, по предложенію и рекомендаціи Амвросія, вызванъ былъ изъ Троицкой семинаріи Филаретъ, а по предложенію и рекомендаціи Теофилакта, изъ Калужской семинаріи—учитель философіи и префектъ, іеромонахъ Леонидъ Зарѣцкій. Въ этомъ-то обстоятельствѣ и заключается, если можно такъ выразиться, завязка всей драмы жизненныхъ отношеній и борьбы для Филарета въ теченіи первыхъ лѣтъ пребыванія его въ Петербургѣ, до тѣхъ поръ, пока въ 1813 году не умеръ Леонидъ, и Теофилактъ не вынужденъ былъ удалиться въ свою епархію. Теофилактъ, въ началѣ разсматриваемаго періода, имѣлъ большое значеніе въ Петербургѣ и академіи не только потому, что уже извѣстно намъ изъ вышесказаннаго, то-есть, по участію въ преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній и въ направленіи класса словесныхъ наукъ въ академіи, но и по своей славѣ церковнаго витія, а равно и по сильнымъ связямъ своимъ при дворѣ и въ кругу лицъ знатныхъ и могущественныхъ. Не далѣе какъ въ 1809 году вышло собраніе его поученій; но онъ проповѣдывалъ и послѣ того въ Петербургѣ по просьбѣ вліятельныхъ лицъ. Славился онъ также и какъ ученый богословъ-апологетъ. Труды его въ этомъ отношеніи, болѣе впрочемъ переводные, нежели оригинальные, можно видѣть во 2-й части „Обзора русской духовной литературы“ преосвященнаго Филарета Черниговскаго (стр. 209). Такого значенія не имѣлъ митрополитъ Амвросій, многолѣтній другъ митрополита Платона и благодаря этой дружбѣ, конечно, намѣтившій и вызвавшій Филарета въ Петербургъ. Къ тому же, между тѣмъ какъ Теофилактъ шелъ

¹⁾ И. А. Чистовичъ. Исторія С.-Пб. духовн. академ., стр. 183—182. С.-Пб. 1857.

²⁾ Тамъ же, стр. 183.

какъ разъ въ тактъ съ либеральными стремленіями тогдашнихъ государственныхъ мужей Россіи, Амвросій считался не только консерваторомъ, но и ретроградомъ. Что удивительнаго поэтому, что и самъ Теофилактъ ожидалъ для себя, какъ непремѣнную дань, и вліятельные почитатели его талантовъ— для него въ недалекомъ будущемъ,—кресла первенствующаго члена Синода? Что удивительно, что и самому Теофилакту и его пріятелямъ хотѣлось даже, по возможности, ускорить это желанное событіе? Удивительно ли поэтому, что Теофилактъ всюду старался ослабить значеніе Амвросія, даже унижить послѣдняго, подставить ему, какъ говорится, погу? Какъ всюду, такъ и въ настоящемъ случаѣ. Вызывая Леонида въ бакалавры академіи, Теофилактъ хотѣлъ подготовить въ немъ для себя хорошаго пособника въ своихъ честолюбивыхъ планахъ, въ своей политикѣ, устроивъ по времени назначенія его въ ректоры академіи. А такую подготовку любимца своего, бывшаго доселѣ учителемъ философіи, Теофилактъ могъ сдѣлать только подъ условіемъ назначенія его въ бакалавры именно словесныхъ наукъ, класса которыхъ онъ былъ протекторомъ, профессоромъ и руководителемъ. Но что же? Амвросій вызываетъ, одновременно съ его вызовомъ, изъ Троицкой семинаріи учителя высшаго краснорѣчія и риторики, да при томъ проповѣдника Филарета. Понятно, какъ долженъ былъ отнестись Теофилактъ къ такому вызову, равно какъ и къ самому неповинному предъ нимъ, вызванному иноку. Этимъ только можно объяснить странный пріемъ, сдѣланный имъ Филарету при самой первой встрѣчѣ съ нимъ. По долгу и предстоящей службы и вѣжливости гражданской, Филаретъ долженъ былъ представиться всѣмъ членамъ комиссіи духовныхъ училищъ. Представлялъ его членамъ ректоръ академіи Куврафъ. Были, конечно и у Теофилакта. „Когда юный инокъ явился къ нему, то онъ, принявъ его сухо и свысока, сталъ испытывать, какія свѣдѣнія вынесены имъ изъ семинаріи и въ заключеніе своихъ напрасныхъ стараній смутить и сбить его, какъ бы новичка на экзаменѣ, съ важностію спросилъ: что есть истина? Прослушавъ опредѣленіе слова *истина* въ смыслѣ логическомъ, физическомъ, математическомъ и т. д., опъ съ доса-

дой сказать: „не то; всего этого мало; вообще, что есть истина?“—Строго испытываемый, словно ученикъ учителемъ, могъ бы отвѣтить ему: *Спаситель*,—словомъ Иисуса Христа: *Я есть истина*; но ректоръ Евграфъ, который ввелъ его къ вопрошителю, молвилъ: „вопросъ Пилатовъ въ Евангеліи остался безъ отвѣта“.—Тѣмъ и кончился неожиданный экзаменъ“¹⁾. Затѣмъ, какъ бывший учитель высшаго краснорѣчія и риторики, Филаретъ естественно долженъ былъ занять въ Петербургской академіи должность бакалавра наукъ словесныхъ. Можетъ быть, въ этихъ видахъ, а также въ тѣхъ видахъ, чтобы, по возможности, парализовать вліяніе Теофилакта, Амвросій и вызывалъ Филарета. Съ другой стороны, Леонидъ, какъ бывший учитель философіи, естественно долженъ былъ занять кафедру наукъ философскихъ. По всей вѣроятности, въ этомъ смелѣ Амвросій дѣлалъ настойчивое представленіе и въ комисіи духовныхъ училищъ; ибо, по требованію послѣдней, Филаретъ представилъ въ оную конспектъ словесности, а Леонидъ—теоретической философіи²⁾. Мало того, пока это дѣло обсуждалось въ комисіи училищъ, Филарету временно даже и порученъ былъ классъ риторики въ мѣстной семинаріи³⁾. Но въ дальнѣйшемъ вышло совершенно наоборотъ, потому что это совершенно несогласно было съ планами Теофилакта, къ тому же хотѣвшаго дать Амвросію почувствовать силу своего вліянія на дѣла церковнаго управленія. Леонидъ былъ назначенъ бакалавромъ словесныхъ наукъ, а Филаретъ даже совсѣмъ отъсненъ былъ отъ академіи назначеніемъ въ инспекторъ мѣстной семинаріи и профессоръ наукъ философскихъ въ ней, хотя и съ званіемъ академическаго бакалавра⁴⁾. Не успѣвъ въ этомъ, Амвросій и самъ въ комисіи училищъ и чрезъ ректора академіи Евграфа, дѣлалъ представленія о томъ, чтобы Филарету предоставлена была въ академіи хотя бы какая-нибудь изъ кафедръ наукъ богословскихъ, которыхъ протекторомъ онъ, Амвросій, состоялъ,—напримѣръ—кафедра богословія собесѣдовательнаго или гоми-

¹⁾ Сушкова, цитов. соч., стр. 94.

²⁾ Чистовича, цитов. соч. стр. 184.

³⁾ Письма Филарета къ роднымъ, стр. 116.

⁴⁾ Тамъ же; срѣв. также Чистовича, цит. соч. стр. 184.

летки, на которой имѣлъ бы приложеніе проповѣдническій талантъ Филарета, имѣ, Амвросіемъ, вызваннаго,—или богословіе истолковательное (герменевтика), или другая какая-ли наука, что согласно было бы и съ желаніемъ самого вызваннаго инока, которое не безызвѣстно было Амвросію. Напрасно. Вліяніе Теофилакта превозмогло,—и Филаретъ оставленъ былъ при семинаріи, снабженный въ утѣшеніе однимъ лишь пустымъ званіемъ академическаго бакалавра. „Отець ректоръ, по требованію комиссіи,—писалъ, все еще не понимавшій петербургской политики, Филаретъ родителю своему отъ 14 февраля 1809 г.,—рекомендовалъ меня въ бакалавры богословія въ академію и надѣялся, и обнадеживалъ въ исполненіи сего представленія. Сверхъ всякаго чаянія сдѣланъ я, какъ уже писалъ къ вамъ, бакалавромъ философіи и инспекторомъ въ семинаріи, хотя представлены были его высокопреосвященствомъ другіе. Вы знаете, думаю, что я люблю богословіе, ибо нахожу въ немъ утѣшеніе: но теперь долженъ заниматься холодною философіею. Имѣвъ къ ней прежде мало вниманія, теперь чувствую свои недостатки: однако это не такъ безпокоитъ, какъ обязанность наблюдать поведеніе двухъ или трехъ сотъ человѣкъ, изъ коихъ я до вступленія въ должность ни одного не зналъ. Засѣданіе въ семинарскомъ правленіи также для меня ново, и тѣмъ паче затруднительно, что всѣ члены (о. ректоръ, я и экономъ) повоназначенные. Какъ должно быть расположено начальство къ подчиненнымъ, которыхъ не оно избрало, можно догадываться. Теперь вы видите мое положеніе, котораго я и самъ еще не осмотрѣлъ совершенно. Ходъ здѣшнихъ дѣлъ весьма для меня непонятенъ“ ¹⁾. Но промыслъ Божій, бодрствовавшій надъ юнымъ питомцемъ лавры преподобнаго Сергія, все вель къ лучшему концу. Покровительство первенствующаго члена Св. Синода, м. Амвросія, къ вызванному имъ молодому, неопытному въ петербургской политикѣ, іеродіакопу Филарету, духовному сыну друга его, м. Платона, также было неизмѣнно. Съ первой-же встрѣчи съ Филаретомъ, понявъ и оцѣнивъ его, какъ человѣка, который несравненно болѣе принесетъ истинной пользы Церкви и отчеству, нежели человѣкъ интриги,

1) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 116.

гордаго искательства, Амвросій рѣшилъ во чтобы то ни стало вывести его на настоящій путь служебный, не смотря ни на какія интриги Теофилакта. Для этой цѣли онъ прежде всего сблизилъ его съ оберъ-прокуроромъ Св. Синода, а равно и съ другими вліятельными лицами, когда Филаретъ былъ еще іеродіакономъ ¹⁾; затѣмъ, для уравненія его съ Леонидомъ, поспѣшилъ возведеніемъ его въ санъ іеромонаха, самъ совершивъ рукоположеніе его въ первый день Пасхи того-же 1809 года. „Въ великій день Пасхи я удостоился—пишетъ Филаретъ своему родителю,—принять благодать священства рукоположеніемъ высокопреосвященнѣйшаго митрополита ²⁾. Не оставлялъ Филарета Амвросій своимъ милостивымъ вниманіемъ и на самой должности его, дабы и комиссіи училищъ и Теофилакту явить его, какъ во всѣхъ отношеніяхъ достойнаго стать на ряду съ Леонидомъ, если не выше его. „Мы имѣли экзамень,—пишетъ простодушно, все еще не разумѣя петербургской политики, Филаретъ своему родителю въ іюлѣ 1809 года,—и получили ваканцію. Мнѣ первый опытъ удался не такъ худо, какъ я, по новости, опасался. Мнѣ одному въ семинаріи досталась благодарность и одобреніе исключительное отъ ихъ высокопреосвященствъ—Новгородскаго и Рязанскаго, присутствовавшихъ при испытаніи“ ³⁾. Филаретъ и не понималъ, что, вторя м. Амвросію въ похвалахъ молодому наставнику философіи въ семинаріи, покровительствуемому митрополитомъ, Теофилактъ наблюдаетъ свою политику: такое казовое согласіе съ первенствующимъ членомъ Синода необходимымъ представлялось ему теперь въ видахъ совокупнаго-же съ митрополитомъ одобренія любимца своего—Леонида, о чемъ также простодушно и въ томъ-же письмѣ сообщаетъ Филаретъ: „экзамень былъ и въ академіи. Тамъ особенное одобреніе заслужилъ бакалавръ эстетики, вызванный сюда изъ Калуги и обучающій подъ руководствомъ преосвященнѣйшаго Рязанскаго“ ⁴⁾. Воспользовавшись этимъ успѣхомъ Филарета, Амвросій устрояетъ теперь

¹⁾ Сушкова, лит. соч. стр. 45.

²⁾ Письма Филарета къ роднымъ, стр. 118.

³⁾ Тамъ-же, стр. 121.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 121—122.

дальнѣйшее движеніе его по службѣ. 9-го августа того-же 1809 года, по его представленію, комиссія училищъ назначила Филарета, съ удержаніемъ за нимъ и прежнихъ должностей, еще ректоромъ учрежденнаго при той-же семинаріи Александро-Невскаго училища ¹⁾. А въ концѣ октября того-же 1809 года м. Амвросій снова поднимаетъ въ комиссіи училищъ вопросъ о переходѣ Филарета въ академію на какую-либо кафедру наукъ богословскихъ. Но опять, благодаря Теофилакту и, поддерживавшему болѣе его виды, нежели внушенія митрополита, ректору Евграфу, рѣшеніе этого вопроса затормозилось. И только уже 8 февраля слѣдующаго 1810 года, то-есть послѣ смерти Евграфа, послѣдовавшей неожиданно 11 ноября 1809 года, состоялось утвержденіе Филарета въ должности бакалавра наукъ богословскихъ въ академіи, когда ректоромъ академіи былъ уже Сергій (въ мірѣ Стефанъ Крыловъ-Платоновъ), не менѣе Евграфа знакомый Филарету по Троицкой семинаріи, по болѣе искренно, нежели Евграфъ, расположенный къ Филарету,—при томъ послѣ новаго полугодичнаго экзамена, который также счелъ нужнымъ посѣтить самъ м. Амвросій. Вотъ какъ рассказываетъ обо всемъ этомъ самъ Филаретъ въ письмахъ къ родителю своему отъ 23 декабря 1809 и отъ 24 февраля 1810 года. „Изъ записочки въ письмо мое къ дѣдушкѣ вложенной,—пишетъ онъ въ первомъ письмѣ,—вы, думаю, знаете о смерти о. ректора Евграфа. Теперь узнайте ея обстоятельства“. И затѣмъ подробно рассказавъ объ обстоятельствахъ скоростижной смерти Евграфа, Филаретъ прямо и непосредственно добавляетъ: „чтобы вы не много скучали о сей потерѣ для меня, скажу вамъ, что Богъ и начальство щедрятъ меня. Дѣло о переведеніи меня въ академію приходитъ къ окончанію: если оное состоится, то я буду имѣть очень хорошаго руководителя въ о. ректорѣ Сергіѣ, который комиссіею духовныхъ училищъ назначенъ на мѣсто покойнаго; если-же я и останусь на прежнемъ положеніи, то имѣю въ трудностяхъ по должностямъ очень хорошее облегченіе со стороны о. ректора семинаріи, коего со мною обхожденіемъ могу хвалить-

1) См. послужной списокъ Филарета, приложенный къ I тому его сочиненій изд. 1873—1882. Срав. письма его къ роднымъ, стр. 123.

ся. Не смѣю о вышнихъ: по крайней мѣрѣ могу сказать, что утѣшенъ и ихъ вниманіемъ. 21 дня сего мѣсяца далъ я второй по философскому классу экзаменъ, вмѣстѣ съ богословскимъ: сіе собраніе, хотя не формально, посѣтилъ преосвященнѣйшій митрополитъ. Теперь наслаждаюсь отдыхомъ, и на досугъ готовлюсь слушать московскія новости отъ о. Сергія, котораго со дня на день ожидаемъ. Нынѣ говорятъ, что онъ уже пріѣхалъ“. „Я опредѣленъ въ здѣшней академіи,—пишетъ Филаретъ во второмъ письмѣ,—баккалавромъ богословскихъ наукъ. Для преподаванія отдѣлена мнѣ часть богословія и церковная исторія: по каждому изъ сихъ предметовъ я долженъ дать одну лекцію въ недѣлю. По первому есть классическая книга; а по второму я долженъ писать сокращеніе, держась нѣсколькихъ лучшихъ въ семъ родѣ писателей. Трудовъ не мало: только сіи труды, если не по моимъ силамъ, по крайней мѣрѣ по моему вкусу. Штатнаго по сему мѣсту жалованья 700 рублей; но мнѣ, по соображенію съ прежнимъ моимъ по двумъ мѣстамъ жалованьемъ и по уваженію предметовъ (такъ сказано въ опредѣленіи комиссіи духовныхъ училищъ), экстраординарно прибавлено 400 руб. Отецъ ректоръ новый, очень добрый для меня руководитель и помощникъ. Онъ одоужаетъ меня своими наставленіями, своими книгами; онъ оставилъ меня въ ближнихъ къ нему комнатахъ, когда мнѣ слѣдовало перейти въ другія; и теперь живетъ со мною, такъ сказать, однимъ домомъ, потому что я съ нимъ и обѣдаю. Богъ упокоилъ меня отъ многихъ заботъ, изъ коихъ тягостнѣйшія приносила мнѣ должность инспектора, къ которой я совсѣмъ не родился. Теперь я не вижу безпорядковъ, не слышу ссоръ, не беспокоюсь доносали: около меня тишина и книги. Молю Бога, помолитесь и вы, чтобы Онъ далъ мнѣ ходить не недостойно моего званія“¹⁾. Итакъ, пока живъ былъ Евграфъ, о собственномъ расположеніи Филарета „спрашивали не иначе какъ мимоходомъ“, хотя онъ жилъ и вмѣстѣ съ Евграфомъ; его „обнадеживали“ въ томъ, что исходатайствуютъ ему кафедру наукъ богословскихъ въ академіи, а между тѣмъ, „сверхъ всякаго чаянія“, назначаютъ его наставникомъ „холодной фило-

¹⁾ Письма Филарета къ роднымъ, стр. 129—132.

софіи“, да въ добавокъ инспекторомъ въ семинаріи; м. Платовъ проситъ Св. Синодъ отпустить Филарета въ ректоріи Троицко-лаврской семинаріи, а „тѣ, въ чьихъ рукахъ находилось это дѣло, даже никогда“ ему „о семъ не говорили“ ¹⁾. Теперь не то. Безъ Евграфа, при одномъ только, но достаточно сильномъ представствѣ м. Амвросія, дѣло пошло скорѣе и успѣшнѣе. Благодаря рекомендаціи и представству Амвросія, Филаретъ не только избавляется отъ преподаванія „холодной философіи“ и тягостной должности инспекторской, съ поступленіемъ на давно желанную, любимую кафедру наукъ бгословскихъ въ высшемъ святилищѣ сихъ наукъ—академіи, гдѣ его окружаютъ только „тишина и книги“ но и получаетъ окладъ, далеко высшій въ сравненіи съ другими бакалаврами, въ тоже время и въ новомъ ректорѣ академіи находя болѣе искренняго, чѣмъ Евграфъ, „руководителя и помощника“. Но и этого мало. Теперь м. Амвросій нашелъ благовременнымъ дать просторъ раскрытію и проповѣдническаго таланта Филарета, о которомъ онъ, безъ сомнѣнія, зналъ и отъ Платона, и отъ Евграфа, и отъ Сергія. Для пробы онъ поручилъ ему составить и произнести проповѣдь на день Благовѣщенія въ томъ же 1810 году. Какъ не повичекъ въ дѣлѣ, Филаретъ не задумался: написалъ и произнесъ проповѣдь въ назначенный день въ Благовѣщенской церкви Александровской лавры. Проповѣдь оказалась такъ хороша, что „по волѣ преосвященнѣйшаго митрополита“, какъ говоритъ самъ проповѣдникъ, „была напечатана“ ²⁾ отдѣльною брошюрою на издивеніе Св. Синода, и обратила на себя общее вниманіе въ Петербургѣ. Впечатлѣніе однакоже, какъ и нужно было ожидать, она произвела на слушателей и читателей ея весьма не одинаковое. Многіе, и при томъ изъ дворянъ, съ восторгомъ радости и удивленія къ таланту новопоявившагося проповѣдника, встрѣтили его проповѣдь, съ увлеченіемъ читали ее, запрашивали у него для себя экземпляры ея, такъ что изъ большаго числа печатныхъ экземпляровъ ея, подаренныхъ митрополитомъ проповѣднику, много разошлось по рукамъ въ ко-

1) Тамъ-же, стр. 131.

2) Тамъ же, стр. 134.

роткое время" ¹⁾. Но нашлись также „нѣкоторые умные люди“, — очевидно изъ партіи Теофилакта, „которые вздумали увѣрять глупыхъ, будто бы“ онъ, Филареть, „обокралъ Массильона“. Это обстоятельство побудило его предлагать желающимъ и остальные экземпляры своей проповѣди на день Благовѣщенія и въ тоже время „рекомендовать слово Массильона на тотъ же день" ²⁾. Какъ очевидно, Филареть теперь, особенно же при большей, чѣмъ то было прежде, искренности и откровенности ректора академіи, началъ немного понимать характеръ петербургской политики, началъ яснѣе различать лагеря лицъ ему благопріятствующихъ и враждебныхъ. По крайней мѣрѣ вотъ что пишетъ онъ своему родителю въ іюлѣ того же 1810 года: „5-е число праздновалъ я нынѣшній годъ также, какъ прежде въ Сергіевой лаврѣ: преосвященный митрополитъ былъ въ этотъ день въ Сергіевой пустыни, отстоящей отсель на 6 верстъ, гдѣ и я служилъ съ нимъ и провелъ два дни“. И тотчасъ же велѣдъ за симъ: „Вы желали знать объ о. Леонидѣ. Онъ учился со мною нѣсколько мѣсяцевъ въ Троицкой лаврѣ, а окончилъ ученіе въ Калугѣ; тамъ же былъ учителемъ и префектомъ; а по вступленіи въ монашество, предъ открытіемъ здѣшней академіи, по предложенію преосвященнаго Теофилакта, вызванъ сюда, и опредѣленъ бакалавромъ класса словесныхъ наукъ, котораго образованіе принялъ преосвященный на себя. Онъ проходитъ эстетику по Бутервеку, и изъясняетъ, какимъ образомъ идея изящнаго и высокаго пронизая изъ глубины сознанія, производитъ чувство или гармоническаго развитія человѣческихъ силъ, или свободной игры, или идеальнаго паренія въспрѣ человеческого духа, и пр. и пр." ³⁾. Ясно, что насколько при упоминаніи объ отношеніяхъ къ митрополиту Амвросію въ словахъ письма Филарета звучитъ товъ сообщеній о давнихъ, беззабытно искреннихъ, семейныхъ отношеніяхъ къ митрополиту Платону ⁴⁾, на столько же въ характеристикѣ любимца Тео-

¹⁾ Тамъ же, стр. 136.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же, стр. 137—138. Последнія слова письма и въ подлинникѣ отмѣчены курсивомъ.

⁴⁾ Можетъ быть даже митрополиту Амвросію и хотѣлось оживить въ юномъ

Филактова Леонида слышится совершенно иной тономъ, — тономъ холоднаго сообщенія, а въ концѣ даже — прони, хотя и чрезвычайно сдержанной, осторожной: осторожности въ письменныхъ сообщеніяхъ своихъ Филаретъ научился еще въ бытность въ Троицко-лаврской семинаріи ¹⁾. Между тѣмъ, благодаря проповѣди на день Благовѣщенія, взоры всѣхъ безпристрастныхъ людей, какъ мы замѣчали и выше, обратились на молодаго инокѣ. Изъ сличенія этой проповѣди съ проповѣдію Массильона они ясно видѣли, какъ несправедливы были упреки завистниковъ и недоброжелателей его въ хищеніи будто бы имъ мыслей у Массильона. Возрастаніе славы Филарета, какъ выдающагося проповѣдника, равно какъ и дальнѣйшее движеніе его по службѣ сразу были обезпечены. И значительное время спустя послѣ произнесенія проповѣди экземпляровъ ея ищутъ, запрашиваютъ у него; ищутъ знакомства съ нимъ и т. д. „Экземпляровъ (проповѣди), — пишетъ Филаретъ своему родителю отъ 29 августа 1810 года, — и у меня осталось мало, хотя и въ С. Л. ²⁾ не посылалъ. Доселѣ находятся такіе, которые просятъ. Одинъ свѣтскій человекъ, имѣвъ и читавъ, приѣзжалъ сюда нѣсколько разъ, чтобъ найти меня: съ своей любовію къ христіанству, убѣдилъ меня сдѣ-

иноу, заброшенномъ на дальній сѣверъ, удаленномъ отъ родины и Платона, воспоминаніе объ этихъ отношеніяхъ своимъ сердечнымъ участіемъ, отеческимъ вниманіемъ къ нему. Ему, Амвросію, конечно, памятни были изреченія старца митрополита Платона, не разъ высказанныя какъ въ письмахъ его съ Амвросію, такъ и въ донесеніи Св. Синоду отъ 28 декабря 1808 года: „особливо о іеродіаконѣ Филаретѣ прошу Св. Правительствующій Синодъ обратить его паки въ Троицкую семинарію, гдѣ онъ, яко сходственно съ его желаніемъ, можетъ лучшій успѣхъ оказать для общей пользы; и какъ я объ немъ особливо прилагалъ, въ разсужденіи его воспитанія, отеческое стараніе: то сіе много послужитъ къ утѣшенію моей старости; а его единого огбытіе удобно можетъ вознаграждено быть изъ другихъ училищъ“. (См. у Чистовича въ цит. соч. стр. 183, примѣч.) Срав. раньше приведенныя выдержки изъ писемъ митрополита Платона къ Амвросію и Августину о томъ же. Срав. также вышеприведенное сообщеніе Суикова о разговорѣ, бывшемъ между Платономъ и Филаретомъ предъ отбытіемъ послѣдняго въ Петербургъ.

1) Срав. Письма Филарета къ роднымъ, стр. 73, 77, 124, 133 и др.

2) Въ Сергіеву Лавру. А между тѣмъ мы, конечно, не забыли изъ предшествующаго, что экземпляровъ проповѣди Филарету, по его собственному же сообщенію, было дано много

даться ему знакомымъ“¹⁾). О комъ именно говорить въ послѣднихъ словахъ письма Филарета, угадать навѣрное довольно трудно, хотя по дальнѣйшимъ отношеніямъ, а равно и по тому сообщенію, таинственно важному, мы и могли бы предположить здѣсь сближеніе Филарета съ кн. Голицынымъ. Припомнимъ, что митрополитъ Амвросій, вскорѣ же по прибытіи Филарета въ Петербургъ, познакомилъ его съ княземъ, оберъ-прокуроромъ, познакомилъ и съ другими лицами изъ высшаго круга. Въ первый день Пасхи 1809 года Филаретъ, только что посвященный въ іеромонаха, вмѣстѣ съ другими лицами духовно-учебнаго вѣдомства, по его-же собственному сообщенію²⁾, былъ даже съ официальнымъ визитомъ у князя. Но тогда молодой, почти неизвѣстный инокъ-пришелецъ, къ тому-же рекомендованный не пользовавшимся хорошею въ Петербургѣ репутаціею м. Амвросіемъ, былъ мало замѣченъ имъ. Теперь, другое дѣло. Послѣ такой проповѣди, какъ проповѣдь Филарета на день Благовѣщенія, на которую всѣ обратили вниманіе, онъ самъ ищетъ знакомства съ инокомъ. Въ чемъ-же тутъ сущность дѣла? Почему проповѣдь Филарета могла обратить на себя такое вниманіе большинства лицъ высшаго круга тогдашняго петербургскаго общества вообще и въ частности князя, оберъ-прокурора А. Н. Голицына? Проповѣдь трактуетъ о царствѣ Христовомъ и при этомъ въ ней проводится мысль, что царство Христово *нѣтъ отъ міра сего, что царствоіе Божіе внутрь насъ есть*³⁾. Вотъ въ этомъ-то и вся сущность дѣла. Проповѣдь Филарета, стало быть, какъ разъ соотвѣтствовала тому мистическому настроенію, которымъ уже и въ то время, не говоря о времени, послѣдовавшемъ за событіями 1812 года, была объята значительная и при томъ самая, говоря по ширѣшему, интеллигентная часть петербургскаго общества. Въ такомъ-же настроеніи уже въ ту пору былъ и князь оберъ-прокуроръ. Въ свое время мы скажемъ обстоятельнѣе какъ объ этомъ настроеніи духа современниковъ петербургскаго періода проповѣднической дѣятельности Филарета, такъ равно и

1) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 139.

2) См. тамъ-же, стр. 118--119.

3) См. эту проповѣдь въ I томѣ сочиненій Филарета изд. 1873 г. на стр. 134—139.

о томъ, въ какой степени шла въ тактъ этому настроенію проповѣдь Филарета; а теперь продолжимъ исторію отношеній, положенія и службы Филарета въ означенный періодъ. Во вниманіи къ проповѣдническому таланту Филарета, князь Голицынъ теперь самъ уже предлагаетъ м. Амвросію поручать молодому іеромонаху возможно чаще произносить проповѣди. И мы видимъ, что въ слѣдующемъ 1811 году Филаретъ произноситъ уже не одну, а цѣлыхъ семь проповѣдей, вполнѣ упрочившихъ его проповѣдническую славу и служебное положеніе. Но, конечно, въ тоже время и зависть съ недоброжелательствомъ не дремали. Мы не забыли, конечно, что Теофилактъ самъ желалъ славиться и дѣйствительно славился, какъ проповѣдникъ. Понятно, какими глазами могъ онъ смотрѣть на начинавшуюся славу нашего молодого проповѣдника, покровительствуемаго теперь къ тому же не только Амвросіемъ, но и оберъ-прокуроромъ Св. Синода, и еще болѣе теперь, нежели прежде, представлявшаго въ себѣ поводъ къ опасеніямъ за осуществленіе его завѣтной мечты—имѣть при себѣ ректоромъ Леонида на время предсѣдательства своего въ Св. Синодѣ. Не даромъ уже отъ 6 ноября 1810 года Филаретъ пишетъ своему родителю: „что до меня принадлежитъ, я никому не завидую. Жаль только, что здѣшнія дѣла не всегда идутъ прямою дорогою; а потому на что ни положишь руку, всегда должно опасаться, чтобъ не подтолкнули. Это иногда безпокоитъ; однако и противъ сего есть средство. Надобно все принимать не отъ людей, а отъ Бога, и все сдѣлается хорошимъ“ ¹⁾. А въ 1811 году недоброжелатели Филарета сдѣлали даже и открытое нападеніе на него и именно по поводу первыхъ двухъ проповѣдей его въ семь году: на Пасху (2 апрѣля) и Пятидесятницу (21 мая). Вотъ какъ рассказывалъ объ этомъ послѣ, по воспоминанію, самъ Филаретъ: Леонидъ „позавидовалъ мнѣ, и первую мою проповѣдь на Пасху назвалъ одою. Но митрополиту Амвросію она понравилась, и онъ, припомнивъ, что я часто говорилъ проповѣди въ лаврѣ, совѣтовалъ мнѣ заниматься этимъ болѣе здѣсь. Для этого самъ назначилъ мнѣ и день (Троицынъ) и

¹⁾ Письма Филарета къ роднымъ, стр. 140.

тому (о дѣйствіяхъ или дарахъ Св. Духа). Я отказывался по трудности предмета, но митрополитъ сказалъ: напиши, какъ можешь. Я приготовилъ, представилъ ректору Сергію; тотъ прочиталъ, послалъ меня съ нею къ митрополиту, который выслушалъ и приказалъ произнести въ церкви. Когда явился я въ соборъ лаврскій и вошелъ въ олтарь, Теофилактъ подозвалъ меня къ себѣ и, спросивъ, не я-ли проповѣдникъ нынѣ, попросилъ прочитать проповѣдь и тутъ-же прочиталъ ее. Въ свое время проповѣдь была произнесена. Послѣ обѣдни жившіе въ лаврѣ и служащіе и нѣкоторые изъ свѣтскихъ пришли къ митрополиту. А. О. Лабзинъ ¹⁾ между разговоромъ почему-то привелъ въ подтвержденіе слова изъ слышанной имъ въ тотъ день проповѣди. При этомъ Теофилактъ возразилъ: а что вы думаете? Нынѣшняя проповѣдь отзывается духомъ пантеизма. Какъ пантеизма? спросилъ митрополитъ. Теофилактъ не отступился отъ своего отзыва, и только по усиленному убѣжденію митрополита замолчалъ. Послѣ обѣда однакоже, когда гости пошли въ садъ, и ректоръ Сергій назвалъ меня пантеистомъ, я приступилъ къ нему и объяснилъ, что легко ему налагать крестъ на молодаго человѣка, безъ поддержки, безъ связей. Но прошу замѣтить, прибавилъ я, что если пантеистъ я, то не одинъ. Читалъ эту проповѣдь митрополитъ, читали и вы. Итакъ всѣ мы трое будемъ пантеисты. Ректоръ Сергій передалъ объ этомъ разговорѣ митрополиту. Тотъ вытребовалъ проповѣдь къ себѣ и послалъ ее со мною къ Меодію Тверскому, тогда славившемуся и ученостію и твердостію въ догматахъ церковныхъ. Тотъ письменно отозвался митрополиту, что проповѣдь *достойна сана учителя наставника и ничего противнаго православію не содержитъ*. Послѣ того начали толковать въ Синодѣ, чтобы проповѣдь напечатать; брали ее на разсмотрѣніе и Голицынъ и Сперанскій. И какъ всѣми она была одобрена, то и была напечатана. Послѣ этой исторіи митрополитъ предложилъ мнѣ

¹⁾ А. О. Лабзинъ, дѣйств. ст. сов., конференцъ-секретарь академіи художествъ и директоръ департамента морскаго министерства, извѣстный мистикъ того времени, издававшій въ 1806 и 1817—1818 годахъ мистическій журналъ „Сіонскій Вѣстникъ“.

еще приготовить на какой-нибудь день проповѣдь, которую могли бы слушать и Голицынъ и Сперанскій. Я написалъ: это была проповѣдь, помнится, на 4-е воскресенье по Пятидесятницѣ изъ текста: *оброцы грѣха смерть*“ ¹⁾. И вскорѣ послѣ этого я былъ Высочайше награжденъ крестомъ съ драгоценными камнями“ ²⁾. Къ этому у Сущикова добавляется о послѣдствіяхъ проповѣди Филарета на Троицынъ день, что „князь А. Н. Голицынъ, прочитавъ ее, пожелалъ чаще слушать новаго проповѣдника, попросилъ митрополита поручить ему говорить въ каждый праздникъ, и постоянно посѣщалъ по праздникамъ лавру, вмѣстѣ съ Лабзинимъ и другими лицами, къ которымъ постепенно присоединялись А. Н. Оленинъ ³⁾, А. И. Тургеневъ ⁴⁾, А. С. Стурдза ⁵⁾, и т. д.“ ⁶⁾. Такимъ образомъ, въ итогѣ выигрышъ оказался на сторонѣ Филарета, а не Теофилакта. Благодаря милостивому вниманію къ молодому проповѣднику со стороны такихъ особъ, какъ м. Амвросій, Голицынъ и Сперанскій, онъ дѣлается лично извѣстнымъ самому Государю Императору. Награжденіе Филарета наперснымъ крестомъ съ драгоценными камнями изъ кабинета Его Величества отъ 30 іюня 1811 года послѣдовало именно „за отличіе въ проповѣдываніи слова Божія“, какъ сказано въ послужномъ спискѣ его. А вотъ что самъ Филаретъ сообщаетъ по поводу этой награды въ письмѣ къ своему родителю отъ 4-го

1) Всѣ три проповѣди напечатаны потомъ въ I томѣ сочленій Филарета изданія 1873—1882 г.

2) См. статью: „Изъ воспоминаній покойнаго митрополита Филарета“ въ „Правосл. Обзор.“ за 1868 г. т. 26, стр. 512 — 514. Награда послѣдовала 30 іюня 1811 года (о чемъ см. послужной списокъ Филарета), слѣдовательно чрезъ 12 дней послѣ проповѣди на 4-ю недѣлю по Пятидесятницѣ (бывшую въ 1811 году 18 іюня).

3) А. Н. Оленинъ, тайный совѣтникъ, директоръ Императорской публичной библіотеки, „незабвенный другъ просвѣщенія и пламенный патріотъ“ („Рус. Арх.“ 1868 г. стр. 1983) сблизился съ Филаретомъ не позже 1812 года.

4) А. И. Тургеневъ былъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ и друзей князя А. Н. Голицына, а слѣдовательно и Филарета. См. о немъ въ „Москов. Вѣдомост.“ за 1845 годъ (годъ кончины его). № 148.

5) А. С. Стурдза въ 1816 году даже издалъ нѣкоторыя проповѣди Филарета на французскомъ языкѣ, самъ потрудившись въ переводѣ ихъ съ русскаго яз. См. Чтенія въ общ. люб. дух. просв. за 1869 г. кн. VI, стр. 72 Матеріаловъ для біографіи Филарета.

6) Сущикова, цит. соч. стр. 95. Срав. стр. 94.

іюля того-же 1811 года: „случай къ сему подали нѣкоторыя проповѣди, о которыхъ Его Императорское Величество узналъ, какъ сказано въ отношеніи князя оберъ-прокурора къ преосвященнѣйшему“ митрополиту, который самъ возложилъ на молодого іеромонаха „пожалованный ему наперсный крестъ“ ¹⁾. Черезъ 8 дней послѣ этой награды Филаретъ возводится и въ санъ архимандрита, будучи не болѣе какъ 28 съ половиною лѣтъ отъ роду ²⁾. Все это совершилось въ отсутствіе Теофилакта, посѣщавшаго въ то время свою епархію ³⁾. Впрочемъ, въ утѣшеніе послѣднему, и Леонидъ былъ произведенъ въ архимандриты на другой день послѣ Филарета ⁴⁾, хотя онъ былъ старше послѣдняго и лѣтами возраста и службою въ священномъ санѣ, но духовно-училищному вѣдомству и при Петербургской академіи. Такое быстрое повышеніе Филарета было именно знакомъ того вниманія къ нему начальства, о которомъ говорено было выше. Тоже вниманіе выразилось и въ порученіи ему ревизіи петербургскихъ духовныхъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, совершенной имъ въ іюль того-же 1811 года ⁵⁾. И всему этому главною виною было проповѣдничество Филарета. Благодаря вышеупомянутымъ проповѣдямъ своимъ Филаретъ дѣлается, такъ сказать, моднымъ проповѣдникомъ. Предполагается освященіе знаменитаго Казанскаго собора,—Филарету поручаютъ произнести при этомъ торжествѣ проповѣдь, и онъ произноситъ ее, хотя и не на день освященія главнаго престола (15 сентября), а при освященіи придѣльнаго храма (17 сентября). Умираетъ знаменитый екатерининскій вельможа и богачъ, графъ А. С. Строгановъ,—Филарета просятъ сынъ покойнаго произнести надгробное по немъ слово, которое и произносится нашимъ проповѣдникомъ 3 октября того же 1811 года. Слово это такъ понравилось и семейству покойнаго и всѣмъ, присутствовавшимъ при погребеніи, что

1) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 140—150. Крестъ былъ стоимостью въ 1198 рублей, о чемъ см. въ томъ-же письмѣ Филарета.

2) См. послужной списокъ Филарета. Срав. также письма его къ роднымъ, стр. 150—151.

3) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 147—148, 151.

4) Тамъ-же стр. 150—151.

5) Тамъ-же. стр. 151. Срав. послужной списокъ Филарета.

это слово втеченіи короткаго времени двукратно было напечатано отдѣльною брошюрою. Филарета просятъ сказать снова проповѣдь при 40-дневномъ поминовеніи покойнаго графа: Филаретъ произноситъ (5 ноября) по этому случаю еще болѣе блестящую проповѣдь, напоминавшую собой знаменитое слово Анастасія Братановскаго на погребеніе И. И. Бецкаго. Въ половинѣ января слѣдующаго 1812 года умираетъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ дѣятелей Александрова царствованія, не задолго передъ тѣмъ (до 1810 года) бывшій министромъ народнаго просвѣщенія, графъ П. В. Завадовскій, и Филаретъ, по просьбѣ семейства покойнаго графа, произноситъ (17 января) блестящее поучительно-похвальное слово, за которое, какъ и за проповѣди на память о графѣ Строгановѣ, получаетъ отъ семейства Завадовскихъ въ благодарность значительное денежное вознагражденіе ¹⁾. Наконецъ, въ Великій Пятокъ того-же 1812 года (апрѣля 19) Филаретъ, по примѣру своихъ учителей въ проповѣдничествѣ,—м. Платона и арх. Анастасія (Братановскаго), произноситъ слово даже въ придворной церкви, въ присутствіи Императрицы: Елисаветы Алексіевны и Маріи Θεодоровны ²⁾. Въ то же время и въ связи съ тѣмъ кругъ знакомствъ проповѣдника съ лицами высшаго петербургскаго общества все болѣе и болѣе расширяется. О князѣ А. Н. Голицынѣ за это время самъ Филаретъ говоритъ, напримѣръ, въ письмѣ къ родителю своему отъ 28 ноября 1811 года: „въ продолженіе осени я нѣсколько разъ былъ у князя Александра Николаевича, и въ его иногда экипажѣ. Онъ подарилъ еще мнѣ духовныя творенія Фенелона на французскомъ. Теперь онъ нездоровъ: помолитесь о немъ: онъ истинный ревнитель вѣры и церкви“ ³⁾. А у князя Голицына перѣдко собиралось тогда высшее петербургское общество, съ которымъ онъ, въ свою очередь, знакомилъ молодаго архимандрита. Затѣмъ подобное же было и со стороны графа Строгопова—сына, послѣ двухъ проповѣдей, произнесенныхъ

¹⁾ См. Письма Филарета къ роднымъ, стр. 153; 157.

²⁾ Всѣ исчисленныя проповѣди Филарета, печатанныя отдѣльными брошюрами вслѣдъ за ихъ произнесеніемъ, собраны и помѣщены въ I томѣ сочиненій его изд. 1878 года.

³⁾ Письма Филарета къ роднымъ, стр. 154.

Филаретомъ въ память его родителя, какъ о томъ свидѣтельствуется самъ проповѣдникъ въ томъ же письмѣ къ родителю отъ 28 ноября: „въ чотырдесятый день по кончинѣ покойнаго графа Александра Сергѣевича Строгонова говорилъ я другую проповѣдь. Послѣ сего сынъ его Павелъ Александровичъ нѣсколько разъ приглашалъ меня къ себѣ, и наконецъ я былъ у него. Опъ, графиня и нѣсколько еще чловѣкъ, составлявшихъ общество, почти весь вечеръ говорили—о духовныхъ матеріяхъ! Какая проповѣдь за проповѣдь!“¹⁾ А въ домѣ этого богача, вельможи и высоко образованнаго чловѣка собиравлсь даже и изъ вышаго-то общества самое избранное. Его домъ весьма часто посѣщаль за-просто самъ Государь Императоръ и другіе члены Царской фамиліи²⁾. Но и этого мало. Въ послѣдней половинѣ того же 1811 года Государыня Императрица Елисавета Алексіевна выразила князю А. Н. Голицину желаніе ближе познакомиться съ главнѣйшими пунктами разности между вѣроисповѣданіями православнымъ и римско-католическимъ. И что же? Въ исполненіе желанія Императрицы князь оберъ-прокуроръ поручаетъ составить это „Изложеніе разности“ тремъ богословамъ одновременно, болѣе или менѣе извѣстнымъ намъ: Меодію, архіепископу Тверскому, Теофилакту, архіепископу Рязанскому и—Филарету, архимандриту и бакалавру академіи³⁾. Вотъ съ кѣмъ на ряду, уже въ 1811 году, поставленъ былъ Филаретъ. Чрезъ это онъ еще болѣе сталъ извѣстнымъ и при дворѣ. Знамснительно, благодаря этимъ отношеніямъ и этой извѣстности Филарета, совершившееся въ самомъ концѣ 1811 г., а опубликованное въ началѣ слѣдующаго 1812 года событіе: отецъ Филарета получаетъ небывалую въ его положеніи награду, именно сразу два отличія: камилавку,—по представле-

1) Тамъ же.

2) См. *Водановичъ*. „Исторія царствованія Императора Александра I в Россіи въ его время“. Томъ I, стр. 80. Спб. 1869.

3) Это „Изложеніе разности между восточною и западною церковію въ ученіи вѣры“ всѣхъ трехъ поименованныхъ авторовъ, до 1870 года остававшееся въ рукописи, въ этомъ году напечатано было въ I кн. „Чтеній въ обществ. исторіи и древностей“. Сравн. нашу статью по поводу этого трактата Филарета въ 1-й кн. „Чтеній въ общ. люб. дух. просв.“ за 1884 г. стр. 19—40.

нію Св. Синода, и наперсный крестъ,—по представленію оберъ-прокурора и по „особенному благоволенію Монарха къ сыну награждаемаго, толико ознаменовавшему себя на поприщѣ проповѣданія слова Божія“, какъ сказано въ оффиціальной бумагѣ по этому случаю ¹⁾. Понятно, какъ ко всему этому долженъ былъ относиться, если не наружно, то въ душѣ Теофилактъ, еще къ началу осени 1811 года вернувшійся снова въ Петербургъ изъ своей епархіи. Если уже въ 1810 году Филаретъ, на ряду съ ласками, „примѣчалъ и косые взгляды, бросаемыя изъ-подъ тиха“ ²⁾, то тѣмъ болѣе теперь. Теперь Филаретъ представлялъ въ себѣ еще болѣе препонъ къ осуществленію плановъ Теофилакта на счетъ Леонида. Поэтому Теофилактъ спѣшитъ, такъ сказать, осуществленіемъ этихъ плановъ. Съ этою цѣлію онъ прежде всего осенью же 1811 года слагаетъ съ себя званіе профессора словесныхъ наукъ въ академіи, для предоставленія этого званія Леониду, который, благодаря его ходатайству, опредѣленіемъ комиссіи духовныхъ училищъ отъ 18 октября сего года, и назначается исправляющимъ должность профессора ³⁾, тогда какъ Филаретъ остается все еще по прежнему бакалавромъ. Съ тою же цѣлію Теофилактъ все въ томъ же еще 1811 году начинаетъ производить весьма чувствительное давленіе на знакомаго намъ добраго, искренно расположеннаго къ Филарету, ректора архимандрита Сергія, въ видахъ вытѣсненія его изъ должности ректора и замѣщенія ея Леонидомъ. Давленіе вліятельнаго въ Синодѣ, и при томъ весьма близкое имѣвшаго отношеніе къ академіи и по званію члена Синода, и комиссіи духовныхъ училищъ, и по званію протектора класса словесныхъ наукъ, архіепископа было такъ сильно, что Сергій дѣйствительно сталъ проситься о перемѣщеніи его куда-бы то ни было, лишь бы избавиться отъ ближайшаго гнета этого Бріѳна, какъ онъ называлъ Теофилакта, сравнивая его съ извѣстнымъ въ то время французскимъ епископомъ этого имени. ⁴⁾ Въ февралѣ 1812

1) См. Письма Филарета къ роднымъ, стр. 155—156 и 158—159 примѣч.

2) Тамъ же, стр. 138.

3) См. *Чистовича* цит. соч. стр. 251.

4) См. Воспомнанія Филарета въ „Православномъ Обзорѣніи“ за 1868 г. т. 26 стр. 516; срав. стр. 515 и *Чистовича*, цит. соч. стр. 206—207.

года и состоялось нареченіе Сергія во епископа Костромскаго ¹⁾. На его мѣсто въ ректорской должности Теофилактъ и въ Синодѣ и въ комиссіи духовныхъ училищъ предложилъ, какъ и слѣдовало ожидать, Леонида; но митрополитъ Амвросій предложилъ съ своей стороны другаго кандидата—Филарета. И что-же? Богу угодно было, чтобы бакалавръ былъ предпочтенъ профессору. Выборъ палъ на Филарета, съ возведеніемъ его въ званіе профессора богословскихъ наукъ, а Леонидъ остался зипъ профессоромъ, теперь утвержденный въ этомъ званіи. Назначеніе Филарета въ ректоры состоялось 11 марта 1812 года, когда, слѣдовательно, ему было только 29 лѣтъ съ небольшимъ отъ роду. Такъ гремѣла слава Филарета уже за то время въ Петербургѣ, и при томъ стяжанная по преимуществу проповѣдничествомъ его. Къ чести Филарета должно сказать, что онъ отнюдь не кичился своею новою должностію и званіемъ: онъ даже не радовался ей, а, напротивъ, считалъ ее бременемъ, особенно въ виду продолжавшихся отношеній Теофилакта съ его партіею въ академіи, хотя и съ обычною покорностію волѣ начальства принялъ ее. Вотъ какъ самъ онъ сообщаетъ о своемъ новомъ назначеніи въ письмѣ къ родителю отъ 22 марта 1812 года: „отецъ ректоръ Сергій—уже преосвященный Сергій. Его прежнее бремя упало на меня. Попросите мнѣ у Бога силъ, или помощи въ немощахъ, и терпѣнія. Есть люди, которые много меня утѣшаютъ; есть и такіе, которые озабочиваютъ. Да будетъ то, что угодно Богу“ ²⁾. Послѣ вышесказаннаго, смыслъ выраженія „есть и такіе, которые озабочиваютъ“ весьма понятенъ. Зная по опыту съ Сергіемъ характеръ отношеній Теофилакта съ его партіею къ академіи, Филаретъ, особенно теперь, когда не сбылись планы этого Бриэна на счетъ любимца его Леонида, предвидѣлъ еще большія осложненія и затрудненія для себя въ отношеніяхъ его къ завѣдуемой имъ, Филаретомъ, академіи. Не даромъ, когда Сергій, по рукоположеніи во епископа, утѣшая Филарета, говоритъ ему: „увѣряю тебя, ты сбудешь этого Бриэна“, Филаретъ отвѣчалъ тоскливо: „гдѣ мнѣ сбыть; хотя-бы само-

¹⁾ См. Письма Филарета къ роднымъ, стр. 157; срав. Чистовича, цит. стр. 245

²⁾ Письма Филарета къ роднымъ, стр. 159.

го куда не послали“¹⁾). Однако увѣренія Сергія сбылись, хотя и послѣ долгой борьбы съ интригою. Филарету выпалъ не пріятный жребій играть дѣйствующую роль въ драмѣ, окончившейся, какъ мы замѣтили раньше, смертію Леонида и безславнымъ удаленіемъ Теофилакта изъ Петербурга. Мало того, онъ былъ даже невольнымъ орудіемъ такого печальнаго конца этой драмы. Мы говорили выше о томъ, какіе затаенные планы питалъ въ душѣ своей Теофилактъ и какъ подготовлялъ онъ осуществленіе этихъ плановъ, какъ, потому, „изъ-подъ тиха“, но косо смотрѣлъ на возвышавшагося мало-по-малу Филарета, котораго онъ считалъ наперсникомъ м. Амвросія, и т. д. Между прочимъ, чтобы подготовить и умы лицъ, стоявшихъ во власти, и общественное мнѣніе къ признанію нетерпимости дальнѣйшаго служенія м. Амвросія, онъ не пренебрегалъ и средствами, весьма неблаговѣдными. Такъ, не говоря уже о томъ, что при всякомъ удобномъ случаѣ онъ старался унижить м. Амвросія безоцѣдною критикою его мнѣній, даже официально высказываемыхъ, онъ не устыдился и на церковной каѳедрѣ касаться репутаціи почтеннаго старца. „Разъ ввелъ онъ въ свою проповѣдь,—повѣствуетъ по воспоминанію самъ Филаретъ, изображеніе чловѣка престарѣлаго, обремененнаго службою, изъ-за котораго управляетъ дѣлами молодой чловѣкъ: это намекалъ онъ на митрополита Амвросія и на меня. Слухи объ этомъ ходили повсюду, такъ что я рѣшился донести объ этомъ митрополиту и указалъ ему способъ къ прекращенію такихъ проповѣдей на будущее время, именно напомнилъ ему 20-е правило VI вселенскаго собора, которымъ воспрещается проповѣдывать въ чужой епархіи. Тотъ предложилъ это указаніе самому Теофилакту въ Св. Синодѣ, и Теофилактъ въ самомъ дѣлѣ пересталъ проповѣдывать“²⁾). Другой случай. „Въ академіи Теофилактъ замышлялъ господствовать,—говоритъ тамъ-же Филаретъ,—черезъ проектъ. Первая часть его о внутреннемъ управленіи была уже написана; во второй, составленной подъ вліяніемъ Теофилакта, было сказано, что внѣшнее академическое правленіе состоитъ изъ членовъ внутрення-

1) Воспомин. Филарета въ „Прав. Обозр.“ 1868 г. т. 26, стр. 517.

2) „Правосл. Обозр.“ за 1868 г. т. 26, стр. 516.

го и изъ членовъ конференціи. Митрополиту не дали никакого вліянія на виѣшнее академическое правленіе, тогда какъ подчинили ему семинарскія правленія, которыя должны были входить съ представленіями къ своимъ архіереямъ, въ томъ числѣ и С.-Петербургское—къ митрополиту, а эти представленія съ резолюціями митрополита пересматривались и могли быть отвергаемы въ академическомъ правленіи. Леониду, моему товарищу, который занимался эстетикой, состоялъ подъ руководствомъ Теофилакта и былъ къ нему близокъ, я говорилъ объ этой несообразности, и старался показать нелѣпость такого порядка. Но онъ увѣрялъ, что это сдѣлано только на время: „вотъ будетъ Теофилактъ митрополитомъ, все перемѣнится“. Однакоже я настоялъ, чтобы виѣшнее академическое правленіе было поставлено въ должныя отношенія къ епархіальному преосвященному¹⁾. Ясно, что всѣми такими и подобными дѣйствіями Теофилактъ хотѣлъ и старался „раздражить“ м. Амвросія „и довести до того, чтобы онъ хотя слово сказалъ о желаніи удалиться на покой. Но онъ стоялъ непреклонно, и оказалъ услугу Церкви тѣмъ, что не сдвинулся съ своего мѣста, потому что Церкви угрожало очень вредное паправленіе, если бы водворился на митрополию Теофилактъ. Не самъ я поставилъ себя, говорилъ Амвросій, не могу самъ себя и снять съ своего поста“. Однако „крѣпко онъ задумывался самъ съ собою“²⁾, видя все еще продолжавшіяся интриги Теофилакта не въ томъ, такъ въ другомъ отношеніи, и не имѣя силъ и средствъ къ окончательному разрушенію плановъ и сокрушенію несправедливыхъ притязаній своего врага, бывшаго въ то время еще въ полномъ разцвѣтѣ силъ мужества, считавшагося передовымъ человѣкомъ въ противоположность ему, отсталому старцу, и въ добавокъ имѣвшаго большія связи при дворѣ и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Къ окончательному разрушенію плановъ и сокрушенію притязаній и силы Теофилакта послужила печальная во многихъ отношеніяхъ

1) Стр. 511—512. Хотя при этомъ или въ воспоминаніи самого Филарета, или въ рѣчи передатчика его „Воспоминаній“ перепутываются, очевидно, нѣкоторыя хронологическія данныя, однако сущность факта остается непоколебимо вѣрною.

2) Тамъ-же, стр. 518.

исторія „Эстетическихъ разсужденій Ансильона“,—и опять благодаря Филарету. Начало этой исторіи восходитъ къ 1811 г., а печальный конецъ — къ концу 1813 года. Подробности ея можно читать у Сушкова ¹⁾, въ „Воспоминаніяхъ Филарета“ ²⁾ и др. Мы ограничимся здѣсь, конечно, лишь самыми существенными чертами этихъ подробностей. Еще въ 1811 году Теофилактъ, чрезъ посредство Леонида, рѣшилъ воспользоваться услугами студентовъ духовной академіи для перевода „Эстетическихъ разсужденій Ансильона“, при участіи и Леонида въ переводѣ. Переводъ окупченъ былъ къ началу времени ректорства Филарета и помѣченъ въ рукописи цензурнымъ дозволеніемъ отъ 30 апрѣля 1812 года. Теофилакту хотѣлось непременно, чтобы при выпускѣ книги изъ типографіи на заглавномъ листѣ ея красовалось имя студентовъ академіи, переведшихъ сочиненіе Ансильона подъ его руководствомъ. Этимъ онъ желалъ связать свое имя съ именемъ академіи, въ которой былъ профессоромъ. А новому ректору не хотѣлось, „чтобы въ заглавіи книги стояло имя студентовъ. Это была-бы первая книга, первый плодъ академіи, преобразованной,—основательно думалъ онъ,—и заключала бы въ себѣ такъ много несогласнаго съ направленіемъ, приличнымъ духовной академіи“. На это указывали ректору „многіе даже свѣтскіе люди“. „Я, говоритъ опъ самъ, — объяснялъ это митрополиту: тотъ говорилъ Теофилакту. Теофилактъ не соглашался оставить дѣло, не соглашался и выпустить книгу въ свѣтъ безъ имени студентовъ академіи“ ³⁾. Такимъ образомъ дѣло изданія книги затянулось до 1813 года, когда она, по настоянію Теофилакта, и выпущена была таки въ свѣтъ подъ такимъ заглавіемъ: „Естетическія разсужденія г. Ансильона, члена королевской академіи наукъ въ Пруссіи. Переведены съ французскаго языка гг. студентами С.-Петербургской духовной академіи, въ пользу любителей прекраснаго и высокаго, подъ руководствомъ синодальнаго члена, преосвященнаго Теофилакта, архіепископа Рязанскаго. Спб. 1813“. Тогда Филаретъ, „по письменному

1) Стр. 91—94.

2) „Прав. Обзор.“ за 1868 г. т. 26, стр. 514—515, 530—540

3) „Прав. Обзор.“ цит. статья тома 26-го, стр. 514—515.

предложенію его высокопреосвященства“, м. Амвросія, написалъ по осени 1813 года „примѣчанія“ на эту книгу, въ которыхъ выставялъ на видъ недостатки ея, чтобы показать, „что академія не безъ разбора пріемлетъ мудрорапія сего писателя“. Въ октябрѣ эти „примѣчанія“ были напечатаны, „приняты комиссіей духовныхъ училищъ, и книга, согласно съ мнѣніемъ писателя ихъ, для академіи запрещена“¹⁾. Теофилактъ, конечно, оскорбился этимъ и написалъ „возраженія“ на „примѣчанія“ Филарета, при чемъ „унизился до личныхъ оскорбленій“. Но „г. министръ просвѣщенія“²⁾ запретилъ печатаніе возраженій на оныя примѣчанія“. Этого мало. Въ самомъ началѣ декабря того-же 1813 года „издатель Ансильона, преосвященнѣйшій Теофилактъ, архіепископъ Рязанскій, получилъ Высочайшее повелѣніе отправиться въ свою епархію, гдѣ его присутствіе Высочайше усмотрѣно нужнымъ“. А между тѣмъ 23 ноября того-же года „представился и профессоръ о. архимандритъ Леонидъ“³⁾. Такъ кончилась эта печальная исторія „Эстетическихъ разсужденій Ансильона“, а съ нею вмѣстѣ и многолѣтняя интрига, воздемъ которой былъ Теофилактъ и въ которую невольно вовлеченъ былъ, совершенно незнакомый доселѣ съ петербургскою политикою, Филаретъ. Кончилась она, какъ и должно было ожидать, торжествомъ добродѣтели. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она оставяла по себѣ неизгладимые слѣды на характеръ Филарета вообще и въ частности на характеръ его проповѣднической дѣятельности. Она не только познакомила его съ тономъ и направлениемъ петербургской политики, — это было-бы еще не важное пріобрѣтеніе, — но и научила крайней осторожности и отчетливости въ словахъ и дѣйствіяхъ, въ служебныхъ и какихъ-бы то ни было отношеніяхъ, настойчиво учила его житейской мудрости, столь необходимой ему въ его положеніи вообще и въ его проповѣднической дѣятельности въ частности, и т. д. Въ отношеніи къ проповѣднической дѣятельности собственно она учила его принимать во внима-

1) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 180—181.

2) Министромъ просвѣщенія въ то время былъ графъ А. К. Разумовскій.

3) Письма Ф. къ роднымъ, стр. 181—182. Срав. Сушкова, стр. 94; „Прав. Обзор.“ за 1868 г. т. 26, стр. 515; Иконникова, Графъ Мордвиновъ, стр. 405—406. Сиб. 1873; Чистовича, цит. соч. стр. 251 и друг.

ніе не однѣ только теоретическія (догматическія и нравственныя) истины,—правда вѣчно живыя и жизненныя,—но и современные потребности общества, современные событія и пр. Эту новую черту проповѣди Филарета мы видимъ уже отчасти въ словѣ, говоренномъ по освященіи въ Казанскомъ соборѣ придѣльнаго храма 17 сентября 1811 года. Еще болѣе замѣчается она въ словахъ Филарета по случаю кончины графа А. С. Строганова и графа Завадовскаго, произнесенныхъ въ 1811—1812 годахъ. Произнесенное въ Великій Пятокъ 1813 года слово Филарета служитъ доселѣ блестящимъ образцомъ краснорѣчія и съ 1815 года помѣщается въ качествѣ такого образца во всѣхъ почти христоматіяхъ русскаго языка и учебникахъ словесности, отвѣчая такимъ образомъ самымъ свѣжимъ, если можно такъ выразиться, по новости требованіямъ литературнымъ, вызваннымъ къ жизни гениемъ Карамзина и его сподвижниковъ на полѣ русскаго слова. А другое, въ томъ же 1813 году сказанное (іюня 13) слово, предъ погребеніемъ тѣла князя М. И. Кутузова—Смоленскаго, можетъ служить наилучшимъ образцомъ историческаго похвальнаго слова въ религіозно-церковномъ духѣ (какъ-то и приличествуетъ проповѣди). Но при всемъ томъ выше охарактеризованная интрига своею тлетворностію отнюдь не коснулась нравственнаго тайника души Филарета. Душа его осталась неприкосновенно чистою. И когда, въ годъ окончанія этой интриги, именно 29 іюня 1813 года, Филаретъ удостоенъ былъ и тогда и теперь рѣдкостной для архимандрита награды—ордена св. Владимира 2-й степени большаго креста (со звѣздою) при Высочайшемъ рескриптѣ, въ которомъ значилось, что онъ сопричисляется къ этому ордену за „неусыпные труды по званію ректора и профессора богословскихъ наукъ въ Санктпетербургской духовной академіи, дѣятельность въ образованіи достойныхъ служителей олтара Господня 1),

1) Въ этомъ пунктѣ рескрипта разумѣется усиленное выполненіе Филаретомъ даннаго ему еще въ началѣ 1812 года комиссіею духовныхъ училищъ порученія—„образовать для окончившихъ курсъ учениковъ С.-Петербургской семинаріи классъ чтенія Св. Писанія и св. Отцевъ и руководства къ прохожденію священнослужительскихъ должностей“, какъ значится въ послужномъ спискѣ Филарета.

назидательныя и краснорѣчивыя поученія о истинахъ вѣры, кою одушевляется слово и житіе“ его: 1) то эти слова рескрипта не были одними лишь громкими фразами, а выраженіемъ полной и всесторонней правды. Рескриптъ писали или редактировали люди, близко знавшіе Филарета 2). Сама недоброжелатели, завистники и враги его никогда не осмѣливались упрекнуть его ни въ чемъ такомъ, что служило бы къ омраченію чистоты души его 3); равно какъ и въ нечестномъ исполненіи имъ своихъ обязанностей и возлагасмыхъ на него порученій.

И. Корсунскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

1) См. Письма Филарета къ роднымъ, стр. 176—177: срав. послужной списокъ его.

2) Обстоятельства награжденія Филарета орденомъ св. Владимира 2 степени см. въ письмахъ его къ роднымъ, стр. 176—177.

3) Поэтому не безъ скорби мы встрѣтили мимоходомъ высказанную замѣтку одного молодого писателя о томъ, что Филаретъ будто бы, между прочимъ, „во многомъ уступалъ Пипокентію (Смирнову) въ нравственныхъ качествахъ“ (Христ., Чт. за 1884 № 3—4, стр. 420). Постигъ ли писатель тайникъ души Филарета чтобы говорить такъ о его нравственныхъ качествахъ?

УЧЕНИЕ ФИХТЕ МЛАДШАГО

О ВОСКРЕСЕНИИ И ЯВЛЕНИЯХЪ ХРИСТА. *)

Какъ реакція крайнему развитію пантеизма и деизма, въ Германіи въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія возникло новое направленіе философской мысли, извѣстное подъ именемъ спекулятивнаго теизма. Однимъ изъ лучшихъ представителей этого направленія является Фихте младшій. Богъ представляется у Фихте не мертвою абстракціею чловѣческой мысли, сущностью природы, неотдѣлимую отъ самой природы и развивающеюся вмѣстѣ съ нею, каковъ Богъ пантеизма,—но существомъ личнымъ и живымъ, премірнымъ и творцемъ міра. Съ другой стороны, Онъ не есть существо замкнутое въ себѣ и не имѣющее никакихъ отношеній къ міру послѣ его сотворенія, каковъ Богъ деизма,—но промышляетъ о мірѣ, открываетъ себя чловѣку, и культурное развитіе чловѣчества является дѣломъ Его промысла. Для обоснованія своихъ текстическихъ воззрѣній Фихте не ограничивается одной чисто спекулятивной сферой, но пользуется для этого и своими психологическими сочиненіями. Благодаря этому, идея личнаго Бога, какъ любящаго существа и высшаго добра (вопреки пантеизму и деизму), личное безсмертіе чловѣческаго духа, невозможное съ точки зрѣнія пантеизма, и божественное откоро-

*) Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на настоящую статью, заслуживающую полнаго вниманія во многихъ отношеніяхъ. Она, между прочимъ, ясно показываетъ, къ какимъ шаткимъ, несостоятельнымъ и даже невероятнымъ предположеніямъ вынуждается прибѣгать чловѣкъ, отказавшійся отъ покорности Церкви, отъ вѣры церковной, но не желающій еще отказаться вполне отъ возвышенныхъ истинъ христіанской религіи.

веніе или непосредственное дѣйствіе божественнаго духа на духъ человѣческій, такъ упорно отрицаемое со стороны деизма,—не только получаютъ у Фихте спекулятивное обоснованіе, но и являются истинами, основывающимися на психологическихъ фактахъ. Мы не будемъ вдаваться въ подробное разсмотрѣніе теистическихъ основоположеній Фихте. Для нашей цѣли достаточно указать только на двѣ группы его психологическихъ воззрѣній, направленныхъ къ обоснованію личнаго безсмертія и возможности божественныхъ воздѣйствій на духъ человѣка.

1. Въ качествѣ аргумента въ пользу безсмертія души Фихте развиваетъ ученіе о томъ, что душа изъ матеріальныхъ элементовъ сама формируетъ себѣ тѣло при посредствѣ „внутренняго тѣла“ *). Матеріальныя частицы, составляющія тѣло, разсуждастъ Фихте, постоянно измѣняются, между тѣмъ общій типъ его, общая конструкція сохраняется во все продолженіе этой смѣны частицъ. Поэтому формирующій принципъ тѣла не можетъ заключаться въ матеріальныхъ частицахъ; не можетъ онъ также заключаться и въ комбинаціи этихъ частицъ, такъ какъ никакая комбинація частицъ не даетъ ничего новаго,—того, что не заключалось въ частяхъ. Принимая при этомъ во вниманіе цѣлесообразность устройства организма, необходимо предположить, что онъ есть видимое выраженіе души и продуктъ ея формирующей дѣятельности (*Anthropologie*, стр. 268—279). Во всей природѣ наблюдается общій законъ ассимилированія, усвоенія низшаго высшимъ, сильнѣйшимъ, причемъ низшее возвышается надъ своею непосредственностью и становится частью высшаго. Духъ, подчиняясь общему закону природы и обладая высшею способностью ассимилировать низшее, формируетъ себѣ тѣло изъ элементовъ матеріальнаго міра, причемъ послѣдніе, по возможности, одухотворяются (*Anthropol.* § 114). Для объясненія того, какимъ образомъ душа, существо чисто духовное, можетъ усвоить чуждую и неоднородную съ нею матерію и формировать изъ нея тѣло, Фихте

*; Если душа сама создаетъ тѣло изъ матеріальныхъ элементовъ, то ясно, что смерть или разложеніе тѣла на составные элементы не приносятъ ничего разрушительнаго для самой души. Въ смерти душа только покидаетъ сформированное ею тѣло, чтобы существовать при другихъ условіяхъ.

признаетъ посредствующее начало между душою и міромъ матеріи, которое называетъ „внутреннимъ тѣломъ“. Но это понятіе внутренняго тѣла у него слишкомъ темно и неопредѣленно. То разумѣетъ онъ подъ внутреннимъ тѣломъ нѣчто общее, остающееся въ организмѣ при постоянной смѣнѣ матеріальныхъ частицъ, выражающее и поддерживающее его типическую особенность (Psychologie, стр. 64), то называетъ внутреннимъ тѣломъ гармоническую совокупность функцій внѣшняго тѣла (Psychol. § 64), то, наконецъ, разумѣетъ подъ внутреннимъ тѣломъ реальную сторону души, ея количественную и экстенсивную форму (пространство и время), создаваемую ею самою при посредствѣ фантазіи (Psychol. § 14—15; Anthropol. § 119). По крайней мѣрѣ, это внутреннее тѣло не имѣетъ никакой тѣлесности въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Оно представляетъ собою не какое-нибудь особое и самостоятельное существо, а только другую сторону одного и того же существа—души. Отсюда само собою понятно, что внутреннее тѣло остается принадлежностью души и послѣ разлученія послѣдней съ внѣшнимъ, тѣльнымъ тѣломъ.

2. Признавая откровенную религію, нравственное и эстетическое воодушевленіе (вдохновеніе) и пророческія видѣнія и предвѣдѣнія дѣломъ непосредственнаго воздѣйствія Бога на духъ человѣка, Фихте обосновываетъ возможность этого воздѣйствія на возможности непосредственныхъ сношеній и взаимодействій между душами вообще. Какъ самостоятельное существо и реальная субстанція, душа, подобно всякому реальному, можетъ дѣйствовать непосредственно на соответствующую себѣ реальность (Anthropol. стр. 350). Между существами міра мы видимъ двѣ формы взаимодействія: непосредственное дѣйствіе матеріальнаго на матеріальное и дѣйствіе матеріальнаго на психическое при посредствѣ тѣла и его органовъ. Отсюда уже послѣдовательно заставляетъ предположить третью форму взаимодействія—непосредственное дѣйствіе духа на духъ. Вся система чувственныхъ органовъ и нервовъ служитъ, по Фихте, только возбуждителемъ сознанія; почему же, разсуждаетъ онъ, не предположить, что существуютъ и другіе возбуждители его, тѣмъ болѣе, что весь тѣлесный ап-

паратъ состоитъ изъ чуждой душѣ матеріи и связанъ съ нею лишь во временной жизни? Независимо отъ тѣлеснаго аппарата, служащаго возбуждающимъ средствомъ для сознательной области, душа дѣйствуетъ вполне самостоятельно въ своей бессознательной области, къ каковой и относится, по Фихте, всѣ непосредственныя сношенія и взаимодѣйствія между душами. Содержаніе, приобретаемое душою помимо чувственныхъ факторовъ, путемъ непосредственныхъ перцепцій, ясно проявляется въ тѣхъ случаяхъ, когда ослабляется связь между душою и тѣломъ,—таковы, вообще, экстатическія состоянія. Есть факты, что нѣкоторые идиоты, не обнаруживающіе въ обычномъ состояніи ни памяти, ни рефлексивной способности, когда были подвергнуты магнетическому дѣйствию и выданы въ состояніе сомнамбулизма, вдругъ обнаруживали такое быстрое соображеніе и такое количество знаній, что могли не только воспроизводить все прошедшее своей жизни, но и заглядывать въ область будущаго. Извѣстно также, что простые люди изъ низшихъ сословій и неполучившіе образованія дѣвѣнцы и жепципы, не обнаруживая въ обычномъ состояніи даже способности свободного слова, въ состояніи ясновидѣнія высказываютъ глубокія нравственныя и религіозныя сужденія и проявляютъ оригинальный, часто даже поэтическій полетъ рѣчи. Подобные факты, по мнѣнію Фихте, именно приводятъ къ тому заключенію, что душа можетъ развиваться самостоятельно и изолированно отъ того, что посредствуется и приобретается чувственными органами, — что въ душѣ существуютъ перцепціи, независимыя отъ чувственныхъ органовъ и особенно проявляющіяся по мѣрѣ ослабленія связи между душою и тѣломъ. Вслѣдствіе ослабленія этой связи душа становится способною перципировать и дѣйствовать сквозь свое тѣло, подобно тому, какъ электрическія и магнетическія силы могутъ свободно проходить сквозь лежація между ними индифферентныя вещества. При нервныхъ болѣзняхъ, напр. такое состояніе обнаруживается въ чувствѣ дуализма, заступающемъ мѣсто единства, и въ появленіи такъ называемаго двойничества, когда человѣкъ не только чувствуетъ себя внѣ своего тѣла, но и видитъ его внѣ себя въ двойной формѣ. Въ

подобныхъ состояніяхъ, прибавляетъ Фихте, душа не ограничивается предѣлами пространства и времени и получаетъ способность не только воспринимать отдаленное, но и дѣйствительно перемѣщаться и реально дѣйствовать на отдаленное. Фактическое подтвержденіе такого мѣстнаго перемѣщенія души онъ указываетъ въ томъ, что нѣкоторымъ дѣйствительно являлись души другихъ лицъ, и они не только видѣли около себя этихъ другихъ, но и чувствовали ихъ присутствіе. Таковъ напр. приводимый имъ фактъ пространственнаго перемѣщенія одной женщины въ больничную камеру своей племянницы (Anthropol. § 180). Органомъ непосредственныхъ взаимоотношеній и взаимодействій между душами Фихте признаетъ фантазію. Фантазія-же признается у него и органомъ для воспріятія божественныхъ воздѣйствій на духъ человѣка.

Такъ развиваетъ Фихте свою теорію непосредственнаго дѣйствія духа на духъ вообще и божественнаго духа на духъ человѣка въ частности. Съ точки зрѣнія этой теоріи объясняется у него множество психическихъ явленій, начиная съ простой симпатіи и антипатіи, сочувствій, предчувствій и видѣній пространственно перемѣщающихся душъ, и кончая религиозно-нравственнымъ вдохновеніемъ и пророческими видѣніями и предвѣдѣніями *). Эта-же теорія, въ связи съ признаніемъ загробнаго продолженія личной жизни духа во „внутреннемъ тѣлѣ“ находитъ у него примѣненіе и въ ученіи о воскресеніи и явленіяхъ Христа, къ разсмотрѣнію каковаго ученія мы теперь и обратимся.

Ученіе Фихте младшаго о воскресеніи и явленіяхъ Христа изложено въ его „Vermischte Schriften zur Philosophie, Theologie und Ethik“ 2-ter B. 1869 (стр. 123: „Die Auferstehungsgeschichte und Christophanien“). Мы бы ошиблись, если бы предположили, что Фихте, какъ текстъ, въ этомъ ученіи стоитъ на почвѣ церковнаго пониманія событій воскресенія и явленій Христа. Его направленіе въ объясненіе указанныхъ событій является лишь среднимъ и примирительнымъ между раціоналистиче-

*) Подробнѣе обо всемъ этомъ см. въ ст. О. Гусева: „Тенетич. тенденція въ психол. Фихте младшаго и Ульрици“ (Тр. К. Д. Акад. 1874 г. т. 1).

скимъ отрицаніемъ этихъ событій и церковнымъ вѣрованіемъ въ нихъ. Фихте не становится исключительно ни на сторону того, ни на сторону другаго: съ одной стороны находитъ невозможнымъ безусловное отрицаніе этихъ событій, такъ какъ при ихъ отрицаніи не можетъ быть удовлетворительно объяснено возникновеніе вѣры апостоловъ и появленіе христіанства, съ другой стороны, не желаетъ признать эти событія чудесными и исключительными, такъ какъ, именно, ихъ чудесность и исключительность приводитъ критику къ отрицанію ихъ достовѣрности (стр. 124, 125 и 178). Въ то же время онъ и не отрѣшается всецѣло ни отъ той, ни отъ другой изъ противоположныхъ сторонъ и старается съ одной стороны удовлетворить „основательнымъ требованіямъ естественнаго объясненія“, а съ другой—оставить неприкосновенными достовѣрность событій и даже „промыслительное“ значеніе ихъ безъ признанія за ними сверхъестественнаго и исключительнаго характера (стр. 128). Но требованія естественнаго объясненія въ данномъ случаѣ не могутъ быть удовлетворены безъ кореннаго уцербъ для „церковнаго вѣрованія“: воскресеніе Христа, понимаемое въ смыслѣ естественнаго только событія, теряетъ все свое значеніе съ точки зрѣнія въ собственномъ смыслѣ богословской, и признаніе такого воскресенія равносильно отрицанію его. Поэтому, при своемъ примирительномъ направленіи въ объясненіи указанныхъ событій, Фихте не могъ стоять на почвѣ богословской и перенесъ вопросъ на почву историческую. Чтобы сложить съ себя всякую отвѣтственность за богословскую сторону дѣла, „быть совершенно вдали отъ богословскихъ споровъ“, онъ заявляетъ, что воскресеніе Христа есть не болѣе какъ „побочное историческое обстоятельство, отъ котораго убѣжденіе въ истинности христіанства совершенно независимо“, и что онъ, поэтому, приступаетъ къ рѣшенію „не богословской, но исторической проблемы“ (стр. 123). Постановка же вопроса на почву историческую приводитъ Фихте къ психологическому методу изслѣдованія. Для рѣшенія спорныхъ и темныхъ историческихъ вопросовъ необходимо, по его мнѣнію, психологическій масштабъ: можетъ быть признано исторически достовѣрнымъ только то, что представляется возмож-

нымъ психологически. Поэтому данный вопросъ сводится у него къ „изслѣдованію психическихъ условій, при которыхъ могли возникнуть такія событія, что съ одной стороны обозначаются какъ чудо, а съ другой—поэтому самому отвергаются, какъ не историческія (стр. 127 и 128); онъ ставитъ своею задачею „подвести спорное событіе подъ всеобщія аналоги и обсудить его по общимъ психическимъ законамъ“ (стр. 128). Такимъ образомъ, ученіе Фихте о воскресеніи и явленіяхъ Христа есть попытка психологическаго объясненія этихъ событій, принимаемыхъ лишь со стороны теоретическаго ихъ значенія, въ духѣ примиренія рационалистическаго пониманія ихъ съ церковнымъ вѣрованіемъ. Постараемся изложить сущность этого ученія и разсмотрѣть, насколько оно состоятельно и вѣрно.

Фихте выходитъ изъ того несомнѣннаго факта, что воскресеніе Христа было предметомъ вѣры апостоловъ. Неоспоримо, разсуждаетъ онъ, что только сильное психическое потрясеніе могло вывести апостоловъ изъ состоянія глубокаго одѣвленія, объявшаго ихъ вслѣдствіе смерти Иисуса, и сдѣлать ихъ твердыми, презирающими смерть, проповѣдниками Его ученія. Причиною такого психическаго потрясенія и переворота, какъ извѣстно, было для апостоловъ явленіе воскресшаго Учителя. Событіе это было для нихъ несомнѣнною истинною, вдругъ возникшею въ нихъ съ такою силою, предъ которою всякое другое чувство, всякая прежняя перѣшность уходили совершенно на задній планъ. Признавать его за простой обманъ, утверждать, что апостолы обманывали, или были обмануты,—значитъ не дать никакого объясненія вѣрѣ апостоловъ. Такую вѣру, какую мы видимъ у апостоловъ послѣ воскресенія Христа, могъ возбудить только неодолимо убѣдительный фактъ,—признаемъ ли мы его результатомъ только воображенія апостоловъ (галлюцивадіею), или укажемъ для него объективную причину, лежащую внѣ сознанія апостоловъ. Такимъ образомъ, фактъ вѣры апостоловъ предполагаетъ фактъ явленій воскресшаго Христа, какъ свою причину. Историко-психологическая критика должна теперь опредѣлить психическій характеръ этого послѣдняго (т. е. факта явленій Воскресшаго), а для этого она должна обратиться къ евангельскимъ сказаніямъ о воскре-

сеніи, такъ какъ здѣсь „могущественная причина находится въ пропорціональномъ отношеніи къ своимъ важнымъ слѣдствіямъ“ (стр. 128, 129, 131).

Въ евангельскихъ повѣствованіяхъ о воскресеніи и явленіяхъ Христа Фихте находятъ двѣ противоположныя группы. Одну составляютъ рассказы о нахожденіи гроба пустымъ, объ осязаемости тѣла, о находящихся на немъ и видимыхъ язвахъ, о томъ, что Воскресшій принималъ пищу и т. п. Другую группу составляютъ повѣствованія о внезапномъ появленіи Христа среди учениковъ „дверемъ заключеннымъ“ и о такомъ же внезапномъ исчезновеніи Его изъ ихъ глазъ,—указывающія на духовный, призрачный характеръ явленій Христа; сюда принадлежитъ и свидѣтельство ап. Павла о бывшемъ ему видѣніи. Принять обѣ эти группы, по мнѣнію Фихте, невозможно, потому что принятіе одной исключаетъ другую. Невозможно, поясняетъ онъ, чтобы тѣло Являвшагося могло соединять взаимно исключаютеліе себя признаки: осязаемость и, слѣдовательно, тѣлесную плотность, и въ тоже время, возможность безпрепятственно проникать чрезъ плотныя тѣла, являться „дверемъ заключеннымъ“ (стр. 134). Эта внутренняя непримиримость евангельскихъ рассказовъ о воскресеніи и явленіяхъ Христа приводитъ Фихте къ признанію нѣкоторыхъ изъ нихъ первоначальными и первоисточными, а другихъ—позднѣе измышленными прибавками. Первоисточными и исторически достовѣрными Фихте признаетъ только повѣствованія второй группы, такъ какъ евангелисты и не могли и не имѣли побужденій вымыслить ихъ. Вымыселъ подобныхъ повѣствованій возможенъ только при такомъ психологическомъ инстинктѣ, какой мы находимъ у талантливыхъ поэтовъ, и какого нельзя предположить у простыхъ составителей новозавѣтныхъ писаній. Съ другой стороны, въ такомъ вымыслѣ не было надобности „ни для того, чтобы дать покровъ объективно не бывшему, ни для того, чтобы искусно и намѣренно дать вѣроятность событію, происходившему совершенно иначе“ (стр. 137). Между тѣмъ, привнесеніе противоположныхъ чертъ повѣствованія: объ обрѣтеніи гроба пустымъ, о прикосновеніи къ язвамъ Воскресшаго, о принятіи Имъ пищи—можетъ быть,

по мнѣнію Фихте, съ удобствомъ объяснено изъ желанія сдѣлать событіе воскресенія болѣе достовѣрнымъ и уничтожить всякое подозрѣніе въ самообманѣ апостоловъ или въ поспѣшности ихъ вѣры. Если, „по тогдашнему народному вѣрованію, всякое явленіе духа признавалось за дѣйствительное. воскресеніе, за выходъ изъ гроба“ (основаніемъ служить Матѳ. 27, 52—53), то и явленія Христа, чтобы заслужить вѣру, должны были объясняться не иначе, какъ тѣлеснымъ воскресеніемъ, и потому къ несомнѣнному убѣжденію въ ихъ тѣлесности должны были направляться доказательства (стр. 139 и 140). Даже нѣтъ никакой нужды думать здѣсь о намѣренномъ обманѣ, о намѣренныхъ присочиненіяхъ со стороны апостоловъ и первыхъ проповѣдниковъ христіанства: неисторическія подробности могли, по мнѣнію Фихте, привзойти въ исторію воскресенія сами собою, совершенно естественнымъ путемъ. „Твердо признается, говоритъ Фихте, что евангельскіе рассказы не суть свидѣтельства очевидцевъ, но произошли изъ болѣе или менѣе посредствующаго преданія (споръ о подлинности четвертаго евангелія, замѣчаетъ онъ, оставимъ въ сторонѣ). Но преданіе, по своей собственной природѣ, воспроизводя свободно и живо передаваемое, никогда не ограничивается общими или неопредѣленными чертами. Оно рисуетъ живую картину съ побочными чертами, которыя придаютъ очевидность, но которыя, поэтому самому, суть черты неисторическія. Это дѣлаетъ оно непроизвольно, охваченное желаніемъ возбудить интересъ къ событію, думая, что иначе оно и не могло случиться, какъ, именно, такъ“ (стр. 140). А что въ настоящемъ случаѣ неисторическія черты касаются, именно, тѣлесной стороны событія, по мнѣнію Фихте, можно видѣть изъ того, что „самыя раннія и потому заслуживающія довѣрія свидѣтельства о воскресеніи“, каковыми признаются у него свидѣтельства ап. Павла и составителя апокалипсиса,—даютъ, именно, мысль „о духовномъ появленіи Христа, о *христофаніи*, и даже прямо выставляютъ такой характеръ воскресенія, ибо дѣлаютъ это краеугольнымъ камнемъ нашей вѣры въ будущую жизнь“ (стр. 141). Признаніе исторической достовѣрности только за второю группою евангельскихъ повѣствованій о воскресеніи приводитъ Фихте

къ признанію этого событія только духовнымъ явленіемъ. „Эти евангельскія указанія, говоритъ онъ, взяты вмѣстѣ, утверждаютъ, что то, что евангелія называютъ воскресеніемъ Христа изъ гроба, было живучимъ и убѣдительнымъ видѣніемъ Его личнаго появленія и присутствованія между апостолами, коротко—„духовнымъ явленіемъ“, „опредѣленнымъ родомъ бодрственнаго сна“ (стр. 138). Поэтому, вопросъ о томъ, было-ли это явленіе лишь субъективнымъ для апостоловъ, или оно имѣло соотвѣтствующую объективную причину, сводится теперь къ болѣе общему вопросу: всё ли „бодрственныя сновидѣнія“ субъективнаго происхожденія, или въ извѣстныхъ случаяхъ должно признать объективную причину, также дѣйствіе на сознаніе видящаго, которое по извѣстнымъ законамъ дѣятельности фантазіи должно представиться въ визионерно-видимой, аналогичной сновидѣніямъ, чувственной картинѣ? (стр. 138).

Духовный прогрессъ, культурное развитіе человѣчества, разсуждаетъ Фихте, не можетъ быть управляемо только человѣческой силой; признаніе противнаго должно быть названо самымъ поверхностнымъ заблужденіемъ. Весьма очевидно, что это есть дѣло Провидѣнія, управляющаго міромъ. Провиденціальную дѣятельность въ этомъ случаѣ можно представлять только, какъ возбужденіе индивидуальнаго духа, какъ вдохновеніе и просвѣщеніе въ самомъ широкомъ смыслѣ и многостороннемъ дѣйствіи. „А таковыя глубокія возбужденія, по психологическому закону, который основывается на центральномъ положеніи фантазіи по отношенію къ прочимъ душевнымъ силамъ, совершенно легко и, при извѣстной индивидуальной склонности, даже неизбѣжно принимаютъ форму видѣнія, которое чувственно представляетъ содержаніе такихъ возбужденій“. Доказательствомъ этого можетъ служить вся исторія религій, особенно тѣхъ, которыя мы называемъ духовными. Такимъ образомъ, въ этихъ случаяхъ фантазія является не изобрѣтательницею чисто субъективныхъ образовъ, но внутреннимъ органомъ, воспринимающимъ и реализующимъ дѣйствительно-объективныя духовныя возбужденія (стр. 146 и 147). Съ другой стороны, великія бѣдствія, доводяція до отчаянія, до глубины потрясаютъ душу и вызываютъ извнутри ея нео-

жиданныя силы: они возбуждаютъ существующій у каждаго „внутренній органъ“, „открываютъ глаза“, по выраженію одной священной книги, и черезъ этотъ внутренній органъ человекъ переносится въ міръ блаженнаго покоя, радостныхъ образовъ, утѣшительныхъ впечатлѣній. „При всѣхъ религіозныхъ преслѣдоваціяхъ, какія знаетъ исторія, выступаетъ экстатическій элементъ, какъ очень объяснимое при нихъ явленіе. Когда преслѣдуемымъ угрожаетъ только борьба и гибель, когда недоступна для нихъ никакая внѣшняя помощь, тогда у нихъ является утѣшеніе свыше, ихъ глазамъ открывается внутренній міръ. Признавать это лишь субъективнымъ фактомъ и отрицать здѣсь присутствіе и дѣятельность сверхъестественной силы было бы совершенно несихологично и неосновательно“ (стр. 147 и 148). Сказанное даетъ Фихте важныя послышки для обсужденія событія воскресенія. Изъ всѣхъ промыслительныхъ дѣйствій, какія знаетъ исторія, не находится ни одного историческаго факта, который бы по внутренней, преобразовывающей силѣ могъ сравниться съ проповѣдью ученія, основывающагося на вѣрѣ въ воскресеніе Христа (стр. 145, 178); слѣдовательно, въ видѣніяхъ являвшагося Христа должно предполагать вышеуказанную объективную причину. А состояніе апостоловъ и, вообще, перваго христіанскаго общества послѣ смерти Христа было, именно, таково, что возбуждало ихъ внутренній органъ къ воспріятію сверхъестественныхъ воздѣйствій (стр. 149). Такъ уже съ этой общей точки зрѣнія видѣнія воскреснаго Христа предполагаютъ сверхъестественное воздѣйствіе на духъ апостоловъ. Для ближайшаго опредѣленія внутренняго существа разсматриваемыхъ событій Фихте обращается къ разсказу о явленіи Христа ап. Павлу.

„Чтобы теперь, говоритъ онъ, возможнымъ образомъ представить себѣ внутреннее существованіе событія, которое церковнымъ преданіемъ обозначается какъ „воскресеніе Христа“, необходимо отыскать подлинный источникъ, который ближе всего стоитъ къ событію. Такимъ источникомъ владѣемъ мы въ разсказѣ о явленіи Христа ап. Павлу. Явленіе это произвело на Павла такое-же могущественное дѣйствіе, какос имѣ-

ло на непосредственныхъ учениковъ Христа воскресеніе. Уже это обстоятельство побуждаетъ считать оба событія совершенно аналогичными; но въ пользу этого еще болѣе говорятъ два прямыхъ основанія“ (стр. 154): 1) Явленія ученикамъ и явленіе Павлу обозначены одними и тѣми-же выраженіями, какъ „явленія“, „внезапныя явленія“,—такими, именно выраженіями, которыя приличны въ томъ только случаѣ, когда рѣчь идетъ о духовномъ и призрачномъ явленіи; этимъ выраженіямъ соотвѣтствуютъ у Луки (24, 31) „исчезновеніе“, „невидимость“, чѣмъ очень характеристично обозначается духовность Христа, отсутствіе въ Немъ тѣлесности по воскресеніи (стр. 156). 2) Самъ Павелъ въ извѣстномъ мѣстѣ (1 Кор. 15, 5—8) бывшее ему откровеніе не только ставитъ въ прямую связь съ другими обнаруженіями воскресенія, но и обозначаетъ то и другія, какъ совершенно однородныя,—когда здѣсь и въ другихъ мѣстахъ (1 Кор. 9—1; Гал. 1, 12) изъ бывшаго ему явленія выводитъ ту-же увѣренность въ апостольскомъ достоинствѣ, тоже право апостольства, какое для другихъ апостоловъ явилось въ воскресеніи. Основывая-же свое призваніе къ апостольству на признаніи однородности указанныхъ явленій, онъ долженъ былъ предполагать, что и у другихъ апостоловъ и, вообще, въ первомъ христіанскомъ обществѣ не могло возникнуть никакого противорѣчія по отношенію къ этой однородности (стр. 154). Тоже подтверждается и другими соображеніями. „Для Павла и апостоловъ и, вообще для перваго христіанскаго общества, особенное достоинство, безконечно высокое и утѣшительное значеніе заключалось въ фактическомъ доказательствѣ нетѣлеснаго оживленія Христа, но продолженія Его духовной жизни. Ибо въ этомъ фактѣ для нихъ содержалось вмѣстѣ съ тѣмъ фактическое доказательство того, что въ будущемъ они сами будутъ причастны воскресенію, не имѣющему ничего общаго съ земной тѣлесностью. А отсюда съ вѣрою должно предполагать, что, по собственному пониманію перваго христіанскаго общества, воскресеніе Христа разсматривалось не иначе, какъ духовное явленіе вновь, какъ повторенное явленіе Христа, и что всѣ другія позднѣйшія черты преданія, намекающія на тѣлесное оживленіе, образо-

вались апокрифически и на подобіе саги“ (стр. 155). Въ качествѣ важнаго возраженія противъ отождествленія явленія Христа Павлу съ явленіями Его другимъ апостоламъ можетъ выступить, по мнѣнію Фихте, лишь одно обстоятельство, именно: евангельскія повѣствованія согласно выставляютъ, что явившійся Христосъ производилъ на апостоловъ впечатлѣніе вполне опредѣленной, но только прославленной личности. Но это, съ точки зрѣнія Фихте, не даетъ основанія понимать оба факта, какъ существенно различные. „Во всей области визионерныхъ состояній, разъясняетъ онъ, рѣшающее значеніе имѣетъ не только внутреннее свойство объекта, сколько визионерная способность субъекта: придающая видъ причина лежитъ здѣсь гораздо болѣе на сторонѣ послѣдняго, чѣмъ перваго“ (стр. 176 и 177). Итакъ, обнаруженія воскресенія представляютъ рядъ духовныхъ, визионерныхъ явленій Христа. „Возникаетъ теперь вопросъ: осмѣлимся-ли мы весь рядъ этихъ явленій Христа, столь многочисленный, повторявшійся подъ самыми различными условіями и вмѣстѣ съ тѣмъ повсюду склонный къ столь энергическимъ выраженіямъ объективности, свести на чисто субъективныя галлюцинаціи возбужденной силы воображенія; или это предположеніе неумѣстно по чисто психологическимъ основаніямъ?“ (стр. 156). Явленіе Христа ап. Павлу не могло быть создано только его воображеніемъ подъ вліяніемъ религіозныхъ размышленій и колебаній, угрызений совѣсти или раскаянія и т. п. Основное психическое условіе видѣнія заключается въ чувствѣ, пересиливающимъ все другія чувства; возникновеніе-же видѣнія изъ состоянія колеблющихся соображеній, борющихся чувствъ безусловно противорѣчатъ всему психологическимъ законамъ. Но если-бы даже при указанныхъ условіяхъ и могло возникнуть у Павла субъективное видѣніе, то оно всего менѣе могло быть видѣніемъ Христа. По общему психологическому закону субъективныхъ видѣній, они могутъ возникать только изъ пережитыхъ прежде представленій, склонностей, желаній, но не могутъ образовать новаго элемента, лежащаго внѣ круга этого психическаго запаса. Поэтому, гдѣ въ основѣ визионерныхъ состояній лежитъ содержаніе, которое не можетъ быть объяснено изъ существую-

щихъ элементовъ представленій, но входитъ въ сознание субъекта, какъ нѣчто новое, неожиданное, — тамъ необходимо принять объективный поводъ видѣнія. Мы должны признать, что у Павла, ревностнаго фари́сея и гонителя христіанъ, скорѣе могло образоваться видѣніе Моисея, или Или, или, если признать господствующимъ психическимъ настроеніемъ его угрызения совѣсти, раскаяніе, — видѣніе побиваемаго камнями Стефана, но никакъ не видѣніе Христа. Для этого послѣдняго сознанію Павла недоставало всѣхъ необходимыхъ элементовъ, такъ какъ онъ никогда не вступалъ въ непосредственное сношеніе съ Господомъ, не получалъ съ Его стороны никакихъ личныхъ впечатлѣній и не могъ имѣть вѣры въ Него. И по собственному признанію Павла, въ его посланіяхъ и дѣяніяхъ апостоловъ, онъ, чрезвычайный ревнитель противъ Христа и нисколько не сомнѣвавшійся въ правильности своего дѣла, обращень ко Христу, будучи неприготовленнымъ къ этому, неожиданно для самого себя, такъ какъ Богу угодно было открыть ему Сына Своего. И ни въ одномъ изъ многочисленныхъ мѣстъ, гдѣ онъ вспоминаетъ объ этомъ видѣніи, нельзя усматривать ни малѣйшаго сомнѣнія въ его объективности; между тѣмъ, онъ, конечно, не слѣпо и не безъ испытанія поддался впечатлѣнію этого важнѣйшаго въ его жизни событія: мы видимъ, что онъ внимательно и строго разсуждаетъ о характерѣ прочихъ, бывшихъ ему частныхъ видѣній (2 Кор. 12, 2—4). Признать послѣ этого разсматриваемое видѣніе Павла субъективнымъ значитъ найти въ великомъ апостолѣ языковъ, умышленно обманывающаго, или слабоумнаго обманутаго, — то и другое одинаково неслѣпо (стр. 160—172). Такимъ образомъ, въ явленіи Христа Павлу должно признать „объективную причину“. Такою причиною, конечно, не могли быть гроза и молнія, эпилептический припадокъ, солнечный ударъ и т. п., что составляетъ раціонализмъ. Достаточною объективною причиною Павлова видѣнія могло быть только „дѣйствительное воздѣйствіе изъ сверхчувственнаго міра“. Если-же мы, по общимъ основаніямъ, должны признать объективность этого явленія, то вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаемъ твердую апалогію для разъясненія факта воскресенія (стр. 173). Признавать этотъ послѣд-

ній только результатомъ воображенія апостоловъ, возбужденнаго сильнымъ желаніемъ видѣть засвидѣтельствованную истину ученія Христова значить „устранить мнимую загадку посредствомъ дѣйствительной загадки. Мнимая загадка связана съ предубѣжденіемъ, не желающимъ допустить никакого воздѣйствія изъ посторонняго міра. А дѣйствительная загадка состоитъ въ томъ, чтобы ожидать отъ учениковъ величайшаго ослѣпленія (характеристическій признакъ котораго—умопомѣшательство), въ силу котораго они не только приписали объективную реальность своимъ собственнымъ, вытекающимъ изъ желанія и аффекта представленіямъ, по даже сдѣлали эти представленія непоколебимымъ, краеугольнымъ камнемъ для своей вѣры и вѣры другихъ (стр. 151). Напротивъ, все загадочное, чудесное въ этомъ событіи совершенно исчезаетъ, если мы примемъ одно только чудо (что, однако, не есть чудо) — чудо дѣйствительнаго воздѣйствія изъ сверхчувственнаго міра (стр. 173).

Окончательныя разъясненія относительно разсматриваемыхъ событій Фихте выводитъ изъ общаго взгляда на родъ нашего существованія по смерти. Общее состояніе человѣческой души по смерти опъ мыслить не какъ состояніе „чистой, свободной отъ всѣхъ пространственныхъ отношеній, и, слѣдовательно, вестелѣспой духовности“, но—какъ „состояніе не менѣе совершенной, хотя и не вполне прославленной личности, между тѣмъ какъ внутреннее тѣло—пространственный отобразъ свойствъ души можетъ явиться другимъ чрезъ перемѣщеніе какъ во время жизни, такъ и по смерти“. Съ признаніемъ этого общаго взгляда вполне понятно, какъ одинъ и тотъ-же умершій для большинства совершенно не могъ явиться, для другихъ явилъ свое присутствіе въ воспріятіяхъ туманнаго чувства или какъ мгновенное и неопредѣленное явленіе духа, а для тѣхъ, которые всего ближе имѣли отношеніе къ его исторіи, даже въ опредѣленномъ тѣлесномъ обликѣ“ (стр. 180 и 181). Совершенно ясно отсюда, почему „христофанія (явленіе Христа) Павлова казалась гораздо менѣе точною, чѣмъ тѣ, которыя были повяты, какъ воскресеніе. Экстатическое состояніе у Павла не могло имѣть такой высоты и силы, какую имѣло у другихъ учениковъ, потому что сношеніе между видящимъ и видимымъ,

необходимо предполагающееся при такихъ событіяхъ, у него явилось въ первый разъ“ (стр. 182) *).

Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія, воскресеніе Христа не представляется уже событіемъ чудеснымъ и исключительнымъ, во есть нормальное и общее состояніе, наступающее для каждаго тотчасъ по оставленіи земнаго тѣла **) (стр. 181). И все другое въ священной исторіи получаетъ, по мнѣнію Фихте, понятное объясненіе. На основаніи Мѡ. 27, 52—53, рассуждаетъ онъ, мы можемъ думать о тогдашнемъ состояніи учениковъ, какъ по преимуществу экстатическомъ, въ которомъ ихъ глазамъ непрерывно открывались образы изъ сверхъестественнаго міра и являлись не только отшедшій любимый Учитель, но и личности („тѣла“) другихъ святыхъ. Такое исключительное состояніе позднѣе должно было постепенно исчезнуть и могло сохраниться только въ послѣдствіяхъ

*) Нельзя однако признать все это яснымъ безъ болѣе подробныхъ разъясненій. Но такихъ разъясненій Фихте не даетъ. Остается, поэтому, ограничиться болѣе или менѣе общими и при томъ предположительными разъясненіями. Дѣйствіе духа на духъ можетъ принимать форму видѣнія, или другими словами—душа можетъ являться другимъ въ чувственно созерцаемомъ образѣ только благодаря тому, что душѣ прісуща та реальная сторона ея, которая называется внутреннимъ тѣломъ. Поэтому, когда рѣчь идетъ о явленіи или видѣніи души, то подъ этимъ должно разумѣть, собственно, „явленіе внутренняго тѣла“. Въ этомъ смыслѣ Фихте и усволяетъ здѣсь этой, именно, сторонѣ души способность являться другимъ во время земной жизни и послѣ нея. Но хотя, по Фихте, внутреннее тѣло постоянно присуще душѣ и взаимодѣйствія между душами совершаются постоянно, однако случаи видѣній сравнительно рѣдки. Это, съ точки зрѣнія Фихте, объясняется тѣмъ, что для видѣнія необходимы еще и субъективные условія, при которыхъ особенно возвышается способность души къ непосредственнымъ перцепціямъ. Такими условіями, какъ мы уже видѣли, являются у него экстатическое состояніе или, вообще, тѣ состоянія, при которыхъ въ большей или меньшей мѣрѣ ослабляется связь между душою и тѣломъ. Отсюда, дѣйствительно, становится понятнымъ, что при одной и той-же объективной причинѣ видѣніе можетъ или не возникнуть, вълѣдствіе отсутствія субъективныхъ условій, или возникнуть, но въ различной степени опредѣленности, смотря по различію этихъ условій. Въ данномъ случаѣ субъективнымъ условіемъ является экстазь. У ап. Павла экстатическое состояніе не могло имѣть такой высоты и силы, какую имѣло у одиннадцати апостоловъ, „всего ближе заинтересованныхъ въ исторіи Христа и въ высшей степени пораженныхъ ея заключительною катастрофою“; по этому-то объективно-одинаковое явленіе Христа, съ точки зрѣнія Фихте, не могло имѣть одинаковой опредѣленности для Павла и одиннадцати.

**) Т. е. оно представляется только какъ продолженіе жизни духа Христова во внутреннемъ тѣлѣ.

живаго воспоминаія; это понятно само собою и противоположное было-бы трудно объяснить. Это полное угашеніе визионерныхъ видѣній и христофаній, естественно, и было понято, какъ возвращеніе или вшествіе прославленнаго Учителя въ высшій міръ, какъ „вознесеніе“ (стр. 182).

Оканчивая этимъ свое изслѣдованіе, Фихте считаетъ задачу этого изслѣдованія выполненною. „Черезъ такое пониманіе, по его словамъ, снова возстановляется христіанская вѣра въ своей внутренней доказательной силѣ: христіанское безсмертіе, вѣра въ будущую жизнь становится понятою по общимъ научнымъ аналогіямъ“. А это даетъ ему достаточное ручательство за вѣрность его взгляда, такъ какъ подобныхъ результатовъ не могутъ достигнуть ни гипотеза мнимаго „оживленія“, ни визионерная гипотеза въ томъ видѣ, какъ она обыкновенно выставляется.

Если теперь бросимъ общій взглядъ на изложенное ученіе Фихте, то увидимъ слѣдующее. О воскресеніи Христа не только какъ о событіи чудесномъ и исключительномъ, но и, вообще, какъ о событіи, у него нѣтъ рѣчи и все дѣло сводится лишь къ обнаруженіямъ „такъ называемаго воскресенія“, къ явленіямъ Христа ученикамъ. Воскресеніе Христа само по себѣ понимается лишь, какъ продолженіе жизни Его духа послѣ разлученія съ тѣломъ по общимъ законамъ (стр. 181), иначе говоря—попятіе воскресенія замѣняется понятіемъ безсмертія; со стороны-же своихъ обнаруженій „воскресеніе“ мыслится, какъ „духовное появленіе вновь“, какъ „повторенное явленіе Христа“ (стр. 155), какъ „ясное и несомнѣнное свидѣтельство Христа о продолженіи Его жизни послѣ смерти, черезъ что Онъ явился своимъ ученикамъ какъ-бы въ дѣйствительности Побѣдителемъ смерти и гроба и Царемъ жизни“ (стр. 124). Воскресеніе есть мнимое событіе, ошибочно предположенное для объясненія дѣйствительнаго событія—явленій Христа ученикамъ. Явленія Христа ученикамъ—единственно дѣйствительный фактъ—были, подъ вліяніемъ тогдашнихъ взглядовъ и вѣрованій, поняты, какъ обнаруженія „воскресенія“, представляемаго въ смыслѣ тѣлеснаго возстанія изъ гроба, хотя само собою предполагается у Фихте—земное, положен-

ное во гробъ тѣло, на самомъ дѣлѣ, оставалось во гробѣ и не принимало въ нихъ никакого участія. Явленія эти, въ дѣйствительности, имѣли только духовный, визионерный характеръ, хотя, въ тоже время, не были явленіями лишь субъективными, но имѣли достаточную объективную причину въ воздѣйствіи Духа Христова на экзальтированный духъ учениковъ. Доказательство двухъ послѣднихъ мыслей, т. е. духовности и объективности явленій Христа составляетъ главный предметъ аргументацій Фихте. Повидимому, только этимъ исчерпывается и вся задача изложеннаго изслѣдованія Фихте; по крайней мѣрѣ, психологическія разъясненія, присоединенныя въ концѣ его въ качествѣ „историко-психологической картины событія“, далеко не такъ послѣдовательно проведены и подробно развиты, чтобы вполне могли достигать своей цѣли.

А. Дружининъ.

(Окончаніе будетъ).

НУЖНА-ЛИ ФИЛОСОФІЯ?

(Окончаніе *).

До сихъ поръ мы говорили объ отношеніи философіи къ различнымъ наукамъ; которыя свели въ три главныя группы по тремъ главнымъ предметамъ человѣческаго познанія, кои суть: Богъ, природа, человѣкъ. Мы видѣли, что главное значеніе философіи здѣсь состоитъ въ установленіи и научномъ обоснованіи главныхъ принциповъ каждой науки, въ расширеніи ея предѣловъ и углубленіи содержанія посредствомъ разъясненія вопросовъ, которые не могутъ быть рѣшены помимо философіи и, наконецъ, въ сообщеніи наукамъ и искусствамъ высшаго идеальнаго направленія, предотвращающаго односторонность эмпиризма и опасность матеріализаціи знанія.

Теперь, въ заключеніе нашего изслѣдованія, мы должны сказать и о значеніи философіи для жизни практической, разумѣя здѣсь не то вліяніе, какое она можетъ имѣть въ дѣлѣ спеціальнаго приложенія и примѣненія научныхъ понятій той или другой области знанія, что отчасти мы уже имѣли въ виду, когда говорили о значеніи философіи для отдѣльныхъ наукъ, но общее вліяніе ея на весь строй нравственной жизни.

Есть значительное различіе между воззрѣніемъ на значеніе философіи для жизни древности и общепринятымъ мнѣніемъ о томъ же въ новое время. Мы знаемъ восторженный отзывъ о ней Цицерона. По его мнѣнію, благотворное вліяніе философіи простирается не только на частную, но и общественную жизнь; она учитъ добродѣтели, изгоняетъ пороки; она должна быть единственною руководительницею нравственной жизни;

*) См. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 12.

безъ философіи не имѣла бы никакой цѣлы самая жизнь человѣческая; одинъ день, проведенный по ея наставленіямъ, лучше, чѣмъ порочное безсмертіе. Такой отзывъ вовсе не составляетъ личнаго только мнѣнія Цицерона; аналогичныя воззрѣнія на значеніе философіи можно найти и у другихъ мыслителей древности, особенно у стоиковъ, которые извѣстны наиболѣе широкимъ и послѣдовательнымъ проведеніемъ философскихъ началъ въ жизни. Ихъ описанія благотворнаго значенія философіи и нравственнаго величія философа доходятъ до хвалебныхъ гимновъ и риторическихъ гиперболъ *). Въ виду сознанія такого важнаго и благотворнаго вліянія философіи на жизнь, философы смѣло требовали иногда примѣненія ея началъ не только къ частной, но и общественной жизни, даже къ спеціальнымъ занятіямъ. Платонъ только въ философіи видѣлъ залогъ общественнаго благоустройства и только въ томъ случаѣ ожидалъ избавленія отъ общественныхъ нестроепій, когда или цари станутъ философами, или философы сдѣлаются правителями государства **). Исократъ даже отъ врача требовалъ, чтобы онъ былъ философомъ ***).

Причины такого значенія философіи для нравственной жизни въ древности мы, конечно, прежде всего должны искать въ крайней неудовлетворительности для мыслящихъ умовъ политеистической религіи того времени. Не давая твердыхъ основаній и мотивовъ для нравственной жизни въ своихъ чув-

*) Такъ, по ученію стоиковъ, мудрецъ-философъ исполнъ добродѣтелей, безъ всякаго заблужденія и порока. А такъ какъ счастье состоитъ единственно и исключительно въ добродѣтели, то онъ совершенно счастливъ; въ этомъ отношеніи онъ стоитъ не ниже самаго Зевса. По словамъ Сенеки (Ер. 90), онъ выше боговъ и въ томъ отношеніи, что своимъ совершенствомъ обязанъ не природѣ, а самому себѣ; его жизнь, конечно, даръ безсмертныхъ боговъ, но жизнь добродѣтельная — даръ философіи. Затѣмъ стоики особенно любили сравнивать состояніе философа съ различными, почитаемыми наиболѣе почетными и славными, состояніями людей и краснорѣчиво доказывать, что по своему истинному величію и достоинству онъ совмѣщаетъ въ себѣ все, что есть великаго и почетнаго въ людяхъ. Философъ есть единственныи и подлинный поэтъ, ораторъ, диалектикъ, другъ, благодѣтель, полководецъ, царь и пр.; словомъ, — въ немъ соединены все совершенства и достоинства. (Цитаты изъ стоическихъ философовъ см. у Швеглера въ его *Geschichte der griechischen Philosophie*. 1859. 239, 240).

***) Plato de Republ. v. 473.

***) По его словамъ, медицина не основанная на философіи, беспальна, *ιατρος* же *φιλόσοφος* *ισοθέος*! Greit, Propädeutik. 98.

ственно-антропологическихъ мнѣхъ о богахъ, которые являлись образцами не нравственныхъ доблестей, а страстей и пороковъ, она заставляла человѣка въ области разума и знанія искать удовлетворенія нравственному чувству. Философія съ своей стороны старалась по мѣрѣ силъ и не безуспѣшно восполнить недостаточность въ этомъ отношеніи религіи. Она стремилась не только установить понятія о Богѣ и нравственности высшія, чѣмъ тѣ, какія давала религія, но, неограничиваясь теоріею, провести эти начала въ жизнь, — и въ этомъ послѣднемъ стремленіи заключалась характеристическая черта, отличавшая древнюю философію отъ новой и столь способствовавшая дѣйствительному вліянію ея на жизнь. Понятіе о мудрости, любовь къ которой составляетъ главное побужденіе къ философіи, у древнихъ несравненно шире, чѣмъ въ послѣдующее время; она состоитъ не въ теоретическомъ только знаніи, но и въ практическомъ приложеніи познаваемого къ жизни. Эта практическая сторона философіи настолько имѣла значенія въ глазахъ древности, что часто получала односторонній перевѣсъ надъ практическою, что и выразилось въ появленіи и процвѣтаніи цѣлыхъ философскихъ школъ съ преимущественно ионическимъ характеромъ, — явленіе, не повторившееся въ послѣдующее время и въ свою очередь свидѣтельствующее о томъ жизненномъ практическомъ значеніи, какое имѣла философія въ древности. Явные слѣды такого, то благотворнаго, то злотворнаго, — судя по содержанію философскихъ ученій, — вліянія философіи мы легко можемъ замѣтить въ исторіи древняго міра. Философія софистовъ не была невиннымъ упражненіемъ ума въ діалектическихъ тонкостяхъ, но имѣла дѣйствительно разлагающее вліяніе на нравственную и общественную жизнь своего времени. Сократъ, побѣдоносно возставшій противъ этой лжефилософіи, какъ самъ по себѣ, такъ и чрезъ своихъ многочисленныхъ учениковъ, образовавшихъ различныя ионическія школы, былъ поэтому не только философомъ, но и дѣйствительнымъ общественнымъ и нравственнымъ дѣятелемъ, оказавшимъ могущественное вліяніе на подъемъ нравственныхъ и религіозныхъ понятій древняго міра. Нѣтъ нужды говорить объ общезвѣстномъ вліяніи эпικού-

реизма и стоицизма на нравственную жизнь древняго міра. Сколько первый способствовалъ къ упадку ея, столько послѣдній, по своему нравственному характеру возвышавшійся надъ общимъ уровнемъ нравственнаго разслабленія и распушенности, содѣйствовалъ къ поддержкѣ не только частной нравственной, но и общественной жизни черезъ посредство такихъ, напр., послѣдователей его, какъ Сципіонъ младшій, Помпей, Антонинъ, Маркъ Аврелій и др.

Въ христіанскомъ мірѣ, съ распространеніемъ истинной, богооткровенной религіи и съ удовлетвореніемъ въ ней нравственныхъ требованій человѣка, повидимому, должно было, если не совершенно исчезнуть, то значительно ослабѣть вліяніе философіи на нравственную жизнь. Еще болѣе способствовало тому болѣе и болѣе усиливавшееся разъединеніе теоріи отъ практики, науки отъ жизни. Знаніе болѣе и болѣе становилось отвлеченною отъ жизни теоріей, дѣломъ личнаго, кабинетнаго труда, несвязаннымъ органически съ живыми интересами современной жизни, тѣмъ болѣе съ нравственными. При такомъ положеніи дѣла, философія, какъ наука, занимающаяся наиболѣе отвлеченными и далекими отъ обыденной жизни понятіями, еще меньше, казалось, могла имѣть точекъ соприкосновенія съ жизнью и претендовать на практическое вліяніе, чѣмъ какая-либо другая наука. Сложилось ходячее представленіе о философіи, какъ о наукѣ, посвящейся гдѣ-то въ превьспреннихъ областяхъ и съ этой заоблачной высоты, потерявшей возможность видѣть дѣйствительный міръ, его практическія пужды и интересы.

Но было-бы большимъ и, можетъ быть, не безопаснымъ для жизни заблужденіемъ, если бы мы, исходя изъ понятія объ отвлеченности философіи и изъ того факта, что ни философы, ни философія теперь не пользуются ни такою извѣстностію, ни такимъ вліяніемъ, какъ въ древнемъ мірѣ, стали, оспыываясь на одной лидимости, думать, что философскія идеи и на самомъ дѣлѣ потеряли въ новое время всякій кредитъ и вліяніе на жизнь. Особенно нельзя сказать этого о нашемъ и ближайшемъ къ намъ времени, когда вслѣдствіе ослабленія религіознаго чувства и авторитета религіи, умъ снова начи-

наетъ искать удовлетворенія своимъ вѣчно присущимъ нравственнымъ требованіямъ внѣ области положительной религіи, — въ наукѣ и въ разумѣ, — а съ этимъ вмѣстѣ снова оживаетъ и получаетъ значеніе одна изъ причинъ, способствовавшихъ практическому значенію философіи въ древнемъ мірѣ. Вліяніе философіи, конечно, покажется незначительнымъ, если мы будемъ имѣть въ виду только ограниченность числа философовъ-спеціалистовъ или незначительное количество читателей книгъ философскаго содержанія. Но иное дѣло, если мы обратимъ вниманіе на то косвенное вліяніе, которое оказываетъ философія посредствомъ тѣхъ философскихъ элементовъ, которые входятъ въ область каждой спеціальной науки и отъ которыхъ, какъ мы видѣли, въ силу неискоренимой потребности философскаго знанія, не можетъ отрѣшиться ни одна почти наука. Такъ напримѣръ, замѣчаемое иногда неблагопріятное вліяніе на строй нравственной и религіозной жизни естественныхъ наукъ въ наше время зависитъ не столько отъ ихъ положительной или фактической стороны, сколько отъ той матеріалистической тенденціи, которою проникнуто изложеніе фактовъ и которая составляетъ уже привходящій, философскій элементъ естествознанія. Точно также враждебное отношеніе такъ называемой отрицательной критики къ положительному содержанію христіанской религіи зависитъ не столько отъ какихъ-либо новыхъ приемовъ и методовъ изученія первоисточниковъ ея, сколько отъ лежащихъ въ основѣ этой критики и тенденціозно направляющихъ ее къ извѣстнымъ результатамъ, философскихъ теорій. Вліяніе на ходъ ея сначала философіи Спинозы, затѣмъ философіи Канта и Гегеля, есть фактъ несомнѣнный и общепризнанный.

При такомъ несомнѣнномъ, хотя косвенномъ и незамѣтномъ на первый взглядъ вліяніи философіи на жизнь, уже теряетъ значительную долю своей силы то, основанное главнымъ образомъ на теоретическомъ предположеніи о ея отвлеченности, мнѣніе о незначительности ея воздѣйствія на жизнь. Поэтому вопросъ теперь можетъ быть только о прямомъ и непосредственномъ отношеніи ея къ жизни практической. Здѣсь мы встрѣчаемъ два противоположныя нареканія на филосо-

фію: одно, что занятіе ею отдаляетъ насъ отъ жизни и ея дѣйствительныхъ потребностей; другое, — что обнаруживая и тогда стремленіе регулировать жизнь по своимъ началамъ, она, по своей непрактичности и незнанію жизни, можетъ оказывать только губельное на нее вліяніе, направляя умы къ попыткамъ осуществленія мечтательнаго порядка вещей.

Съ теоретической точки зрѣнія первое обвиненіе можетъ показаться справедливымъ. Вращаясь съ области идей, указывая нормы не только знанія, но и практической дѣятельности, встрѣчая затѣмъ неполное и недостаточное осуществленіе этихъ идей и нормъ въ дѣйствительномъ мірѣ, она можетъ произвести охлажденіе къ обыкновенному порядку жизни. Представляя нашему уму въ истинномъ свѣтѣ назначеніе человѣка, создавая идеалы жизни частной и общественной, она пріучаетъ мало цѣнить обычныя цѣли человѣческой жизни и обычныя ея формы и дѣлаетъ человѣка чуждымъ этой жизни и ея интересовъ. Такое отрицательное отношеніе философіи къ жизни прекрасно олицетворила древность въ лицѣ двухъ философовъ Гераклита и Демокрита, изъ которыхъ первый, при взглядѣ на теченіе дѣлъ людскихъ, будто постоянно плакалъ, а послѣдній смѣялся. Дѣйствительно, человѣку, уму котораго постоянно предносятся высокіе идеалы и требованія, который неравнодушенъ къ благу ближнихъ, при взглядѣ на окружающій порядокъ вещей, приходится часто или глубоко страдать душою, или смѣяться, — подѣ-часъ, можетъ быть, тѣмъ горькимъ смѣхомъ, въ которомъ, какъ говоритъ нашъ поэтъ, подѣ видимымъ міру смѣхомъ таятся незримыя міру слезы.

Такое, то скорбное, то провническое отношеніе философа къ жизни и вслѣдствіе этого отчужденіе отъ нея, старались, какъ извѣстно, возвести въ нормальное отношеніе къ ней многіе древніе философы. Особеннымъ сочувствіемъ мысль объ отчужденіи философа отъ шумнаго потока общественной жизни и о „самодовольствѣ“ мудреца — пользовалась въ эпохи разложенія нравственной и общественной жизни древняго міра *). Конечно, въ

*) Такъ уже въ преданіи о происхожденіи слова: философія, возводимомъ къ Пифагору, отличительною чертою философа представляется то, что онъ чуждъ заботъ и тревоженій обыденной жизни; тогда какъ другіе мнутел на арешъ жиз-

подобнаго рода эпохи, такое отношеніе философа къ жизни можетъ находить нѣкоторое оправданіе. При сознаніи безсилія теоретическаго ума провести въ жизнь нравственныя идеалы, и то можетъ составлять заслугу, что человекъ, одушевленный этими идеалами, имѣетъ достаточно мужества и энергіи, чтобы устоять противъ общаго потока жизни, не увлекаясь имъ. Недѣятельность бываетъ иногда лучше дѣятельности, противорѣчащей убѣжденіямъ и сопровождаемой чувствомъ ея неправоты.

Но извиняя такое отчужденіе философа отъ жизни, мы никакъ не думаемъ признавать его правильнымъ и возводить его въ принципъ. Міръ идей и міръ явленій не суть два міра, раздѣленные непроходимую преградую; идеальная сторона вещей есть сторона самой же дѣйствительности, но только закрытая пестрою тканію явленій для непосредственнаго сознанія. Въ каждомъ явленіи болѣе или менѣе осуществляется идея; идеѣ болѣе или менѣе, какъ выражается Платонъ, причастны всѣ вещи, ибо безъ нея онѣ и существовать бы не могли. Исходя изъ этой точки зрѣнія, философъ уже не имѣетъ права пренебрежительно относиться къ дѣйствительной жизни; въ самыхъ, повидному, ненормальныхъ проявленіяхъ ея онъ долженъ пытаться услѣдить хотя слабый оттѣнокъ этого идеальнаго элемента, также какъ и естествоиспытатель, который да-

ни, возбуждаемые то корыстію, подобно продавцамъ и покупателямъ на рынкѣ, то честолюбіемъ, подобно состязавшимся на Олимпійскихъ играхъ, онъ ограничивается ролью спокойнаго наблюдателя и цѣнителя происходящаго. Еще сильнѣе очерченъ идеаль философа съ этой стороны у Платона. „Подлинныя философы отъ юности не знаютъ дороги на площадь; имъ неизвѣстно, гдѣ находится домъ городского совѣта, суда или другое какое мѣсто общественаго собранія. О законахъ, народныхъ рѣшеніяхъ и постановленіяхъ они ничего не слышатъ. Имъ и во снѣ не приходитъ на мысль принимать участіе въ выборахъ, посѣщать торжества и попойки, съ игрою на флейтахъ и плясками. Какъ живетъ кто въ городѣ, хорошо или дурно, какая кому случилась неприятность, это философу также неизвѣстно, какъ песокъ на днѣ моря. Онъ не знаетъ даже и того, что всего этого онъ не знаетъ, потому что въ дѣйствительности только тѣло его ходитъ по городу; но духъ его, все подобное считающій мелочнымъ и незаслуживающимъ вниманія, далеко отсюда и странствуетъ на небесахъ, такъ какъ онъ изслѣдуетъ природу всего“. (Theaet. 173, с.) Мысль о предпочтеніи философомъ теоретической и созерцательной жизни практической встрѣчается также у Аристотеля и съ особенною силою проводится многими философами цинической и стоической школы.

же въ органическихъ аномаліяхъ стремится найти, хотя искаженный и измененный, типъ данной органической породы и, воспященное неблагоприятными внѣшними условіями, стремленіе природы осуществить его. Съ этой точки зрѣнія философу долженъ быть свойственъ скорѣе нѣкотораго рода оптимизмъ, чѣмъ пессимизмъ и въ извѣстномъ отношеніи онъ имѣетъ право вмѣстѣ съ Гегелемъ сказать если и не то, что все дѣйствительное разумно и все разумное дѣйствительно, то по крайней мѣрѣ то, что во всемъ дѣйствительномъ есть нѣчто разумное и все разумное стремится къ своему осуществленію. Такой образъ воззрѣнія на отношеніе идеальнаго къ дѣйствительному въ практическомъ отношеніи, очевидно, долженъ вести философа не къ пренебреженію внѣшней жизнью и не къ самодовольному отчужденію отъ нея, но къ уваженію тѣхъ идеальныхъ элементовъ, которые болѣе или менѣе присущи ей и къ стремленію, какъ въ области научнаго знанія, такъ и въ доступной ему области частной жизни, очистить эти элементы отъ случайныхъ наслоеній и дать имъ болѣе и болѣе свободный ходъ и развитіе.

Забвеніе о такомъ отношеніи идеальнаго къ дѣйствительному можетъ выразиться, какъ показываетъ опытъ, и въ другой болѣе вредной крайности, чѣмъ отчужденіе отъ дѣйствительной жизни, о которомъ мы говорили. Неуваженіе къ ней, не ограничиваясь пассивнымъ отчужденіемъ, можетъ проявиться въ желаніи переформировать и пересоздать ее по началамъ разума, по идеальному плану, предносящемуся въ умѣ философа. Такого рода попытки не безъ основанія возбуждали нареканія на философію и обвиненія въ нарушеніи правильного строя общественной жизни. Такъ въ вліяніи философіи XVIII вѣка находили одну изъ причинъ, вызвавшихъ французскую революцію; отвлеченныя теоріи такъ называемыхъ „идеологовъ“ о свободѣ, о правахъ человѣка, о наилучшихъ способахъ общественнаго устройства дѣйствительно могли имѣть свою долю губительнаго вліянія на то броженіе умовъ, которое разрѣшилось этимъ соціальнымъ кризисомъ.

Не входя здѣсь въ разъясненіе вопроса, какая доля участія принадлежитъ философіи въ этомъ кризисѣ и дѣйствитель-

но ли заслуживаютъ общепризнаннаго въ то время названія философовъ многіе общественные дѣятели, во имя разума проповѣдовавшіе самыя неразумныя теоріи, замѣтимъ одно, что съ истинно философскою точки зрѣнія на отношеніе идеальнаго къ дѣйствительному, подобнаго рода разрушительное вліяніе философіи на жизнь еще менѣе можетъ быть оправдано, чѣмъ отчужденіе отъ жизни. Мы видѣли, что только въ философіи могутъ найти свое раціональное объясненіе и обоснованіе коренныя начала, на которыхъ зиждется общественная жизнь: религія, нравственность, право, семья, государственная власть, и что поэтому всякая попытка отрицать или колебать эти начала должна находить въ ней сильнѣйшее противодѣйствіе.

Но устанавливая общія и неизмѣнныя начала общественной жизни, философія, какъ наука идей, ничего не говоритъ и не можетъ сказать ни о фактическомъ осуществленіи этихъ началъ въ жизни человѣчества (что дѣло исторіи), ни о тѣхъ средствахъ и способахъ, при помощи которыхъ должно совершиться дальнѣйшее ихъ видоизмѣненіе и усовершеніе въ силу всеобщаго и необходимаго закона какъ частной, такъ и исторической жизни человѣка, — закона прогрессивнаго развитія. Признавая этотъ міровой законъ развитія, философія, конечно, не можетъ быть проповѣдницею застоя или возвращенія назадъ къ пропавшему несовершенному. Но въ тоже время она знаетъ, что это движеніе впередъ состоитъ не въ отрицаніи, а въ послѣдовательномъ органическомъ развитіи тѣхъ идеальныхъ началъ, которыя во всѣ времена составляли незыблемое основаніе общественной жизни. Она знаетъ также, что это развитіе, какъ органическое, также тѣсно связано съ ея прошедшею историческою жизнію, какъ растеніе съ своею почвою, съ своими корнями, что оно совершается не быстрыми скачками, но медленнымъ историческимъ ростомъ и развитіемъ самаго же прошедшаго и что насильственное и преждевременное ускореніе этого роста, искусственная торопливость въ вызовѣ улучшеній, для которыхъ не подготовлена еще почва въ прошедшемъ и настоящемъ, можетъ вызвать не дѣйствительныя зрѣлыя плоды прогресса, а мертворожденные ведопоски, которые

своимъ преждевременнымъ рожденіемъ только растраиваютъ нормальную жизнь общества.

Но и въ отношеніи къ постепенному, правильному улучшенію общественной жизни задача философіи можетъ и должна ограничиться только раціональнымъ разъясненіемъ тѣхъ общихъ идей, которыя во всѣ времена должны служить руководительными началами этой жизни. Что же касается до частнаго, практическаго примѣненія этихъ началъ къ потребностямъ даннаго мѣста, времени, соціальнаго строя, то указаніе способовъ такого примѣненія, начертаніе специальныхъ теорій общественнаго благоустройства, выходитъ за ея законныя предѣлы. Если всякаго рода дѣйствительныя улучшенія, какъ мы сказали, должны имѣть свои корни въ прошедшемъ и органическую связь съ настоящимъ, то очевидно, что для практическаго осуществленія ихъ, кромѣ другихъ условій, нужно знаніе этого историческаго прошедшаго и настоящаго. Но это знаніе чисто фактическое и практическое, котораго не можетъ дать намъ никакая философская теорія. Напротивъ, въ силу естественно присущей человѣку односторонности, по которой развитіе одной стороны знанія незамѣтно сопровождается ослабленіемъ другой, для философа это фактическое и практическое знаніе, столь необходимое для дѣятельнаго участія въ общественной жизни, часто менѣе доступно, чѣмъ для самаго зауряднаго практическаго дѣятеля. Неудивительно поэтому, что какъ скоро философы, оставляя свойственную себѣ область умозрѣнія, общихъ началъ и идей, думали выходить на арену общественной жизни и начертывать а priori планы соціальныхъ улучшеній, оказывались крайне непрактичными и возбуждали справедливыя обвиненія въ мечтательности и непригодности для жизни ихъ теорій,—обвиненія, которыя должны быть отнесены на счетъ не философіи, а философовъ, не въ мѣру распространявшихъ ея задачу *).

Болѣе значительное вліяніе, чѣмъ на жизнь общественную, можетъ имѣть философія на жизнь нравственную. Такое влія-

*) Извѣстно пролическое замѣчаніе Фрэдриха II, по поводу требованія Платона, чтобы правители были философами: „если бы я хотѣлъ наказать какую нибудь провинцію, то послалъ бы управлять ею философа“. Stahl, Philos. d. Recht's. 2. B. g.

піе само собою предполагается уже тѣмъ, что въ область философіи входитъ опредѣленіе и разъясненіе основныхъ началъ нравственности, при чемъ вѣрныя или невѣрныя понятія объ этихъ началахъ естественно должны отражаться и въ ихъ примѣненіи въ жизни практической. Но такъ какъ опредѣленіе этихъ началъ находится въ самой тѣсной связи съ общимъ философскимъ міросозерцаціемъ, то отсюда понятно и то значеніе, какое всегда приписывали не только грекамъ, но и всей теоретической философіи въ дѣлѣ нравственности. Въ исторіи философіи и въ исторіи цивилизаціи мы могли бы найти достаточно фактовъ такого вліянія философіи, то благотворнаго, то злотворнаго, судя по характеру системъ, на нравственную жизнь. Мы уже упоминали о благотворномъ вліяніи нѣкоторыхъ философскихъ ученій на нравственную жизнь древняго міра. Матеріалистическая философія нашего времени можетъ представить намъ и обратную сторону вліянія философіи на жизнь. Нѣтъ нужды распространяться о томъ, что отрицаніе Бога, какъ верховнаго нравственнаго Законодателя духовности нашей души, свободы, объективнаго различія добра и зла, безсмертія, не только не можетъ дать намъ никакихъ твердыхъ мотивовъ для нравственной жизни, но послѣдовательно приведетъ къ полному эгоизму и безнравственности. Правда, философы-матеріалисты не согласятся съ нашимъ выводомъ. Они укажутъ намъ на то, что въ области теоріи нѣтъ ни одного, сколько-нибудь извѣстнаго ученаго въ кругу матеріалистовъ, который-бы прямо проповѣдывалъ безнравственность; напротивъ, многіе изъ нихъ держатся нечестскихъ теорій вполне благопріятныхъ моральному достоинству человѣка,—напр.: теоріи утилитаризма. Въ области практической, опять говорятъ, никто не можетъ доказать, чтобы матеріалисты выдавались особенною какою-либо безнравственностію въ сравненіе съ людьми своего времени, держащимися противоположныхъ возрѣвій. Все это отчасти вѣрно, но подобныя явленія дѣлаютъ честь сердцу матеріалистовъ, но не ихъ уму. Вопросъ въ томъ, вытекаютъ ли послѣдовательно какія-либо нечестскія теоріи (напр., даже теорія утилитаризма) изъ принципа матеріализма или нѣтъ, и не составляютъ ли

овѣ пелогическаго прироста къ нему, не связаннаго съ нимъ органически, но основаннаго на совершенно иномъ началѣ? Довольно обратить вниманіе на одно отрицаніе матеріализмомъ свободы, а вслѣдствіе этого обязательности и вмѣняемости какихъ-либо дѣйствій, — чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Если болѣе скромные матеріалисты не проповѣдуютъ открыто безнравственности, то со стороны болѣе смѣлыхъ и послѣдовательныхъ такая проповѣдь не была бы нисколько удивительною или предосудительною съ точки зрѣнія матеріализма. Указываютъ на то, что матеріалисты нисколько не хуже другихъ людей. Это опять дѣлаетъ честь ихъ сердцу, но не уму; теорія же нисколько не становится лучше или нравственнѣе отъ того, что ей не слѣдуютъ на практикѣ. Притомъ же, для вѣрной оцѣнки нравственнаго состоянія человѣка далеко не достаточно однихъ внѣшнихъ обнаруженій нравственности въ поступкахъ. Отрицательная нравственность, отсутствіе грубыхъ пороковъ, даже внѣшніе похвальныя поступки, совершаемые изъ эгоистическихъ побужденій (напр. честолюбія), не могутъ еще служить доказательствами истинной нравственности. Все это можетъ зависѣть отъ причинъ внѣшнихъ и случайныхъ, — отъ положенія, напр., человѣка въ обществѣ, отъ того, что для него не было никакихъ поводовъ и интересовъ нарушать обычный кодексъ житейской морали и принятыхъ приличій.

Поэтому, въ защиту нравственнаго характера матеріализма вообще, нельзя сослаться на образъ жизни философовъ-матеріалистовъ, — на то, что они не были хуже окружающихъ ихъ лицъ, не были напр. ни ворами, ни убійцами, ни людьми безчестными; быть имъ такими въ ихъ положеніи не было ни побужденій, ни выгодъ. Чтобы судить о дѣйствительномъ вліяніи матеріализма на жизнь, нужно брать во вниманіе не философовъ и ученыхъ, для которыхъ самая наука могла служить сдерживающимъ началомъ противъ нравственной распущенности; но людей съ болѣе практическимъ складомъ ума, и съ болышею послѣдовательностью готовыхъ провести свои убѣжденія въ жизнь. Нужно обратить вниманіе на нравственное состояніе цѣлыхъ обществъ, какъ скоро въ нихъ распро-

страняются матеріалистическія воззрѣнія. Но здѣсь исторія даетъ намъ самыя печальныя указанія; она всегда свидѣтельствуєтъ о связи этихъ воззрѣній съ упадкомъ общественной нравственности; многія явленія нравственной распущенности въ наше время несомнѣнно имѣютъ своимъ источникомъ распространеніе матеріалистическихъ воззрѣній въ обществѣ.

При такомъ вліяніи философскихъ теорій на нравственную жизнь, едва-ли можно сомнѣваться въ важномъ значеніи для утвержденія нравственныхъ началъ истинной философіи, особенно въ наше время ослабленія религіи, когда человѣкъ въ разумѣ ищетъ руководительныхъ началъ для дѣятельности. Но устраненіемъ одностороннихъ ионческихъ теорій и установленіемъ правильнаго воззрѣнія на начала нравственности не ограничивается вліяніе философіи. Она можетъ содѣйствовать и осуществленію этихъ началъ въ жизни. Правда, мы знаемъ, что нравственная дѣятельность человѣка опредѣляется не одними теоретическими убѣжденіями, что воля человѣка не всегда бываетъ послушна разуму и нравственнымъ мотивамъ своей собственной природы въ силу врожденнаго стремленія ко злу; знаемъ и то, что дѣйствительное средство къ искорененію этого недостатка и къ направленію человѣка по пути правды и добра, заключается не въ философіи, а въ истинной религіи. Но тѣмъ не менѣе и философія можетъ оказать здѣсь свою долю благотворнаго вліянія въ той мѣрѣ, въ какой въ опредѣленіи нашихъ дѣйствій могутъ принимать участіе и теоретическія убѣжденія. Философскія идеи не суть пустыя, отвлеченныя произведенія мысли, вліяніе которыхъ ограничивается одною областью спекуляціи, онѣ стремятся выйти изъ этой области и стать мотивами воли. До какой степени можетъ быть сильно дѣйствіе этихъ возникшихъ подъ вліяніемъ теоріи мотивовъ, показываетъ примѣръ древнихъ ионическихъ школъ (напр. цинической), гдѣ философія способна была привести человѣка не только къ ограниченію чувственныхъ потребностей, но даже къ нѣкотораго рода аскетизму въ ихъ подавленіи. Но если бы мы даже, въ виду существованія болѣе дѣйствительныхъ и энергическихъ мотивовъ нравственныхъ дѣйствій (мотивовъ религіозныхъ), и не стали высоко цѣнить значеніе философскихъ

убѣжденій въ этомъ отношеніи, то во всякомъ случаѣ мы не вправѣ отвергнуть той важной заслуги философіи, что она, разъясняя нравственныя понятія, способствуетъ къ тому, чтобы сдѣлать нашу нравственную дѣятельность сознательною, отчетливою и разумною; слѣдовательно, она если и не создаетъ нравственности, то по крайней мѣрѣ придаетъ ей высшую цѣнность и достоинство.

Но и независимо отъ самаго содержанія философіи и ея значенія для жизни, самое занятіе философскими изслѣдованіями не можетъ остаться безъ благотворнаго вліянія на нее уже тѣмъ самымъ, что, имѣя своимъ главнымъ источникомъ разумъ, своимъ главнымъ методомъ—анализъ заключающихся въ разумѣ понятій, она приучаетъ человѣка къ углубленію въ себя, къ самонаблюденію, къ анализу своихъ внутреннихъ состояній. Столь необходимое для нравственнаго усовершенствованія сократовское: *ῥῆσις σαφτόν*, несравненно удобнѣе и легче для философа, чѣмъ для занимающагося какою-либо другою наукою, тѣмъ болѣе для человѣка увлеченнаго шумнымъ потокомъ дѣятельной жизни. Съ другой стороны, вращаясь въ мірѣ идей, общихъ понятій, принциповъ, философія невольно приучаетъ и на явленія нравственной жизни какъ своей, такъ и чужой, смотрѣть съ высшей, идеальной точки зрѣнія и оцѣнивать ихъ не по ихъ эмпирической видимости, не по временнымъ и случайнымъ ихъ побужденіямъ и результатамъ, но по внутреннему ихъ смыслу и безотносительной цѣнности,—приучаетъ поэтому относиться и къ себѣ и къ другимъ съ тою серьезностію и строгостію, которая возможна только при ясномъ пониманіи всей высоты нравственнаго идеала и сознаниіи несоотвѣтствія съ нимъ собственнаго нравственнаго состоянія.

В. Нудрявцевъ.

ИДЕАЛИЗМЪ И РЕАЛИЗМЪ.

(Продолженіе *).

Сократъ: новое направленіе, сообщенное имъ философіи. — Умъ, какъ начало равнообразно открывающееся и въ познаніи и въ устройствѣ вещей познаваемыхъ. — Раздѣленіе чувственнаго отъ сверхчувственнаго въ познаніи и бытіи познаваемомъ. — О формахъ проявленія умственной дѣятельности. — Порядокъ, въ какомъ происходитъ раздѣляющая и соединяющая дѣятельность разума. — Идея о цѣлесообразности въ мірѣ. — Разсмотрѣніе, съ точки зрѣнія цѣлесообразности, міра и общества человѣческаго. — Отсутствие въ прежней философіи до Платона принципа для упорядоченнаго обзорѣнія формъ соединенія и раздѣленія. — Идеализмъ и реализмъ.

Сократъ, какъ извѣстно, далъ совершенно иное направленіе философскому изслѣдованію, обративъ все свое вниманіе на вопросы, которыхъ прежняя философія или вовсе не касалась, или же касалась только мимоходомъ и никакъ не въ интересѣ философіи, а напротивъ внѣ всякой связи съ философскими изысканіями, имѣвшими своимъ предметомъ и цѣлью познаніе природы **). Извѣстно, что это были вопросы по преимуществу практическіе, — именно о добродѣтели, о счастіи, о

*) См. журн. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г., № 12.

***) Переходъ отъ совершенной Сократомъ въ философіи, состоитъ въ тѣсной связи съ условіями общественной жизни того времени. Когда въ Афинахъ окончательно утвердилось демократическое правленіе, то въ это время важное политическое и общественное значеніе приобрѣло ораторское искусство. Софисты явились наставниками краснорѣчій; но нераздѣльной связи слова и мысли, они учили также мыслить, а не только говорить. Возбуждая разнаго рода общественные вопросы, въ видахъ обученія искусству мыслить и говорить, вопросы о справедливомъ, честномъ и безчестномъ, о государствѣ и управленіи государственнымъ, о власти и подвластныхъ, софисты открыто обсуждали подобные вопросы, при чемъ выражали нерѣдко взгляды, колебавшіе и даже вовсе разрушавшіе авторитетъ общепринятыхъ и утвердившихся въ жизни понятій и сужденій объ этихъ предметахъ. Вотъ почему и философія Сократа также вращалась въ области вопросовъ практическаго характера. Такой характеръ философіи Сократа и былъ для него основаніемъ къ тому, что самъ онъ смотрѣлъ на философскую дѣятельность свою, какъ на служеніе обществу или государству.

жизни частной и общественной, о государствѣ и законѣ. Сократъ стремился дать извѣстное направленіе дѣятельности общественной и частной, согласное съ вѣковыми преданіями и началами національнаго общественнаго развитія. Но онъ видѣлъ, что для надлежащаго направленія дѣятельности, необходимо напередъ *знать* что и какъ *дѣлать*, вслѣдствіе чего и въ самыхъ понятіяхъ Сократа о знаніи, о добродѣтели, одно съ другимъ, именно знаніе и дѣло,—неразрывно связывалось, да и въ жизни своей Сократъ, какъ мыслилъ, такъ и поступалъ. Вотъ почему только то знаніе онъ считаетъ важнымъ и для насъ достижимымъ, которое научаетъ, что и какъ дѣлать, таково именно знаніе о добродѣтели и счастья. И наоборотъ, только дѣйствіе, основанное на знаніи, т. е. вполне сознательное, онъ признавалъ заслуживающимъ одобренія (если конечно, оно относится къ предметамъ, доступнымъ познанію), т. е. цѣлесообразнымъ, способствующимъ достиженію счастья, такъ что путь къ счастью заключается, по Сократу, въ мудрости, т. е. въ знаніи *).

Но если разумъ человѣка имѣетъ своимъ назначеніемъ цѣлесообразное устроеніе жизни, если разумъ долженъ быть руководителемъ къ достиженію полнаго и совершеннаго счастья, если только разумъ можетъ образовать жизнь человѣка, вполне достаточную для себя и совершенную, то ясно, что разумъ верховный, міроиздательный можетъ проявить свою дѣятельность, конечно, не въ чемъ иномъ, какъ только въ мудромъ, т. е. *цѣлесообразномъ* устроеніи міра. Такимъ образомъ, философія Сократа приводила къ иному болѣе возвышенному понятію о дѣятельности разума. По этому понятію уже не просто движеніе, но такое цѣлесообразное дѣйствіе признается обнаруженіемъ ума, которое всегда направляется къ достиженію возможно лучшаго, совершеннаго.

Послѣ столь длиннаго, но необходимаго отступленія, возвратимся снова къ Платону.

*) Ксенофонъ говоритъ о Сократѣ, что онъ не раздѣлялъ отъ мудрости благоразумія, т. е. сообразнаго съ убѣжденіемъ и указаніемъ разума дѣйствованія. Сократъ полагалъ, что кто знаетъ прекрасное и доброе, сообразно тому (т. е. со своимъ знаніемъ) и дѣйствуетъ, и знающій, что постыдно, воздерживается отъ того, такъ что мудрый человѣкъ тоже, что и благоразумно поступающій. Мемор. III, 9, 4.

Разсматривая дѣятельность ума, какъ онъ проявляется и въ насъ самихъ и внѣ насъ, мы видимъ, что прежде всего познание вещей есть дѣло ума. А такъ какъ мы познаемъ вещи не только умомъ, но и чувствами, то слѣдуетъ различать познание умственное, или умозрительное отъ чувственного: иначе вещи представляются чувствамъ и совершенно иначе онѣ познаются умомъ. Для чувствъ все представляется текучимъ, измѣнчивымъ, напротивъ умъ и среди всеобщей измѣняемости усматриваетъ повсюду и во всемъ нѣчто неизмѣнное, всегда пребывающее. Такимъ образомъ, уже въ самомъ познаніи мы находимъ противоположность измѣняемаго и неизмѣннаго. Измѣнчивое въ нашемъ познаніи, по Платону, есть то, что онъ называетъ мнѣніемъ или представленіемъ (*δόξα*), неизмѣнное-же это есть знаніе въ собственномъ смыслѣ (*ἐπιστήμη*) или разумѣніе (*νοῦς, νόησις*). Въ чемъ же именно состоитъ умственное или умозрительное познание вещей?

Умъ нашъ имѣетъ то свойство, проявляемое имъ въ познаніи, что онъ не останавливается на разсмотрѣніи одной вещи, но обзрѣваетъ всегда сразу неопредѣленное множество вещей, такъ какъ онъ беретъ во вниманіе только то, что есть сходнаго, общаго, одинаковаго во множествѣ вещей, а это даетъ ему возможность находить извѣстный порядокъ во всемъ имъ обзрѣваемомъ, ибо останавливая вниманіе только на общемъ, онъ чрезъ то распредѣляетъ вещи по группамъ, все познаваемое *должитъ на роды и виды*. Основаніе для такого раздѣленія вещей познаваемыхъ заключается въ томъ, что каждая группа вещей, каждая отдѣльно познаваемая умомъ часть сущаго, имѣетъ свой особый видъ (*εἶδος*), образъ существованія, какъ-бы особый отпечатокъ, а это показываетъ, что всякая такая отдѣльно познаваемая умомъ часть сущаго, каждая опредѣленная группа неограниченнаго множества образована по особому *образу*, по особой только къ ней относящейся *идеи* II если то общее въ каждой группѣ явленій, т. е. сходное, въ чемъ отпечатлѣлась соотвѣтствующая идея, есть постоянное и неизмѣнное въ измѣняемомъ, то ясно, что тѣмъ болѣе самыя идеи или образцы, по которымъ образованы вещи, должны быть неизмѣняемы, неподвижны.

Такимъ образомъ, по Платону, есть двоякій міръ—чувственный или вещественный, съ которымъ мы сообщаемся посредствомъ чувствъ, и міръ сверхчувственный, постижимый только для ума, идеальный. Въ одномъ мы видимъ непрерывную смѣну явленій, не прекращающійся потокъ измѣненій, а потому когда душа привязывается къ этому міру, то и сама дѣлается безпокойною, тревожною; она тогда постоянно волнуется и нигдѣ ни въ чемъ не находитъ для себя покоя. Напротивъ, въ высшемъ мірѣ, невидимомъ, недоступномъ для чувствъ, но родственномъ для ума, царствуетъ вѣчный и неизмѣнный порядокъ, а потому душа чувствуетъ спокойствіе и довольство только тогда, когда она своими помыслами и стремленіями обращена къ этому міру. Значить, въ познаніи, для котораго предметомъ служить область идеальнаго, и гдѣ обитаетъ истина, заключается источникъ счастья, блаженства для души, того счастья, которое Сократъ полагалъ цѣлью своей философіи ¹⁾.

Этихъ немногихъ и бѣглыхъ замѣтокъ о философіи Платона достаточно уже, чтобы видѣть, что въ этой философіи указанная выше черта идеализма, ясно выраженная еще элейскою школою, является въ дальнѣйшемъ развитіи. Разумѣемъ признаваемое идеализмомъ господство какъ въ познаніи, такъ и въ дѣйствительности (которое частію уже есть, а большею частію лишь должно быть, т. е. существуетъ лишь въ качествѣ цѣли)

¹⁾ Если умъ и истинное мнѣніе (*νοῦς καὶ δόξα ἀληθής*), говоритъ Платонъ, составляютъ два особые рода (*δύο γένη*), то я идеи (*εἶδη*) существуютъ сами по себѣ, не будучи чувственными (*ἀναίσθητα*), — и познаваемы только умомъ (*νοούμενα μόνον*); если-же, какъ кажется инымъ, истинное мнѣніе ничѣмъ не различается отъ ума, тогда все чувственно воспринимаемое, при посредствѣ тѣла (*παντὶ ὅπως διὰ τοῦ σώματος αἰσθανόμεθα*), слѣдуетъ признать за самое достоверное (*θετέον βεβαιότατα*), но несомнѣнно, что тѣ два рода различны, ибо одинъ родъ (познаніе) происходитъ чрезъ изученіе (*διὰ διδασκῆς*), другой-же можетъ быть произведенъ искусно убѣждающею рѣчью (*τὸ δ' ὑπὸ παιδοῦς ἡμῶν ἐγγίγνεται*); одинъ всегда соединяется съ истиннымъ разумніемъ (*μετ' ἀληθοῦς λόγου*), другой-же не отличается обдуманностію (*τὸ δὲ ἄλογον*); одинъ не можетъ быть поколебленъ и измѣненъ никакимъ увѣщаніемъ, другой-же уступаетъ увѣщанію (*καὶ τὸ μὲν ἀκίνητον παιδοῦς, τὸ δὲ μεταπειστόν*). Одинъ родъ таковъ, что ни одинъ человѣкъ не лишень его, тогда какъ умъ—другой родъ есть принадлежность боговъ, а изъ людей причастны ему немногіе. Тимей 51, д. с.

мыслимаго, разумнаго надъ наблюдаемымъ, чувственнымъ, общаго надъ частнымъ. Уже у элеатовъ мы видимъ такое довѣріе къ могуществу мысли, что истина признается доступною единственно уму, — и что оказывается несогласнымъ съ раціональнымъ понятіемъ о бытіи, прямо отвергается, не смотря на всю очевидность отрицаемаго для чувствъ. Но какъ ни велико было довѣріе къ силѣ ума, постигающаго истину, однако мы еще не находимъ у элеатовъ никакихъ опредѣленныхъ понятій объ умѣ и его дѣятельности. У Платона-же мы имѣемъ уже вполне выработанное и систематически представленное ученіе объ умѣ, какъ силѣ, обваруживающей свою дѣятельность сколько въ устроеніи дѣйствительности нами познаваемой, т. е. внѣ насъ, столько-же и въ самомъ познаніи, т. е. въ насъ самихъ. Тамъ и здѣсь открывается образующая и потому господствующая дѣятельность разума. Какія-же общія характеристическія черты представляетъ эта дѣятельность, въ чемъ она состоитъ?

Не безъ основанія Анаксагоръ разсматривалъ умъ, какъ начало движущее. По теоріи атомизма всѣ перемѣны, происходящія въ мірѣ, состоятъ въ сущности въ перемѣщеніи, т. е. сводятся къ движенію, а движеніе вообще происходитъ въ двоякой формѣ, именно оно состоитъ въ *соединеніи и раздѣленіи*. При этомъ однако, какъ мы выдѣли, атомисты изъ этихъ формъ движенія имѣли преимущественно въ виду соединеніе и этотъ именно видъ движенія (какимъ образомъ изъ соединенія атомовъ происходятъ сложныя тѣла и цѣлый міръ, какъ совокупность тѣлъ?) они хотѣли главнымъ образомъ изъяснить. Анаксагоръ же, напротивъ, имѣлъ въ виду преимущественно *раздѣляющій* видъ движенія и движущую дѣятельность ума разсматривалъ, какъ дѣятельность раздѣляющую по преимуществу.

Платонъ же признавалъ и соединеніе и раздѣленіе одинаково необходимыми и взаимно относящимися одна къ другой формами дѣятельности ума. И прежде всего въ самомъ познаніи, по Платону, проявляются эти формы умственной дѣятельности, причемъ соединяется сходное, однородное, а раздѣляется различное, какъ это признавалось вообще и прежними философами. Но Платонъ не ограничился лишь общимъ по-

верхностнымъ указаніемъ формъ умственной дѣятельности; онъ разъяснилъ и то, какъ именно происходитъ эта дѣятельность въ означенныхъ формахъ. Соединеніе, какъ сказано, относится къ сходному, однородному, именно соединяются виды при посредствѣ проходящаго чрезъ нихъ рода, который при этомъ хотя съ ними сообщается, но не смѣшивается; раздѣленіе же относится къ разнородному ¹⁾. При этомъ, какъ у атомистовъ несущее (пустота) признавалось условіемъ, безъ котораго не возможны ни соединеніе, ни раздѣленіе (вообще движеніе), такъ и Платонъ приходитъ къ необходимости признать небытіе сверхъ бытія на основаніи процессовъ діалектическаго соединенія и раздѣленія видовъ и родовъ ²⁾. Однимъ словомъ тѣ онтологическія опредѣленія, къ какимъ приходили прежніе философы, Платонъ прилагаетъ къ міру умственному, къ понятіямъ и ихъ отношеніямъ, и это потому, что Платонъ познание и познаваемое, понятія умственные и объекты этихъ понятій разсматривалъ, какъ обваруженія одной дѣятельной силы разума

¹⁾ (ὁμοῦν ὅγε τοῦτο δυνατόν ὄραν μίαν ἰδέαν διὰ πολλῶν, ἐνὸς ἐκάστου κειμένου χωρὶς, πάντῃ διατεταμένην ἰκανῶς διαισθάνεται, καὶ πολλὰς ἑτέρας, ἀλλήλων ὑπὸ μιᾶς ἕξωθεν περιεχομένης, καὶ μίαν αὖ δι' ὅλων πολλῶν ἐν ἐνὶ ζυγημένῃ, καὶ πολλάς χωρὶς πάντῃ διωρισμένης. τοῦτο δ' ἔστιν ἢ τε κοινωτέον ἕκαστα δύναται καὶ ὅπη μὴ, διακρίνειν κατὰ γένος ἐπίστασθαι. Соф. 258 д. е. Т. е. кто въ состояніи это сдѣлать (раздѣленіе видовъ), тотъ будетъ замѣчать, какъ одна идея проходитъ чрезъ многое, причемъ каждая часть этого многого не смѣшивается съ нею, но остается отдѣльною, и какъ, далѣе, многіе различныя виды (или идеи) объемяются одною идеею, и опять эта единая идея, не теряя своего единства, соединяетъ многое, но такъ, что каждая часть этого многого остается отдѣльною. Это и значитъ умѣть различать породу, несколько отдѣльное можетъ сообщаться и насколько не можетъ.

²⁾ Περὶ ἕκαστου τῶν εἰδῶν πολὺ μὲν ἔστι τὸ ὄν, ἄπειρον δὲ πλήθει τὸ μὴ ὄν. Т. е. при каждомъ изъ видовъ много есть сущаго и неизмѣримо больше несущаго. При этомъ Платонъ разъясняетъ, что несущее — это собственно есть *иное* или *различное* (ἕτερον, ἢ ψῖσις ἕτερον), *инаковость*, *различіе*. Дѣло въ томъ, что каждый видъ сущаго, будучи самъ въ себѣ тождественнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ различенъ отъ всякаго другаго, а насколько различенъ, онъ уже *не есть* тотъ другой, такъ что все отчасти *есть*, а отчасти *не есть*, *есть* въ одномъ отношеніи, а во многихъ другихъ отношеніяхъ *не есть*; посему во всемъ есть *бытіе* и *небытіе*, иначе во всемъ есть и тождество и различіе (ταὐτόν καὶ ἕτερον), такъ что несущее это тоже, что различное. Итакъ понятіе небытія у Платона получаетъ логическое значеніе отрицанія.—Софистъ, 256 е. и д.

Полагая, что движеніе вообще состоитъ въ соединеніи однороднаго и раздѣленіи разнороднаго, тѣ, которые ничего болѣе не усматривали въ движеніи кромѣ механическаго дѣйствія, происходящаго въ силу необходимости, не могли указать самаго порядка, въ какомъ происходятъ оба процесса за немѣніемъ основаній для опредѣленія такового порядка. Напротивъ Платонъ, видя въ дѣятельности разума, насколько эта дѣятельность обнаруживается въ познаніи, тѣже проявленія, именно процессы соединенія и раздѣленія, какъ уже замѣчено выше, не ограничивается указаніемъ этихъ процессовъ, но притомъ опредѣляетъ и самый порядокъ, въ какомъ происходятъ тѣ процессы, причемъ самъ же онъ поясняетъ, что это именно не было сдѣлано прежними философами. Именно онъ такъ говоритъ объ этомъ. Прежніе философы, основываясь на томъ, что во всемъ есть единое и многое, сразу переходили отъ одного къ другому, не указывая никакихъ промежуточныхъ ступеней между тѣми двумя крайностями, — *единымъ и многимъ*. Между тѣмъ недостаточно указать, что данный для изъясненія предметъ представляетъ единое и вмѣстѣ многое, но надлежитъ сверхъ того изъяснить, сколь много содержится въ единствѣ извѣстнаго рода, а для сего постепенно, мало-по-малу, слѣдуетъ переходить отъ единства къ неопредѣленному множеству, и также наоборотъ постепенно восходить отъ множества къ единству. Первый путь нисхожденія (отъ общаго къ частному) и есть *раздѣленіе* (*διαίρεσις*), обратный же путь восхожденія отъ частнаго къ общему есть *соединеніе* (*συναγωγή*)¹⁾. Такимъ образомъ логическіе пути мы-

¹⁾ Отъ древнихъ, говоритъ Платонъ, которые были лучше насъ и ближе къ богамъ, дошло до насъ такое сказаніе, что все сущее состоитъ изъ единого и многого (*ὡς ἐξ ἑνὸς μὲν καὶ ἐκ πολλῶν ὄντων τῶν αἰεὶ λεγομένων εἶναι*), по природѣ заключающа въ себѣ границу и неограниченное (*πέρας δὲ καὶ ἀπειρίαν ἐν αὐτοῖς εὐμήρητον εἶχόντων*). Имѣя въ виду, что сущее таково, мы должны принимать обо всемъ отдѣльномъ одну идею, и затѣмъ изслѣдовать, — не окажется ли, что эта идея точно содержится въ томъ отдѣльномъ (*θεῖν οὖν ἡμᾶς τοῦτων οὕτω διακεκοσμημένων, αἰεὶ μίαν ἰδέαν περὶ παντὸς ἐκάστοτε θεμένουσ ζητεῖν εὐρήσειν γὰρ εὐοῦσαν*); нашедши эту идею, мы должны затѣмъ разсмотрѣть послѣ одного два, а если не окажется двухъ, то три или иное число, и подобнымъ-же образомъ разсматривать каждую изъ этихъ новыхъ частей и такъ продолжать. пока не будетъ ясно видно не только, что признанное вначалѣ еди-

сли отъ низшихъ къ высшимъ понятіямъ и обратно Платонъ признавалъ, очевидно, предопредѣленными самою природою вещей,—порядкомъ, существующимъ въ мірѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ возможенъ, на чемъ основывается означенный выше, какъ составляющій сущность діалектическаго искусства, постепенный переходъ отъ единства ко множеству и обратно? Если бы не было никакого строгаго порядка въ самомъ бытіи вещей, тогда невозможна была бы и постепенность въ ихъ обзорѣніи. Но такой поразокъ есть; въ чемъ же онъ состоитъ? Въ томъ, что болѣе общее господствуетъ надъ менѣе общимъ или частнымъ, и частное всегда является подчиненнымъ болѣе общему. Посему частное относится къ общему, какъ низшее къ высшему, какъ средство къ цѣли, такъ что частное бываетъ совершеннымъ, болѣе или менѣе, лишь по мѣрѣ того, какъ оно согласуется съ общимъ. Съ этой точки зрѣнія самымъ совершеннымъ должно признать наиболѣе общее. Посему наиболѣе общее есть существующее для себя, а не для иной какой-либо высшей цѣли, т. е. цѣль его существованія заключается въ немъ самомъ, а не внѣ его. А что имѣетъ цѣль въ себѣ, то очевидно должно быть достаточнымъ для себя, ни въ чемъ не нуждаясь, и, слѣдовательно, самодовольнымъ и блаженнымъ. Теперь очевидно, что наиболѣе общее, все въ себѣ заключающее, а потому и наиболѣе совершенное—это есть міръ въ его цѣ-

нимъ есть единое и вмѣстѣ многое, но и то, какъ много въ немъ содержится (*μέγιστον ἂν τὸ κατ' ἀρχάς ἐν μὴ ὅτι ἐν καὶ πολλὰ καὶ ἀπειρά ἐστι μόνον ἴδῃ τις, ἀλλὰ καὶ ὅπως*) и не прежде мы должны относить ко многому идею неограниченнаго, какъ сдѣлается извѣстнымъ совокупное число этого многого, находящееся въ срединѣ между единымъ и неограниченнымъ. Такъ боги научили исследовать, теперешніе-же мудрецы, какъ случится (т. е. безъ метода), полагаютъ одно подлѣ многого, отъ одного прямо переходятъ къ неограниченному, среднее оставляя безъ вниманія. Между тѣмъ недостаточно напр. сказать, что звукъ есть нѣчто единое (по понятію) и вмѣстѣ много есть звуковъ, назыв. буквами, но нужно еще знать, какіе есть звуки и сколько ихъ, чтобы знать азбуку; равно музыканту недостаточно знать, что музыкальный тонъ (по понятію) есть одно и вмѣстѣ, что есть много тоновъ, но нужно еще знать, какіе это тоны и сколько ихъ... И какъ взявъ одно, не слѣдуетъ тотчасъ смотрѣть на неограниченное, но на опредѣленное число, такъ и, наоборотъ, если приходится начать съ неограниченнаго, то не вдругъ переходить къ единому, но также обращать вниманіе на число, обнимающее въ себѣ любое множество, и послѣ уже разсмотрѣнія всего по частямъ сводить все къ единству. Филебъ 16 с.—18—с.

лости. Дѣйствительно, по ученію Платона, міръ созданъ по совершеннѣйшему образцу, по *идеѣ универса*; это значитъ, что онъ все въ себѣ заключаетъ и внѣ его ничего иного нѣтъ. Будучи совершеннѣйшимъ, міръ можетъ быть только одинъ; посему нельзя допустить вмѣстѣ съ атомистами, что существуетъ множество міровъ. Далѣе мы должны представлять міръ, какъ одушевленное и разумное существо, ибо ничто, лишнее жизни и разума, не можетъ быть совершеннымъ. Совершенство міра состоитъ и въ томъ, что онъ имѣетъ прекраснѣйшую шаровидную форму и соотвѣтственное этой формѣ, столь же совершенное, наиболѣе близкое къ дѣятельности ума, круговое движеніе. Полнота же существованія міра, его универсальность, состоитъ въ томъ, что весь матеріалъ былъ употребленъ безъ остатка на образованіе его, а притомъ онъ содержитъ въ себѣ всѣ роды живыхъ существъ, изъ которыхъ человѣкъ, какъ высшее существо, наиболѣе имѣетъ въ себѣ подобія съ міромъ, почему можно назвать его *малымъ міромъ* ¹⁾. Съ той-же точкы зрѣнія разсматривается и жизнь человѣка. Въ отношеніи къ человѣку наиболѣе общее, съ которымъ онъ состоитъ въ ближайшей связи, есть государство. А какъ общее есть цѣль въ отношеніи къ частному, которое должно быть въ подчиненіи этой цѣли, то и цѣль существованія человѣка, очевидно, должна заключаться въ благосостояніи государства. И подобно тому какъ совершенство міра состоитъ въ его единствѣ, а также въ самодостаточности, — въ томъ, что онъ обладаетъ всѣмъ нужнымъ для себя, при чемъ разумъ господствуетъ въ немъ надъ неразумнымъ, — такъ равно и государство можно признать наилучшимъ только тогда, если въ немъ господствуетъ полное согласіе и единство интересовъ, каковая цѣль достижима, по мнѣнію Платона, только при отсутствіи частнаго имущества и частной семейной жизни, а также при господствѣ разумнаго пачала надъ неразумнымъ, для чего во главѣ государства должны быть люди мудрѣйшіе. (*Республика или Государство*. 484—487 а).

Но на ряду съ соединеніемъ однороднаго, сходнаго въ од-

¹⁾ Итакъ по Платону, человѣкъ образованъ по подобію міра, а не, какъ христіанство учитъ, по подобію самого Творца.

помъ общемъ, существуетъ въ мѣрѣ самое строгое раздѣленіе разнороднаго, и притомъ такъ, что раздѣленіемъ условливается общеніе и, наоборотъ, безъ раздѣленія не было бы и общенія: общее проходитъ чрезъ все обнимаемое имъ частное но такъ, что частное остается при этомъ раздѣленнымъ между собою, равно и съ общимъ не смѣшивается. Отсюда, хотя мѣръ и есть единое цѣлое, въ которомъ повсюду господствуетъ одна жизнь (міровая душа) и всѣмъ управляетъ одинъ разумъ,—однако цѣлое это раздѣлено на отдѣльныя части, существующія одна вѣдъ другой. Между этими отдѣльными частями міра существуютъ отношенія подчиненности и взаимодѣйствія. Имено сфера неподвижныхъ звѣздъ обнимаетъ собою низнія сферы планетныхъ движеній, нисходящія, въ послѣдовательномъ порядкѣ, до подлунной области движеній стихійныхъ, которая отличается наименьшею правильностію и потому представляетъ наименьшую степень совершенства. Равно и въ государствѣ, по Платону, совершенное общеніе и единство жизни достижимо лишь при самомъ строгомъ раздѣленіи различныхъ сферъ дѣятельности, такъ чтобы каждый классъ общества былъ занятъ исключительно своимъ дѣломъ, не вмѣшиваясь въ занятія другихъ, въ чемъ и состоитъ *справедливость* ¹⁾.

Такимъ образомъ Платонъ не только указалъ формы соединенія и раздѣленія, какъ проявленія дѣятельности разума, но, что особенно важно, онъ нашелъ и самый принципъ для упрядоченія этихъ формъ,—принципъ, заключающійся въ идеѣ *исключительности*, или по крайней мѣрѣ воспользовался въ должной мѣрѣ этимъ принципомъ.

Сравнивая философію Платона съ философіею прежняго времени, мы находимъ, что предшествующіе ему философы хотя также указывали формы соединенія и раздѣленія въ процессѣ образованія міра и въ устройствѣ его, однако имъ не-

¹⁾ Καὶ μὲν οὕτως ἐστὶ τὸ τὰ αὐτοῦ πράττειν, καὶ ἰσὴν πολὺ πραχνοτέρῳ, δικαιοσύνη ἐστὶ. καὶ τοῦτο ἄλλων, τὰ πολλῶν ἀκροάμεν, καὶ αὐτοὶ πολλὰκις εἰρήχαμεν... Τοῦτο κινδυνεύει τρόπον τινὰ γινόμενον ἢ δικαιοσύνη εἶναι. τὸ τὰ αὐτοῦ πράττειν. Республика IV, 533 а, в. Изложенные выводы Платона объ устройствѣ міра и общества человеческого содержатся главнымъ образомъ въ двухъ діалогахъ: въ *Тимей* и *Республикѣ*.

доставало упорядочивающаго эти формы движенія принципа, не было руководящей идеи при обзорѣнн этихъ формъ. А это потому, что предположенныя ими движущія причины вещей они разсматривали какъ такія, которыя дѣйствуютъ единственно въ силу необходимости, а не по идеѣ цѣлесообразности, ибо по самому понятію объ этихъ движущихъ причинахъ дѣятельность ихъ не можетъ быть планосообразною, систематически упорядоченною. Такъ по ученію атомистовъ, движеніе атомовъ происходитъ отъ взаимнаго ихъ столкновенія; первоначальная же причина движенія, послѣдствіемъ которой является и самое столкновеніе, есть ихъ тяжесть. Но понятно, что движеніе, происходящее единственно отъ такой причины, не можетъ быть правильнымъ, т. е. направленнымъ къ какой либо опредѣленной цѣли. Оно можетъ быть, относительно результата, только случайнымъ ¹⁾, такъ что всѣ движенія, происходящія въ мірѣ, — если разсматривать ихъ съ точки зрѣнія атомистической, представляются съ одной стороны дѣломъ необходимости, а съ другой стороны случайными, — по своимъ результатамъ: только начало движенія, но не его конецъ опредѣляется необходимостію, такъ какъ результатъ зависимъ отъ случайной встрѣчи множества второстепенныхъ причинъ, заключающихся вообще въ соединеніи и раздѣленіи атомовъ. По Эмпедоклу, всѣ движенія въ мірѣ происходятъ отъ двухъ противоположныхъ причинъ, — отъ любви и вражды, но лю-

¹⁾ Въ исторіи греческой философіи *Целлера* читаемъ: „движеніе атомовъ наши философы (Левкиппъ и Демокритъ) прямо признавали безначальнымъ, а потому Демокритъ отказывался говорить о причинѣ этого движенія, ибо безначальное и безконечное нельзя выводить изъ чего нибудь иного. И такъ, хотя Аристотель возражаетъ противъ атомистовъ, что они не сдѣлали надлежащаго изслѣдованія о причинѣ движенія, однакожъ нельзя не признать это превратнымъ сужденіемъ (ist es doch schief), если говорятъ, что они движеніе производили отъ случая. Случайнымъ движеніе атомовъ можно назвать тогда только, если подъ случайнымъ разумѣть все, что не вытекаетъ изъ цѣлесообразности (was nicht aus einer Zweckthätigkeit hervorgeht); если же это выраженіе должно означать происхожденіе безъ натуральныхъ причинъ, то атомисты такъ далеки были отъ подобнаго утвержденія, что напротивъ ничего происходящаго въ мірѣ они не признавали случайнымъ“. *Die Philosophie d. Griechen. I Theil, S. 710.* Никто и не понималъ случайнаго, какъ въ смыслѣ протипаго цѣлесообразному, — и даже самъ Цицеронъ, котораго Целлеръ считаетъ главнымъ виновникомъ указываемаго имъ превратнаго будто бы сужденія о Демокритѣ. См. *Nat. deor. I, 24, 66.*

бовъ и вражда не что-либо отдѣльное отъ самыхъ процессовъ соединенія и раздѣленія, а потому ими на самомъ дѣлѣ не разъясняются эти процессы; причина соединенія и раздѣленія собственно заключается въ сходствѣ и различіи элементовъ, находящихся въ движеніи: сходное стремится къ соединенію; различное, напротивъ, одержимо враждою, т. е. стремится къ раздѣленію. Отсюда, понятно, невозможно было строго разграничить дѣйствія двухъ противоположныхъ причинъ соединенія и раздѣленія,—на что и Аристотель указываетъ, въ видѣ укора, Эмпедоклу за его неслѣдовательность, такъ какъ очевидно одно и то же, по необходимости, должно стремиться и къ соединенію съ однороднымъ и къ раздѣленію съ различнымъ ¹⁾. Тоже должно сказать и объ Анаксагорѣ. Ибо хотя онъ и указалъ высшій принципъ *въ умѣ*, однако не воспользовался этимъ принципомъ, но по примѣру прежнихъ философовъ остался при этомъ же взглядѣ на соединеніе и раздѣленіе элементовъ, какъ на дѣйствія чисто механическія.

За неизмѣнимъ принципа, опредѣляющаго направленіе дѣйствій движущихъ причинъ, философы, слѣдовавшіе исключительно механическому способу изъясненія вещей, относительно происхожденія и устройства вещей, могли ограничиться лишь немногими слишкомъ общими указаніями, теряясь затѣмъ въ частностяхъ, не имѣющихъ строго систематической, т. е. необходимой связи между собою, тѣмъ болѣе съ общимъ процессомъ мірообразованія. Такъ Демокритъ могъ указать лишь на то, что при столкновеніи атомовъ легчайшіе дол-

¹⁾ О тѣхъ философахъ, которые впервые стали различать отъ матеріальныхъ причинъ причины движущія (Эмпедоклъ, Анаксагоръ) Аристотель говоритъ: „они поступали, какъ люди неопытные въ бояхъ; какъ послѣдніе, въ жару битвы иногда дѣлають удачнѣе удары, но неспекусно, безъ разчета, подобно тому и первые, поспѣху, не отдавали себѣ отчета въ томъ, что говорили, ибо не пользовались надлежащимъ образомъ указанными ими принципами. Такъ Анаксагоръ, изъясняя мірообразованіе, пользуется своимъ умомъ механически (*μηχανῆ*); когда онъ затрудняется указать причину, дѣйствующую въ силу необходимости (а не свободно—*τίνα ἀνάγκη* ἐξ ἁναγκῆς), тогда онъ привлекаетъ къ дѣлу умъ; вообще же все другое у него болѣе служитъ причиною происшедшаго, чѣмъ самъ умъ. Равнымъ образомъ Эмпедоклъ, хотя и больше пользуется своими причинами, но все же недостаточно, а насколько пользуется, несогласнымъ оказывается самъ съ собою, ибо нередко у него дружба раздѣляетъ, а вражда соединяетъ. Метаф. 1, 4. 985 а.

жны были подняться вверхъ, а болѣе тяжелые сплотиться въ центрѣ, отъ чего произошло раздѣленіе неба и земли; частнѣйшія же объясненія отдѣльныхъ явленій не имѣютъ никакого отношенія къ этой теоріи мірообразованія. Эмпедокль предполагалъ періодическую смѣну противоположныхъ состояній міра, изъ которыхъ въ одномъ господствуетъ вражда, а въ другомъ преобладаетъ любовь, т. е. ничего иного здѣсь не представляется кромѣ продолженнаго въ безконечность повторенія однихъ и тѣхъ же процессовъ соединенія и раздѣленія. Не имѣя необходимой связи съ порядкомъ происхожденія и общимъ устройствомъ вещей, частныя объясненія отдѣльныхъ явленій, при механическомъ міросозерцаніи, возможны единственно лишь по указаніямъ и на основаніи опыта. Конечно, и при томъ предположеніи, что въ мірѣ дѣйствуетъ разумная причина, отдѣльныя дѣйствія или явленія также могутъ быть изъясняемы не иначе, какъ при пособіи опытнаго изученія вещей, но означенное предположеніе, внушая вѣру въ цѣлесообразный характеръ устройства міра, а также дѣятельности силъ въ немъ существующихъ и направляемыхъ высшею причиною къ лучшему и совершеннѣйшему, заставляеть относить на счетъ нашего невѣдѣнія и ограниченности нашихъ познавательныхъ силъ затруднительность и даже невозможность, нерѣдко встрѣчаемую на дѣлѣ — связать въ одну правильную систему, вполне удовлетворительную для разума, наши познанія о вещахъ, между тѣмъ какъ, при разсмотрѣніи вещей съ точки зрѣнія механической необходимости, случайность и безсвязность въ нашихъ опытныхъ знаніяхъ приходится относить къ самой дѣйствительности. При этомъ естественно, что вѣра въ существованіе разумнаго порядка въ мірѣ служитъ источникомъ или, по крайней мѣрѣ, сильнѣйшею поддержкою требованій разумности и въ отношеніи къ собственнымъ нашимъ дѣйствіямъ, между тѣмъ какъ для механическаго міровоззрѣнія не представляется особыхъ побужденій придавать важность требованіямъ разумности и цѣлесообразности, на сколько такія требованія прямо не оправдываются чисто натуральными побужденіями, которымъ при этомъ дается наиболѣе широкій просторъ. Съ другой стороны, относя недо-

статки, свойственныя нашимъ знаніямъ (съ точки зрѣнія требованій разума) на счетъ объективной дѣйствительности, — механическая точка зрѣнія внушаетъ самоувѣренность. Но всѣ эти послѣдствія двухъ противоположныхъ міровоззрѣній могли обнаружиться вполнѣ лишь съ теченіемъ времени.

Теперь же для насъ важно съ возможною ясностію опредѣлить тѣ пункты, въ которыхъ расходятся два главныхъ направленія философской мысли, насколько удалось намъ доселѣ прослѣдить отличительныя черты того и другаго направленія.

Идеализмъ, признавая разумъ дѣйствующимъ началомъ сколько въ познаніи, столько же и въ дѣйствительности познаваемой, полагалъ дѣятельность разума главнымъ образомъ въ сообщеніи направленія какъ познаванію, такъ и бытію познаваемому къ наиболѣе совершенному; понимая же совершенное, какъ наиболѣе общее, идеализмъ, поэтому, въ отношеніи къ дѣйствительности познаваемой слѣдовалъ тому методу, что частное выводилъ и изъяснял изъ болѣе общаго, рассматривая такимъ образомъ болѣе общее въ отношеніи къ менѣе общему, какъ условіе или основаніе его существованія; равно и въ познаніи главною задачею признавалъ установленіе общихъ принциповъ, именно обработку общихъ понятій (по выраженію Платона, въ познаніи мы должны переходить отъ идей къ идеямъ и чрезъ идеи), видя въ частныхъ фактическихъ свѣдѣніяхъ и представленіяхъ, получаемыхъ чрезъ наблюденіе, лишь матеріалъ или средство къ уясненію общихъ понятій, необходимо присущихъ разуму. По Платону, вещи наблюдаемыя имѣютъ для насъ то значеніе, что чрезъ нихъ мы припоминаемъ идеи, такъ что познаніе наше есть не что иное, какъ *воспоминаніе* ¹⁾.

Реализмъ же, не предполагая строгаго единства въ дѣйствіяхъ причинъ, полагаемыхъ имъ въ основу существующаго устройства вещей, напротивъ признавая дѣйствія наблюдаемыя въ мірѣ, по необходимости лишенными всякаго единства, по причинѣ зависимости ихъ отъ случайной встрѣчи и взаимо-

¹⁾ Въ этомъ взглядѣ Платона на познаніе, какъ на воспоминаніе (изложенномъ въ діалогѣ *Менон*; см. также *Федръ*); скрывается начало гипотезы о врожденныхъ идеяхъ. Гипотеза эта, какъ увидимъ, въ особенности имѣла важное значеніе въ новой философіи.

дѣйствія множества частныхъ причинъ, хотя и происходящаго въ каждомъ данномъ случаѣ въ силу необходимости,—считалъ поэтому невозможнымъ изъяснять отдѣльные факты прямо изъ какихъ-либо общихъ началъ и установленіе систематической связи между явленіями реализму всегда казалось неразрѣши-мою задачею; напротивъ, онъ требовалъ всякое явленіе, всякій фактъ изъяснять изъ частныхъ причинъ, не пытаясь вывести частное изъ общаго порядка вещей ¹⁾. Вмеѣстѣ съ тѣмъ и въ самомъ познаніи реализмъ важнѣйшее значеніе придавалъ не общимъ понятіямъ, слѣдовательно не мышленію, имѣющему дѣло съ понятіями, а наблюденію, которое даетъ намъ знать объ отдѣльныхъ случаяхъ. Впрочемъ, всѣ эти положенія, или вѣрнѣе предположенія реализма и для самаго реализма получили совершенную ясность лишь впоследствии, именно уже послѣ того, какъ были поставлены и подвергнуты всестороннему изслѣдованію вопросы о познаніи, которые однако были рѣшаемы въ началѣ въ направленіи идеалистическомъ, ибо идеализмъ именно и привелъ къ самой постановкѣ, этихъ вопросовъ, какъ выше показано. Вотъ почему еще ни у Анаксагора, ни у атомистовъ, ни у Эмпедокла мы не находимъ ясно выраженными указанныхъ выше положеній, характеризующихъ методъ, свойственный реализму и задачи его умственной дѣятельности.

П. Аницкій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что намѣренное устраненіе принципа цѣлесообразности могло явиться въ реализмъ лишь послѣ того, какъ этотъ принципъ былъ установленъ идеализмомъ. Поэтому объясненія, основанныя на атомистической теоріи, явно были направлены противъ принципа цѣлесообразности только въ эпикурейской школѣ, и главнымъ образомъ въ извѣстной поэмѣ *Лукреція*, о чемъ см. ниже.

ПИСЬМА

Ф И Л О С О Ф А С Е Н Е К И.

ПИСЬМО XXXII *).

ДОЛЖНО ИЗБѢГАТЬ ТОЛПЫ И НЕ СЛѢДОВАТЬ ЕЯ ПРИМѢРУ; ДОЛЖНО УКЛОНЯТЬСЯ ОТЪ ЗРѢЛИЩЪ. ОСОБЕННО КРОВАВЫХЪ.

Ты спрашиваетъ, чего по преимуществу должно тебѣ избѣгать? *Отвѣчу тебѣ*—толпы. Никогда не можешь ты оставаться въ ней съ безопасностію. Я по крайней мѣрѣ признаюсь тебѣ въ моей слабости: никогда не возвращаюсь я домой съ *тѣмъ-же нравственнымъ содержаніемъ*, съ какимъ уходилъ изъ дома. *Всегда* что-либо изъ того, что уже приведено мною въ порядокъ, разстроится; снова появится во мнѣ что-либо изъ того, что я уже изгналъ. Что случается съ больными, которые послѣ продолжительной болѣзни доходятъ до такой слабости, что не могутъ безъ вреда для себя появиться *на открытомъ воздухѣ*, тоже случается и съ нами, когда духъ нашъ поправляется послѣ продолжительной болѣзни. Вредно вращаться въ толгѣ. Не найдете (въ толгѣ) ни одного, который не представилъ-бы намъ какого-либо порока (примѣромъ), или не впечатлѣлъ-бы его *въ насъ словомъ*, или не заразилъ-бы насъ *даже* незамѣтно для насъ. И непремѣнно, чѣмъ больше лицъ, съ которыми мы вступаемъ въ общеніе, тѣмъ больше опасности. Но нѣтъ ничего болѣе вреднаго для доброй нравственности, какъ присутствовать на зрѣлищахъ; въ это время при удовольствіи пороки легче закрадываются въ насъ. Что ты подумаешь, если я скажу тебѣ, что я возвращаюсь (съ зрѣлищъ)

*) Ер VII.

корыстолюбивѣ, честолюбивѣ, сладострастнѣ, даже жестоко-сердѣе и безчеловѣчнѣ, потому что побывалъ между людьми? Случайно попалъ я на представленіе въ срединѣ дня, ожидая игру, остроу и въкотораго развлечения, чтобы успокоить глаза отъ вида человѣческой крови *). Здѣсь оказалось противное; прежде видѣнныя битвы были предъ этимъ похожи на состраданіе. Теперь безъ всякихъ забавныхъ шутокъ, совершалось чистое человѣкоубійство. У бойцовъ не было никакого прикрытія; всѣмъ тѣломъ они выставлялись подъ удары и ни одинъ ударъ не пропадалъ даромъ. Большинство предпочитало это обыкновеннымъ, въ порядкѣ парами выступавшимъ и вызываемымъ бойцамъ. Да и какъ не предпочитать? Ударъ меча не отражается ни шлемомъ, ни щитомъ. Къ чему тутъ защита, зачѣмъ фехтовальное искусство? Все это замедляетъ смерть. Утромъ отдаются люди львамъ и медвѣдямъ, а въ полдень зрителямъ. Убившаго приказываютъ отдать другому на убіеніе, побѣдителя берегутъ для новаго убійства. Исходомъ для бойцовъ служитъ смерть; дѣло совершается посредствомъ меча и огня, пока не опустѣетъ арена.

„Но если кто совершитъ открытый грабежъ, чего онъ заслуживаетъ?“ Онъ долженъ быть повѣшенъ. „А если убилъ человѣка?“ Кто убилъ, тотъ самъ заслуживаетъ того-же; но чѣмъ-же ты несчастный заслужилъ, что смотришь на все это? „Убивай, бей, жги! Зачѣмъ онъ такъ трусливо идетъ противъ меча? Зачѣмъ онъ не смѣло убиваетъ? Зачѣмъ такъ неохотно умираетъ? **)“ Ударами гонятъ ихъ на раны и они получаютъ и наносятъ удары въ открытую грудь. Вотъ перерывъ зрѣлища и въ это время, чтобы дѣлать что-нибудь, между прочимъ убиваютъ людей. Неужели вы даже не понимаете того, что дурные при-

*) Въ римскихъ циркахъ и амфитеатрахъ устраивались въ теченіи дня дважды зрѣлища—утреннее и въ срединѣ дня. Утромъ устраивались зрѣлища кровавыя, на которыхъ боролись люди съ дикими разъяренными звѣрями; въ полдень происходила фехтованія и гладиаторская борьба между оставшимися, которая перѣдко, какъ видно изъ приведеннаго разсказа, получала также характеръ кровопролитной борьбы, хотя изъ словъ Сенеки видно, что зритель разсчитывалъ успокоиться эгвмъ зрѣлищемъ послѣ кровавыхъ утреннихъ сценъ.

**) Такія слова перѣдко можно было слышать въ амфитеатрѣ со стороны безчеловѣчныхъ зрителей. Трусливыхъ и возвращающихся назадъ бойцовъ побуждали идти на бой огнемъ и бичами.

мѣры обращаются потомъ на тѣхъ, которые ихъ даютъ? Благодарите безсмертныхъ боговъ за то, что вы учите жестоко-сти такого человѣка, который не можетъ этому выучиться *). Слабый и мало устойчивый въ справедливости характеръ должно уничтожать въ народѣ; онъ легко дѣлается достояніемъ большинства. Разнохарактерная толпа могла-бы сбить съ пути Сократа, Катона и Лелія, — до того каждый изъ насъ, въ то время какъ главнымъ образомъ заботится объ образованіи характера, не въ состояніи противостоять натиску пороковъ, являющихся съ великою свитою. Одинъ примѣръ роскоши или корыстолюбія приноситъ много зла; изнѣженный сожитель мало по-малу ослабляетъ и пріучаетъ къ изнѣженности; сосѣдь-богачъ возбуждаетъ въ насъ жадность; безправственный сотоварищъ сообщаетъ свою ржавчину даже самому чистому и отшлифованному. Что-же, думаешь ты, случится съ тѣмъ характеромъ, на который производитъ давленіе цѣлый народъ? Необходимо, что ты или будешь подражать, или питать ненависть. Но того и другаго нужно избѣгать, чтобы не быть похожимъ на дурныхъ, такъ какъ ихъ много, ни быть врагомъ многимъ, такъ они на тебя не похожи. Замкнись въ себя самого, на сколько можно; вступай въ сношенія съ тѣми, которые сдѣлаютъ тебя лучшимъ; допускай къ себѣ тѣхъ, которыхъ ты можешь улучшить. При этомъ происходитъ взаимодѣйствіе, и люди, уча, учатся. Такимъ образомъ желаніе проявить свой талантъ не должно влечь тебя въ среду (толпы) съ намѣреніемъ держать предъ нею рѣчь **) или о чемъ-либо разсуждать съ нею. Я желалъ-бы, чтобы ты это дѣлалъ, если-бы имѣлъ у себя соотвѣтствующій толпѣ матеріалъ. А такъ тебя никто не пойметъ. Можетъ быть одинъ—другой попадется тебѣ, но и этого тебѣ нужно будетъ прежде образовать и научить, чтобы

*) Смыслъ словъ: „неужели вы даже не понимаете и пр.“ — такой: вы теперь убиваете людей и примѣромъ учите другихъ челоѣкоубійству, забывая то, что наученный вашимъ примѣромъ зритель, особенно изъ людей могущественныхъ, можетъ потомъ убивать васъ. „Благодарите и пр.“ Этими словами Сенека характеризуетъ Нерона, своего воспитанника, какъ-бы говоря: „Благодарите боговъ за то, что Нерону данъ столь кроткій характеръ, что онъ, благодаря такимъ кровавымъ зрѣлищамъ, не можетъ сдѣлаться жестокимъ“. Лестъ-ли это или иронія, не рѣшаемся опредѣлить.

**) Читая предъ нею свои произведенія.

онъ тебя понималъ. „Для кого-же, скажешь ты, я учился-то всему?“ Не думай, что ты потерялъ трудъ, если ты учился для самого себя.

Но чтобы я сегодня учился не для себя только, сообщу тебѣ три прекрасныя, встрѣтившіяся мнѣ, изреченія, близко по смыслу стоящія къ вышесказанному. Однимъ изъ нихъ я заплачу долгъ за это письмо, а два остальные прими, какъ плату впередъ. Демокритъ *) говоритъ: „для меня одинъ человѣкъ тоже, что народъ, и народъ тоже, что одинъ человѣкъ“. Хорошо также отвѣтилъ нѣкто (не припомню съ точностію автора отвѣта) на вопросъ, почему онъ съ такимъ прележаніемъ занимается искусствомъ, которое можетъ имѣть отношеніе къ самому ничтожному количеству людей: „для меня сказалъ онъ, достаточно немногихъ, достаточно одного, даже никого не нужно“. Прекрасно также третье изреченіе. Эпикуръ въ письмѣ къ одному изъ своихъ сотоварищей по научнымъ занятіямъ говоритъ: „это пишу я не для многихъ, а для тебя; вѣдь мы одинъ для другаго достаточная публика“. Все это, мой Луцилій, нужно напечатлѣть въ душѣ своей, чтобы не склониться къ удовольствію, которое имѣетъ своимъ источникомъ одобреніе толпы. Многіе тебя хвалятъ; но какое основаніе имѣешь ты быть довольнымъ собою, если ты изъ тѣхъ, которыхъ понимаютъ многіе. Пусть твои добродѣтели наблюдають внутри.

ПИСЬМО XXXIII **).

О ЛУЧШЕМЪ СПОСОБѢ ФИЛОСОФСКАГО ОБУЧЕНІЯ.

Ты справедливо настаиваешь на томъ, чтобы мы чаще обмѣнивались между собою письмами. Весьма много пользы приносить рѣчь, которая проникаетъ въ душу мало-по-малу; а заранѣе приготовленная и предъ толпою слушателей льющіяся разсужденія производятъ больше шума, нежели заключаютъ въ себѣ искрепности. Философія—хорошій совѣтникъ, а совѣта

*) Демокритъ былъ однимъ изъ славныхъ философовъ древности, родомъ изъ Абдеръ. Онъ былъ послѣдователь элейской философіи и замѣчательнъ особенно тѣмъ, что первый ввелъ ученіе объ атомахъ.

***) Ер. XXXVIII.

никто не даетъ съ громкимъ крикомъ. Иногда, впрочемъ, нужно прибѣгать и къ тону народныхъ ораторовъ, когда нужно побудить нерѣшительнаго; но когда нужно сдѣлать не то, чтобы кто-либо пожелалъ учиться, а чтобы учился, тогда нужно прибѣгать къ спокойной (краткой) рѣчи. Она легче проникаетъ душу и впечатлѣвается; вѣдь дѣло не въ томъ, чтобы было много словъ, но въ томъ, чтобы они были дѣйствительны. Слова должны сѣять на подобіе сѣмени. Последнее будучи маленькимъ, упавши на добрую почву, развиваетъ свои силы и изъ самаго маленькаго вырастаетъ въ большое растеніе. Тоже бываетъ и съ ученіемъ разума; оно, если взглянуть, не распространяется много *въ словахъ*, но растетъ въ дѣлахъ. Не много тутъ говорится, но если сказанное восприметъ умъ хорошій, то оно приобретаетъ силу и возрастаетъ. Краткія правила, скажу я, развиваются при томъ-же условіи, какъ и сѣмя; они приносятъ много, хотя и не обширны, только-бы, какъ я сказалъ выше, воспринять и усвоить ихъ способный умъ. Многое онъ потомъ возраститъ въ себѣ и принесетъ больше, чѣмъ взять.

ПИСЬМО XXXIV *).

МУДРЫЙ, ДОБРОДѢТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ ОКАЗЫВАЕТЪ БЛАГОДѢЯНИЕ И БЫВАЕТЪ ПРИЗНАТЕЛЕНЪ ЗА НИХЪ, НЕ ВЗИРАЯ НА ОБИДЫ.

Ты жалуешься, что встрѣтился съ человѣкомъ неблагодарнымъ. Благодарн судьбу или свою опытность, если это первый случай. Но въ этомъ отношеніи твое благоразуміе безсильно; оно можетъ только раздуть худія порыванія твоей души; ибо—пожелай ты избѣгнуть опасности встрѣтить неблагодарность,—ты никогда не будешь оказывать услугъ другому; такимъ образомъ изъ страха, что твое благодѣяніе не будетъ оценено другимъ, ты уничтожаешь его въ самомъ зародкѣ. Пусть *оказанныя* благодѣянія не встрѣтятъ отвѣта,—предпочтительнѣе оказывать ихъ, чѣмъ пренебрегать ими. II послѣ плохой жатвы слѣдуетъ дѣлать посѣвы. Часто урожай одного года вознаграждаетъ за то, что погибло подъ перене-

*) Ер. 81.

рыбными, все иссушающими, лучами жгучаго солнца. Для насъ столь дорого встрѣтить признательнаго человѣка, что ради этого мы можемъ подвергнуть себя опасности испытать неблагодарность. Никто не обладаетъ настолько опытными руками въ распредѣленіи благодѣяній, чтобы иногда не дался въ обманъ: пусть человѣкъ дѣлаетъ промахи въ этомъ отношеніи,—когда-нибудь онъ сдѣлаетъ благодѣяніе, которое принесетъ и пользу. И послѣ кораблекрушенія люди пускаются въ море; дѣлаетъ заемъ у бакира и человѣкъ, удалившійся отъ дѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, жизнь скоро застынетъ въ неподвижномъ покоѣ, если оставить все то, въ чемъ мы потерпѣли неудачу; напротивъ самое это дѣло—услужливость—сдѣлаетъ тебя болѣе благожелательнымъ; ибо когда исходъ дѣла неизвѣстенъ, мы должны дѣлать многократныя усилія, чтобы достигнуть успѣха.

Объ этомъ предметѣ, впрочемъ, мы достаточно подробно говорили въ сочиненіи „О благодѣяніяхъ“. Теперь предстоитъ тщательнѣе изслѣдовать то, что, мнѣ кажется, пока не вполне разъяснено. Именно, желательно знать, освобождаемся ли мы отъ долга по отношенію къ тому, который сдѣлалъ намъ сначала добро, а затѣмъ причинилъ вредъ, и тѣмъ какъ-бы уравновѣсилъ наши съ нимъ счеты. Представь себѣ, пожалуй, и то, что онъ гораздо болѣе повредилъ впоследствии, чѣмъ ранѣе принесъ пользы. Если ты ищешь справедливаго сужденія неподкупнаго судьи, то онъ уничтожитъ взаимныя притязанія тяжущихся сторонъ, сказавши: хотя бы обиды и перевѣшивали сдѣланное добро,—этотъ излишекъ несправедливости *сравнительно съ добромъ* должно подарить другому въ уваженіе сдѣланнаго имъ добра. Онъ болѣе принесъ *намъ* вреда, чѣмъ оказалъ услугъ? но онъ дѣлалъ намъ добро прежде, чемъ причинилъ вредъ: пусть въ этомъ дѣлѣ не забывается и расчетъ времени. Впрочемъ, это дѣло слишкомъ ясно и не требуетъ напоминанія о томъ, что должно строго различать, въ какой мѣрѣ охотно другой сдѣлалъ намъ добро или насколько противъ своего желанія причинилъ намъ вредъ: ибо и благодѣяніе и несправедливости имѣютъ цѣну соразмѣрно съ душевнымъ расположеніемъ къ нимъ. Иногда человѣкъ не

имѣеть намѣренія оказывать благодѣяніе *другому*, но бываетъ принужденъ къ этому или совѣстливостью, или настойчивостью нищаго благодѣянія, или надеждой па его возвратъ. Мы должны принимать въ долгъ вещи съ тою мыслию, съ какою онѣ намъ даются; и должны тщательно взвѣшивать не то, сколько онѣ стоять, но съ какимъ расположеніемъ даны. Отложимъ пока въ сторону эти разсужденія. *Остановимся на томъ, что вотъ это дѣло*—благодѣяніе, а то, имѣющее не одну мѣру съ прежнимъ благодѣяніемъ, есть несправедливость. Добрый человекъ такъ всегда раскладываетъ на счетахъ благодѣяніе и злодѣяніе, что самъ себя обесчипываетъ; для благодѣянія онъ навидываетъ востанекъ больше (увеличиваетъ его цѣнность), для несправедливости скидываетъ ихъ со счетовъ (уменьшаетъ ее); а иной болѣе снисходительный судья (какимъ я желалъ бы быть) скажетъ, что обиды должны забываться, а благодѣянія хранить въ памяти. Безъ сомнѣнія, скажетъ кто-нибудь, — долгъ справедливости въ томъ состоитъ, чтобы воздавать каждому должное: благодѣянію принадлежитъ благодарность, несправедливости мщепіе, или, по крайней, мѣрѣ негодование. Впрочемъ, это сужденіе относится къ тому случаю, когда одинъ дѣлаетъ несправедливость, а другой оказываетъ намъ благодѣяніе; а если и то и другое дѣлаетъ одинъ и тотъ-же человекъ, то несправедливость уравнивается благодѣяніемъ. Вѣдь если надлежитъ прощать тому, кому мы ничѣмъ не обязаны, то болѣе чѣмъ прощеніемъ, обязаны тому, кто обижаетъ насъ послѣ того, какъ оказывалъ намъ благодѣянія. Я не назначаю одинаковой цѣны для того и другаго: благодѣянію я придаю вѣса болѣе, чѣмъ несправедливости. Отдавать долгъ благодѣянію не все благодарные умѣютъ: и человекъ непроницательный, и необразованный, и человекъ толпы, безъ сомнѣнія, умѣютъ быть благодарными за благодѣяніе, когда память о немъ свѣжа; но все они не вѣдаютъ, сколько много обязаны этимъ благодѣяніемъ. Одному мудрому извѣстно, во-сколько должно цѣнить каждую вещь. Глухой же, при всей своей доброй волѣ и охотѣ, или не платитъ за благодѣяніе, сколько должно, или платитъ за него не во-время и неумѣстно: свою долговую сумму онъ разсыпаетъ даромъ и на сторону.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ слова имѣютъ удивительную точность, и въ нашемъ языкѣ, усвоившемъ стародавній способъ выраженія, наглядными и поучительными чертами обозначаются обязанности. Такъ мы обыкновенно говоримъ: „онъ ему отнесъ благодарность“ *). Отнести значитъ добровольно принести, что долженъ. Мы не говоримъ: „воздалъ благодарность“; ибо воздаютъ благодарпость и тѣ, которые принуждаются къ ней требованіемъ со стороны другаго, и тѣ, которые дѣлаютъ это неохотно, и когда имъ вздумается, и тѣ, которые побуждаются къ отплатѣ за благодѣяніе внушеніемъ челоуѣка посторонняго. Не говоримъ также: „положилъ на прежнее мѣсто“ и „выплатилъ“ благодарность: мы не любимъ выраженій, которыя приличны для обозначенія уплаты другому денегъ. Относить значитъ нести къ тому, отъ котораго получилъ: это слово обозначаетъ добровольное возвращеніе; кто отнесъ, тотъ самъ себя пригласилъ къ этому. Мудрый все взвѣшиваетъ въ своемъ умѣ: сколько получилъ, отъ кого, когда, гдѣ и какимъ образомъ. Согласимся, что никто, кромѣ мудраго, не умѣетъ быть признательнымъ за благодѣяніе, равно какъ и оказывать благодѣяніе умѣетъ только мудрый, т. е. тотъ, который столько же любитъ оказывать, сколько другой любитъ получать благодѣянія,—и даже болѣе того.

Это положеніе можетъ показаться сомнительнымъ, и кто-нибудь, пожалуй, отнесетъ его къ числу тѣхъ, которыя мы называемъ несогласными съ мнѣніемъ всѣхъ людей,—къ положеніямъ, извѣстнымъ у грековъ подъ названіемъ парадоксовъ **). „Неужели никто кромѣ мудреца не умѣетъ быть признательнымъ?“ — скажетъ кто-нибудь. „Никто не умѣетъ возвратитъ своему заимодавцу то, что долженъ? Никто, купивши вещь, не сумѣетъ заплатить купцу ея стоимость?“ — Не подумай, что я одинъ это утверждаю—то же говоритъ и Эпикуръ. Но крайней мѣрѣ извѣстно изреченіе Метродора, что „одинъ лишь мудрый знаетъ искусство быть благодарнымъ“. Не смотря на

*) Ille illi gratiam retulit.

***) Парадоксомъ называется положеніе, при необычномъ пониманіи предмета, поражающее особенно непосвященныхъ, кажущееся иногда даже противорѣчащимъ здравому смыслу, но при ближайшемъ разсмотрѣніи являющееся обоснованнымъ

сказанное, тотъ-же писатель удивляется, когда мы говоримъ: „одинъ мудрый умѣетъ любить, одинъ только мудрый можетъ быть настоящимъ другомъ“. Но вѣдь отдавать благодарность есть удѣлъ и любви и дружбы; даже это свойство—быть благодарнымъ—болѣе распространено между людьми, и благодарность падаетъ на большее количество людей, чѣмъ истинная дружба. Для этого человѣка кажется удивительнымъ, когда мы утверждаемъ и то, что „вѣрность обрѣтается только въ мудреца“, какъ будто онъ утверждаетъ не тоже самое. Думаешь ли ты, что сохраняетъ вѣрность тотъ, кто не умѣетъ воздать благодарностью за благодѣяніе?

Итакъ, пусть перестанутъ поносить насъ, какъ людей, самоувѣренно и хвастливо распространяющихъ мнѣнія мало вѣроятныя; и пусть знаютъ, что мудрый владѣетъ честнымъ въ его настоящемъ видѣ, а у рядовыхъ, обыкновенныхъ людей имѣются только отдаленныя изображенія и подобія честнаго. Кроме мудреца, никто не умѣетъ отдавать долгъ благодарности; конечно, и неразумительный обязанъ воздавать за благодѣяніе, сколько можетъ и какъ можетъ; пусть лучше у него недостаетъ умѣнья, чѣмъ доброй воли. Желать отъ него зависть и не получается путемъ передачи отъ другихъ. Мудрый же прикинетъ на вѣсахъ всякія подробности: вѣдь благодѣяніе, оставаясь въ существѣ однимъ и тѣмъ-же, бываетъ болѣе или менѣе цѣннымъ, смотря по времени, мѣсту и побужденію. Часто случается, что тысяча динаривъ, данныя во-время, приносятъ больше пользы, чѣмъ груды денегъ, въ другую пору внесенныя въ домъ щедрою рукою. *Для насъ* вѣдь много значить то, подарилъ ли ты намъ просто что-нибудь или оказалъ помощь; оберегла ли насъ отъ опасности твоя щедрость, или вывела на прямую дорогу къ обогащенію. Часто то, что дается, незначительно, а протекаетъ изъ него нѣчто важное. Какъ же ты думаешь,—во-сколько для насъ важно то, въ своего-ли сундука кто-нибудь беретъ то, что онъ расположенъ дать, или не отказывается принять благодѣяніе, чтобы въ свою очередь помочь кому-либо?

Не будемъ возвращаться къ тому, что достаточно изслѣдовали: въ этомъ взвѣшиваніи благодѣянія и несправедливости

добрый человекъ свое сужденіе будетъ наклонять туда, гдѣ будетъ высшая справедливость; впрочемъ для него пріятнѣе будетъ давать перевѣсъ благодѣянію, и склоняться болѣе на эту сторону. Безспорно, въ дѣлахъ такого рода свойства личности, обыкновенно, вносятъ очень много разнообразія и измѣнчивости. *Иной, напримеръ, можетъ размышлять такъ:* ты сдѣлалъ мнѣ благодѣяніе въ лицѣ моего слуги, ты оберечь для меня моего сына, но сдѣлалъ несправедливость въ лицѣ отца. Онъ будетъ наблюдать и другія обстоятельства, при помощи которыхъ обезпечивается всестороннее обсужденіе вещей въ данномъ случаѣ; и если маловажно то, что его касается, онъ пренебрежетъ имъ. Пусть это даже много значить для него, но если онъ можетъ простить безъ оскорбленія любви и вѣрности роднымъ, онъ проститъ это, т. е. если обида всецѣло относится къ нему самому. Вообще, сущность дѣла такова: онъ будетъ уступчивъ въ этой взаимной мѣнѣ, и скорѣе будетъ терпѣть, если ему поставятъ на его счетъ болѣе, чѣмъ онъ долженъ. Для него не будетъ радости уравновѣшивать благодѣяніе съ обидой: онъ скорѣе будетъ наклоняться въ ту сторону, чтобы считать себя обязаннымъ долгомъ благодарности и желать возвратить его.

Заблуждается тотъ, кто больше склоненъ получать благодѣянія, чѣмъ платить за нихъ. Какъ на дунѣ свѣтлѣе бываетъ тогда, какъ мы уплачиваемъ долгъ, чѣмъ когда дѣлаемъ заемъ,—такъ и тѣмъ, кто снимаетъ съ себя величайшую тяжесть принятаго отъ другаго благодѣянія, испытываетъ большую радость, чѣмъ человекъ, вступающій къ другому въ большія обязательства. Ибо и въ томъ обманываются неблагодарные, что они у заимодавца насчитываютъ капиталы сверхъ положенія и состоянія, и думаютъ обыкновенно, что благодѣянія расточаются даромъ и не требуютъ отплаты. Между тѣмъ благодѣянія увеличиваются въ своей цѣнности при медлительности въ отвѣтъ на нихъ: и тѣмъ въ большей мѣрѣ должно заплатить за нихъ, чѣмъ далѣе отложенъ срокъ ихъ уплаты. Неблагодаренъ тотъ, кто возвращаетъ благодѣяніе безъ всякой надбавки, *безъ процентовъ*. Такимъ образомъ полный счетъ за благодѣяніе будетъ сведенъ тогда, когда мы поставимъ въ

должное сравненіе то, что получили, съ тѣмъ, что отдано нами.

Мы должны дѣлать все возможное, чтобы увеличить нашу благодарность; это нашъ долгъ, *одно изъ свойствъ благодарности*: вѣдь справедливости не бываетъ и тогда, когда мы помышляемъ о пользѣ другаго, какъ обыкновенно думаютъ; самая большая часть благодаренія возвращается къ виновнику его. Всякій, принося пользу другому, приноситъ пользу и себѣ. Я говорю не о томъ случаѣ, когда кто-нибудь захочетъ помочь оказавшему ему помощь прежде, захочетъ защитить оказавшаго защиту,—но о томъ, что добрый примѣръ круговымъ отвѣтнымъ движеніемъ возвращается обыкновенно къ его виновнику; подобно тому какъ худые примѣры вредятъ въ свою очередь виновникамъ ихъ, и никакой жалости не выпадаетъ на долю тѣхъ, которые терпятъ обиды, потому что они своими дѣйствіями научили другихъ, что обиды могутъ быть наносимы: я говорю во имя той мысли, что *вообще* воздаяніе за добродѣтели находится въ насъ самихъ. Благодаренія не оказываются изъ-за награды: сдѣланы онѣ съ чистой совѣстью—награда для нихъ въ томъ, что онѣ сдѣланы. Я бываю признателемъ, но не ради того, чтобы другой охотнѣе оказывалъ мнѣ услуги, увлеченный моимъ примѣромъ, но потому, что это дѣло честное и мнѣ очень пріятно испытывать въ себѣ чувство признательности. Я признателемъ, но не потому, что мнѣ это полезно, а потому, что радуется меня. Чтобы ты зналъ, что это такъ и есть, какъ я утверждаю,—я прибавлю: если мнѣ невозможно быть признательнымъ, не показавшись неблагодарнымъ, если мнѣ нельзя воздать за благодареніе иначе, какъ только подъ видомъ обиды,—тогда я спокойно приму рѣшеніе, сообразное съ честью и добродѣтелью, хотя бы и съ ущербомъ для моей признательности и добраго имени. Въ моихъ глазахъ никто не цѣнитъ больше добродѣтель, никто больше не отдаетъ себя въ жертву ей, кромѣ того, который готовъ потерять славу честнаго человѣка, лишь бы не потерять спокойствія совѣсти. Итакъ, какъ сказала я, мы бываемъ благодарны болѣе ради собственнаго блага, чѣмъ изъ-за блага другаго; ибо дѣло обыкновенное и ежедневное—получать то, что далъ другому; быть же признательными составляетъ

для насъ не маловажную заслугу: признательность возникаетъ только въ душѣ, находящейся въ блаженномъ, *уравновѣшенномъ, умиротворенномъ* состояніи. Если наше вепотребство, наша склонность въ сторону зла, дѣлаетъ насъ несчастными, а доблесть счастливыми,—если быть признательнымъ значитъ быть достойнымъ имени доблестнаго, добродѣтельнаго мужа,—то мы, оплативши за дѣло обыкновенное—за услугу, приобретаемъ неоцѣнимое сознаніе, что совершили дѣло признательности; такое сознаніе недоступно никакой душѣ, кромѣ той, которая полна мыслей о божественномъ и силы которой уравновѣшены.

Напротивъ, сильная скорбь вытѣсняетъ изъ души человѣка его благое настроеніе. И всякій, ставши неблагодарнымъ, не будетъ и счастливымъ: не къ будущему я отношу его жалкое душевное состояніе,—онъ несчастливъ уже теперь, вмѣстѣ со своею неблагодарностью. Итакъ, будемъ избѣгать опасности быть неблагодарными, не столько ради выгоды другихъ, сколько ради пользы собственной. Въ томъ состояніи души, когда ея силы устремлены къ злему и непотребному, къ другимъ возвращается отъ насъ лишь самая малая и ничтожная часть того, на что они имѣютъ право; самая же большая часть остается дома, при насъ, и часть, такъ сказать—самая худшая, которая только угнетаетъ своего владѣльца, какъ обыкновенно говаривалъ нашъ Аггаль: „злобствованіе большую часть своего собственнаго яда выщиваетъ само“. Тотъ ядъ, который выбрасываютъ змѣи на погибель другихъ, а сами носятъ въ себѣ безъ вреда для себя, не похожъ на этотъ; послѣдній вреднѣе для тѣхъ, которые носятъ его въ себѣ. Неблагодарный мучить и крушить себя; онъ досадуетъ на то, что получилъ благодѣяніе, и умаляетъ цѣну полученнаго, потому что ему предстоитъ возвратитъ его; напротивъ, обиды онъ расширяетъ и увеличиваетъ. Не жалокъ ли тотъ человѣкъ, у котораго благодѣянія проходятъ мимо глазъ, *не возбуждаютъ его вниманія*, а обиды глубоко западаютъ въ душу? Мудрость же напротивъ возвеличиваетъ полученное благодѣяніе, сама себѣ вручаетъ его на храненіе, и находитъ усладу въ постоянномъ о немъ упоминаніи. У злыхъ одно удовольствіе, и то кратковремен-

ное, когда они получаютъ благодѣянiя; у мудреца отъ благодѣянiй возрождается радость продолжительная, неизсякаемая. Не получать какое-либо благодѣянiе доставляетъ ему удовольствiе, а то радуется, что онъ получаетъ ихъ; и эта его радость непреходяща и постоянна. Тѣмъ, въ чемъ потерпѣлъ обиду, онъ пренебрегаетъ, забываетъ его, не изъ постыдной слабости духа, а по сознательному рѣшенiю воли. Онъ не сводитъ все къ худшему, *завѣщая во всемъ больше худую сторону*, и не ищетъ, кому бы приписать свои худыя обстоятельства; ошибки людей онъ охотнѣе относитъ къ судьбѣ. Онъ не толкуетъ превратно, съ желанiемъ осужденiя, ни словъ, ни выраженiя лица; но доброжелательнымъ объясненiемъ смягчаетъ то, что встрѣтится ему непрiятнаго, и помнитъ болѣе о благодѣянiи, чѣмъ объ обидѣ. Сколько можетъ, онъ останавливается мыслию на перевѣйшихъ и лучшихъ воспоминанiяхъ своей души, и не измѣняетъ своего настроенiя въ отношенiи къ тѣмъ, которые оказали ему много услугъ, только позднѣйшiе злые поступки ихъ относительно него не заходятъ далеко за предѣлы оказанныхъ благодѣянiй, такъ что различiе между тѣмъ и другимъ ясно даже и для того, кто закрываетъ предъ нимъ свои очи; однако и въ этомъ случаѣ онъ измѣняетъ свое настроенiе лишь настолько, что послѣ большей обиды онъ бываетъ такимъ, какимъ былъ до полученiя благодѣянiя. Ибо когда обида не превышаетъ благодѣянiе, въ его душѣ всегда остается нѣкоторое чувство расположенiя къ обидчику. Какъ преступникъ дѣлается свободнымъ отъ суда, когда число голосовъ за него и противъ него равно, и всегда въ сомнительныхъ случаяхъ чувство благорасположенiя къ подобному себѣ даетъ дѣлу лучшiй, болѣе благопрiятный смыслъ; такъ и мудрый, когда услуги и злые поступки уравновѣшиваются, хотя и перестанетъ быть обязаннымъ другому, не перестанетъ желать быть обязаннымъ: онъ дѣлаетъ то же самое, что дѣлаютъ тѣ, которые, уплативши по какому либо счету, платятъ по нему же въ другой разъ.

Мы не можемъ быть истинно благодарными, если не будемъ пренебрегать тѣми благами, изъ-за которыхъ люди обыкновенно безумствуютъ. Если хочешь показать себя благодарнымъ,

то будь готовъ и въ изгнаніе идти, и кровь пролить, и бѣдность переносить и *даже* терпѣть, когда твое доброе имя часто будетъ подвергаемо поношенію и выставляемо на жертву ложныхъ слуховъ. Благодарность стѣдуетъ не дешево. Мы ничего не считаемъ дороже благодѣянія, пока его ищемъ, и ничего ничтожнѣе, когда его получили. Ты спросишь: почему мы забываемъ *такъ скоро* полученныя благодѣянія? Потому, что сильно желаемъ получить новыя. Мы помышляемъ не о томъ, что получили, а о томъ, что желали бы получить. Отъ праваго пути отвлекаютъ насъ—богатство, почести, власть и прочее, что дорого для нашей мечты, а по своей *дѣйствительной* цѣнности ничтожно. Мы не умѣемъ цѣнить вещи, о которыхъ должно судить не по молвѣ людей, но на основаніи ихъ природныхъ свойствъ. Онѣ не имѣютъ ничего величественнаго, что могло бы влечь къ нимъ наши души; по своей только привычкѣ мы видимъ въ нихъ удивительное. Ихъ цѣнить не потому, что онѣ достойны того, чтобы мы сильно желали имѣть ихъ, но желаютъ ихъ всѣ потому, что онѣ цѣнятся *людьми*. И какъ заблужденія отдѣльныхъ лицъ вовлекаетъ въ ошибку все общество, такъ заблужденіе общества ведетъ къ ошибкѣ отдѣльныхъ лицъ. Но поелику мы вѣримъ народному, *обычному* мнѣнію *относительно разныхъ вещей*, то должны вѣрить ему и въ томъ, что ничто столь недостойно почтенія, какъ благодарность. Всѣ города, всѣ народы, даже въ странахъ отдѣльныхъ отъ образованнаго міра, громко утверждаютъ то-же самое; въ этомъ согласны и добрые и злые. Найдутся люди, которые будутъ хвалить удовольствіе, другіе будутъ предпочитать трудъ, иные будутъ утверждать, что страданіе—величайшее зло, а другіе не назовутъ его даже и зломъ. Кто-нибудь, *пожалуй*, возведетъ богатство на степень высшаго блага, а другой скажетъ, что оно собрано ко вреду для человѣческой жизни; что нѣтъ чловѣка богаче того, кому *сама* судьба не находитъ, что подарить. При столь великомъ различіи сужденій *относительно условій счастья* всѣ въ одинъ голосъ подтвердятъ тебѣ, что должно воздавать благодарность честно заслужившимъ ее; люди различныхъ мнѣній согласятся въ мысляхъ объ этомъ предметѣ, хотя въ дѣйствительно-

сти и воздаютъ обидами за благодаренія. И вотъ въ чемъ лежитъ главная причина того, почему иной неблагодаренъ, — онъ не въ состоянїи быть достаточно благодарнымъ. Безуміе простирается столь далеко *иногда*, что раздавать великія благодаренія кому-либо бываетъ очень опасно; ибо стыдяся того, что не можетъ возвратить благодареніе, иной *готовъ* желать даже, чтобы не существовалъ тотъ, кому онъ обязанъ. Храни, что у тебя въ рукахъ; я не потребую отчета въ полученномъ тобою и не потребую его назадъ; порукой за его цѣлость будетъ то, что оказанное такъ послужило въ пользу. Въ высшей степени тяжело нерасположеніе человѣка, который чувствуетъ стыдъ передъ тѣмъ, что *святость оказанного имъ* благодаренія нарушена.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Іюля № 13. 1884 года.

Содержаніе: Опредѣленія Святѣйшаго Синода. — Епархіальныя извѣщенія. — Разрядный списокъ воспитанниковъ Ахтырскаго духовнаго училища, составленный послѣ годовыхъ испытаній за 188³/₄ учебный годъ. — Списокъ воспитанницъ Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища. — Извѣстія в замѣтки.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

І. Отъ 25 апрѣля—6 іюня 1884 года за № 860, о празднованіи въ 1885 году тысячелѣтія со дня кончины просвѣтителя славянъ св. Меѳодія.

По Указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: отношеніе совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества на имя г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 4 декабря 1883 г. за № 2535, съ соображеніями о празднованіи имѣющаго исполниться въ 1885 г. тысячелѣтія со дня кончины просвѣтителя славянъ св. Меѳодія. Приказали: Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества, согласно постановленію общаго собранія членовъ сего общества, обратился къ г. синодальному Оберъ-Прокурору съ просьбою о предложеніи на разсмотрѣніе Святѣйшаго Синода предположеній и соображеній С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества относительно празднованія, имѣющаго совершиться 6 апрѣля 1885 г., тысячелѣтія со времени кончины славянскаго первоучителя св. Меѳодія. Разсмотрѣвъ означенныя предположенія и соображенія и исполнивъ раздѣляя мысль о торжественномъ чествованіи дня кончины славянскаго первоучителя особымъ церковнымъ празднествомъ, Святѣйшій Синодъ полагаетъ ознаменовать это празднованіе для русской Церкви и въ видахъ возобновленія въ памяти всѣхъ православныхъ русскихъ именъ и подвиговъ славянскихъ первоучителей святыхъ Кирилла и Меѳодія слѣдующимъ

образомъ: 1) Въ С.-Петербургѣ въ Исаакіевскомъ соборѣ членами Святѣйшаго Синода имѣютъ быть совершены: на кавунѣ 6 апрѣля 1885 г. всенощное бдѣніе и въ самый день божественная литургія съ торжественнымъ, по окончаніи оной, молебствіемъ славянскимъ первоучителямъ—святымъ Меодію и Кириллу и съ возглаголеніемъ на ономъ многолѣтія Царствующему дому, Святѣйшему Синоду, правительствующему синклиту, всероссійскому воинству и всѣмъ православнымъ христіанамъ. 2) Такое же богослуженіе должно быть совершено повсемѣстно, во всѣхъ монастыряхъ и церквахъ русскихъ, въ кафедральныхъ соборахъ—самими епархіальными преосвященными, а въ отсутствіи ихъ викаріями, гдѣ таковыя имѣются, въ монастыряхъ, прочихъ соборахъ и приходскихъ церквахъ, равно и домовыхъ—настоятелями оныхъ, въ сослуженіи прочихъ членовъ причта. 3) При совершеніи таковыхъ богослуженій обязательно должны быть произнесены приличные торжеству и случаю поученія съ изображеніемъ жизни, трудовъ и заслугъ славянскихъ первоучителей на пользу всего славянскаго міра, въ томъ числѣ и русскаго народа. 4) На 6 апрѣля 1885 г. имѣютъ быть освобождены отъ учебныхъ занятій воспитанники всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, для посѣщенія ими въ этотъ день церковнаго богослуженія. При этомъ предоставляется начальствующимъ означенныхъ заведеній устроить въ свѣдѣніяхъ оныхъ, послѣ божественной литургіи въ этотъ день, публичные торжественныя засѣданія съ произнесеніемъ на нихъ соответствующихъ торжеству и воспоминаемому событію рѣчей и другихъ чтеній. 5) Разрѣшить раздачу по церквамъ православному народу жизнеописанія и изображенія славянскихъ первоучителей св. Меодія и Кирилла, имѣющихъ быть составленными и отпечатанными по распоряженію совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества. Для свѣдѣнія и надлежащаго исполненія по духовному вѣдомству сообщить о вышеназложенномъ редакціи журнала „Церковнаго Вѣстника“ для напечатанія по принятому порядку.

II. Отъ 27-го апрѣля—17-го мая 1884 года за № 894, о книгахъ: „Методика закона Божія“—А. Соколова и „Краткое изложеніе методики закона Божія“ Н. Страхова.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ: предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 4-го февраля за № 95, журналъ Учебнаго при Святѣйшемъ Синодѣ Комитета за № 50, съ заключеніемъ

Комитета о препровожденныхъ изъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія книгахъ подъ названіями: 1) „Методика закона Божія для законоучителей народныхъ школъ“ — преподавателя Серпуховской Александровской прогимназіи Аѳанасія Соколова (изд. 2-е дополненное. С.-Петербургъ, 1881 г.) и 2) „Краткое изложене методики закона Божія для законоучителей народныхъ школъ и воспитанниковъ богословскихъ классовъ духовныхъ семинарій“ — преподавателя Харьковской духовной семинаріи Николая Страхова (Харьковъ, 1882 г.). Учебный Комитетъ полагаетъ: *первое* изъ вышеупомянутыхъ сочиненій допустить, а *второе* одобрить для библіотекъ начальныхъ училищъ въ качествѣ пособія законоучителямъ, о чемъ сообщить въ Ученый Комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въѣсть съ тѣмъ Учебный Комитетъ полагаетъ, во исполненіе просьбъ вышеозначенныхъ авторовъ, сочиненіе Аѳанасія Соколова допустить въ библіотеки духовныхъ семинарій, а сочиненіе Страхова одобрить для духовныхъ семинарій въ качествѣ полезнаго пособія ученикамъ старшихъ классовъ, при занятіяхъ ихъ въ воскресныхъ школахъ. Приказали: заключеніе Учебнаго при Святѣйшемъ Синодѣ Комитета о книгахъ преподавателей Серпуховской Александровской прогимназіи Аѳанасія Соколова и Харьковской духовной семинаріи Николая Страхова утвердить. Для объявленія-же по духовному вѣдомству о допущеніи книги Соколова и объ одобреніи книги Страхова для библіотекъ начальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія въ качествѣ пособія законоучителямъ, и для духовныхъ семинарій — въ качествѣ полезнаго пособія ученикамъ старшихъ классовъ, при занятіяхъ ихъ въ воскресныхъ школахъ, сообщить, съ приложеніемъ выписки изъ журнала Учебнаго Комитета, циркулярно чрезъ „Церковный Вѣстникъ“.

Епархіальныя извѣщенія.

Святѣйшій Синодъ опредѣлилъ: выдѣлить изъ Сибѣжково-Кутскаго прихода, Валковскаго уѣзда, Богородице-Рождественскую въ селѣ Дорофеевкѣ церковь и образовать при пей самостоятельный приходъ съ причтомъ изъ настоятеля и псаломщика, оставивъ прежній составъ причта въ Сибѣжково-Кутскомъ приходѣ.

— Награжденъ набодренникомъ за 50-лѣтнюю службу священникъ Стефанъ Котляровъ.

— Діаконъ Валковской Богородице-Рождественской церкви Теодоръ Бала-

повскій опредѣленъ на праздное настоятельское мѣсто къ Богородице-Рождественской церкви села Дорофеевки, Валковского уѣзда.

— Окончившій курсъ въ Харьковской духовной семинаріи Михаилъ Лонгиновъ опредѣленъ псаломщикомъ къ Валковской Богородице-Рождественской церкви.

— Уволенный изъ 1-го класса Полтавской духовной семинаріи воспитанникъ Константинъ Стефановскій опредѣленъ п. д. псаломщика къ Богородице-Рождественской церкви села Дорофеевки, Валковского уѣзда.

— Учитель Донецкаго народнаго училища Иванъ Пантелепмоновъ допущенъ къ исправленію должности псаломщика при Тихоновской церкви села Гаусова, Старобѣльскаго уѣзда.

— Уволенъ за штатъ п. д. псаломщика Николаевской церкви сл. Гіевки, Харьковскаго уѣзда, Михаилъ Прусскій по прошенію.

— Опредѣленъ п. д. псаломщика къ Николаевской церкви сл. Гіевки, Харьк. уѣзда, бывшій воспитанникъ семинаріи Тимошей Бутковскій.

— Утвержденъ въ должности церковнаго старосты къ Успенской церкви слободы Полково-Никитовки, Богодуховскаго уѣзда, крестьянинъ Яковъ Гащенко на четвертое трехлѣтіе.

— Утвержденъ церковнымъ старостою къ Тихоновской церкви слободы Стальмаховки, Кунянскаго уѣзда, крестьянинъ Иванъ Балець.

— Награжденъ церковный староста сл. Безлюдовки, Харьков. уѣзда, Покровской церкви крестьянинъ Юсефъ Коць, кафтаномъ присвоеннымъ ему званію за выслугу лѣтъ.

В а к а н т н ы я м ѣ с т а .

Псаломничія: въ слоб. Врусовкѣ, Старобѣльскаго уѣзда; въ слоб. Ольховомъ Рогѣ, Изюмскаго уѣзда; въ гор. Валкахъ при Георгіевской церкви; въ сл. Озерникѣ, Харьковскаго уѣзда.

РАЗРЯДНЫЙ СПИСОКЪ

воспитанниковъ Ахтырскаго духовнаго училища, составленный послѣ годичныхъ испытаній за 1883/4 учебный годъ и утвержденный Его Преосвященствомъ 21 іюня сего 1884 года.

IV-го класса: удостоенные перевода въ I-й классъ семинаріи. I-го разряда: 1. Василій Ястремскій, Николай Малиженевскій, Петръ Навродскій награждены книгами: Василій Ситенко. 5. Антоній Быковъ, Александръ Ковалевскій. II-го разряда: Михаилъ Фальченко, Николай Калужный, Романъ Ведринскій, 10. Иванъ Петровскій, Федоръ Завадовскій, Стефанъ Мещеряковъ, Игнатій Корольевъ: Сергій Клементьевъ — достоинъ перевода въ I-й классъ семинаріи, если сдастъ въ оной удовлетворительно экзаменъ

по греческому языку. III-го разряда: 15. Григорій Дручевскій—за болѣзнію оставленъ на повторительный курсъ въ томъ же классѣ.

III-го класса: переведенные въ IV-й классъ. I-го разряда: 1. Дмитрій Матвѣевъ, Никаноръ Торанскій, Андрей Клементьевъ. II-го разряда: Григорій Ждановъ. 5. Семенъ Подольскій, Павелъ Владыковъ, Андрей Золотаревъ, Павелъ Яковлевъ, Василій Ястремскій. Назначенные къ переводу въ IV-й классъ съ передержкою экзаменовъ: 10. Ома Оедоровскій—письменнаго по русскому языку, Василій Эниатскій—устнаго по катихизису, Александръ Поповъ—устнаго по греческому и письменнаго по русскому языкамъ. Допускается къ экзамену послѣ канкуль для поступленія въ IV-й классъ — 13. Яковъ Доброславскій, какъ не державшій экзамена за болѣзнію, по всѣмъ предметамъ III-го класса. III-го разряда. Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ: 1. Василій Власовъ, Алексѣй Покровскій, Александръ Щенинскій—до усмотрѣнія ихъ успѣховъ и прилежанія, принимая во вниманіе ихъ хорошія способности, Василій Петрусенко; 5. Сергій Сушковъ—по малоразвитости и по вниманію къ ихъ усердію къ занятіямъ и образцовому поведенію, Платонъ Ведринскій—за болѣзнію. Увольняются изъ училища по малоуспѣшности и неспособности къ дальнѣйшему образованію въ училищѣ: 1. Петръ Сапухитъ, Евгений Хижняковъ, Василій Оедоровскій, Гавріиль Торанскій. 5. Емиліанъ Крушедольскій, Иванъ Вѣлицкій, Тимофей Прочухановъ.

II-го класса: переведенные въ III-й классъ. I-го разряда: 1. Иванъ Рубинскій, Василій Мухинъ, Михаилъ Могиланскій—награждены книгами; Дмитрій Прокофьевъ, 5. Константинъ Антоновичъ, Иванъ Найдовскій, Митрофанъ Фесенко, Пантелеимонъ Ладенко, Григорій Акимовъ. II-го разряда: 10. Иванъ Бочаровъ, Андрей Люминарскій, Андрей Трипольскій, Николай Збукаревъ, Андрей Ладенко, 15. Василій Рудинскій, Георгій Мигулинъ, Василій Огнискій—допускается къ экзамену по греческому языку, какъ недержавшій экзамена за болѣзнію. Назначенные къ переводу въ III-й классъ съ передержкою экзаменовъ: Иванъ Любарскій—по арифметикѣ, Андрей Проскуриковъ—по латинскому языку, 20. Алексѣй Подольскій—по греческому языку и арифметикѣ, Василій Грызодубовъ—по греческому яз. и арифметикѣ, Викторъ Краснопольскій—по греческому и латинскому языкамъ. III-го разряда: Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ: 1. Василій Станиславскій, Михаилъ Оедоровскій, Гавріиль Сукачевъ, Стефанъ Вербицкій. 5. Трифілій Оедоровъ—по малоразвитости, Константинъ Виноградскій; Константинъ Поповъ, Оедоръ Троицкій—за болѣзнію. Увольняются изъ училища: 1. Петръ Бородаевскій—по малоуспѣшности послѣ двухгодичнаго курса въ томъ же классѣ, не лишаясь права держать экзаменъ для поступленія въ слѣдующій классъ; Иванъ Красовскій,

Максимъ Брайловскій—по прошенію родителей, Николай Ходскій, 5. Андрей Оедоровъ, Иванъ Никольскій—по малоуспѣшности.

I-го класса: переведенные во II-й классъ. I-го разряда: 1. Алексѣй Люткевичъ, Николай Краснѣ, Сергѣй Любарскій—награждены книгами; Иванъ Грищенко, 5. Алексѣй Грищенко, Иванъ Любичскій, Сергѣй Могиланскій, Николай Чернявскій. II-го разряда: Оедоръ Вергунъ, 10. Дмитрій Виноградскій, Михаилъ Людикормиль, Михаилъ Вербицкій, Константинъ Котляровъ, Василій Фальченко, 15. Константинъ Дмитриевъ, Кириллъ Васильковскій, Иванъ Заводовскій. Назначенные къ переводу во II-й классъ съ передержкою экзаменовъ: Алексѣй Краснокутскій, Анатолій Сибсаревскій—по закону Божію, 20. Дмитрій Подольскій—по арифметикѣ, Стефанъ Ковалевскій—по латинскому языку и арифметикѣ, Василій Шенкъ—по закону Божію, и латинскому языку. III-го разряда: Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ: 1. Андрей Матвѣевъ, Александръ Артюховскій, Стефанъ Крыжановскій, Петръ Тукаевъ, 5. Онисимъ Семеновъ—по малоразвитости, Евгенийъ Флоринскій, Александръ Насѣдинъ—до усмотрѣнія ихъ успѣховъ и прилежанія, во вниманіе къ ихъ возрасту и хорошимъ способностямъ; Григорій Индутный, Михаилъ Ляницкій, 10. Владиміръ Леонтовичъ, Александръ Геневаскій, Теофилъ Ястремскій—за болѣзнію.

Приготовительнаго класса. Переведенные въ I-й классъ. I-го разряда: 1. Иванъ Пащратьевъ, Оедоръ Оедоровскій, Иванъ Сокальскій, Николай Загоровскій, 5. Иванъ Калужный, Николай Давыдовъ—награждены книгами; Александръ Заграфскій, Иванъ Збукаревъ, Алексѣй Москаленко, 10. Петръ Рокитянскій. II-го разряда: Дмитрій Давыдовъ, Александръ Романовъ, Данилъ Пономаревъ, Антоній Козловскій, 15. Андрей Веселовскій, Стефанъ Звѣревъ, Евгенийъ Проскуриниковъ, Яковъ Левичскій, Каригъ Новомирскій, 20. Лука Найдовскій, Григорій Стеллецкій, Петръ Бѣлцкій. III-го разряда. Оставляются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ: 1. Оедоръ Котляровъ, Николай Бородаевскій, Петръ Флоринскій, Арсена Оедоровскій, 5. Оедоръ Алексѣевко, Семенъ Любарскій—по малоразвитости; Михаилъ Волковъ, Василій Цоповъ—за болѣзнію.

Увольняется изъ училища за неявкою по болѣзни въ теченія всего учебнаго года Иванъ Станиславскій.

Примѣчаніе 1. Правленіе училища объявляетъ, что переекзаменовка воспитанниковъ училища, получившихъ на годичномъ испытаніи неудовлетворительныя баллы, назначается на 2-е и 3-е августа.

Примѣчаніе 2. Пріемныя испытанія для вновь поступающихъ воспитанниковъ училища назначаются на 4-е, 7-е и 8-е августа сего 1884 г.

Примѣчаніе 3. Для вновь поступающихъ воспитанниковъ состоятъ въ

училищѣ вакансій: въ IV-мъ классѣ 26-ть, въ III-мъ классѣ 12-ть, во II-мъ классѣ 10-ть, въ I-мъ 6-ть и въ приготовительномъ классѣ 42 вакансій.

СПИСОКЪ

воспитаницѣ Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища.

I-го класса: а) *Удостоены перевода во II-й классъ.* 1. Авксентьева Татьяна, Агнивцева Антонина, Алексѣевская Лидія, Артемьева Алевтина, Бутковская Евгенія, Жукова Марія, Жуковская Марія, Измайлова Матрона, Иннокова Зинаида, 10. Кпприянова Александра, Колосовская Ольга, Керпильева Анна, Крохатская Евфросинья, Крыжановская Анна, Лобковская Анна, Лукашева Антонина—награжд. похвал. лист., Лядская Татьяна, Любарская Елена—награжд. похвал. лист., Макаровская Анастасія, 20. Малижановская Анастасія, Мухина Александра, Павлова Анастасія, Пестрякова Анна, Подольская Елена, Пономарева Татьяна — награжд. похвалн. лист., Попова Пелагея, Протопопова Антонина — награжд. похвалн. лист., Ракшевская Марія — награждена похвальнымъ листомъ, Романова Пелагія, 30. Сабинина Софья, Соколовская Марія 1-я Александр., Соколовская Марія 2-я Васпл., Степурская Александра, Татарянова Анна, Терпиловская Антонина, Хвжнякава Вѣра, Чернявская Ольга, Штровальдъ Пелагія—награжд. похвал. лист., Щепинская Марія, 40. Яновская Юлія.

б) *Будутъ переведены во II-й классъ, если передержать удовлетворительно экзамень послѣ каникулъ:* Васплевская Марія—по русскому языку, Копѣйчикова Антонина—по русскому языку, Лобковская Александра—по ариѳметикѣ, Савенкова Евдокія—по русскому языку.

в) *Остается въ I-мъ классѣ на повторительный курсъ,* 45. Андропова Марія—по малоуспѣшности.

II-го класса: а) *Удостоены перевода въ III-й классъ:* 1. Алексѣевская Варвара—награждена похвальнымъ листомъ, Антонова Софья, Баженова Анна—награжд. похвалн. лист., Бойкова Анастасія, Брайловская Марія, Буханцева Наталія, Васплевская Анна, Васплевская Александра, Власова Серафима, 10. Дейнеховская Александра, Дзюбанова Марія—награжд. похвалн. лист., Дикарева Анна, Жданова Татьяна, Іосифова Ольга, Краснокутская Анна—награжд. похвалн. лист., Крутьева Наталія, Кувичинская Лидія—награжд. похвалн. лист., Любарская Юлія, Максимова Лидія, 20. Могиланская Евгенія—награжд. похвалн. лист., Мощенкова Марія, Пасѣдьина Александра, Николаевская Александра, Новопольская Ларса, Оружинская Екатерина, Пестриченкова Вѣра, Петина Марія, Полянская Антонина, Рождественская Антонина—награжд. похвал.

лист., 30. Романова Зинаида, Руднская Серафима, Сокольская Марія, Соколова Марія — награжд. похвалн. лист., Сукачева Павла, Титова Евгенія, Толмачева Александра, Троянова Марія, Хижнякова Александра, Шнилова Евгенія — награжд. похвалн. листомъ, Ястремская Елисавета, 41. Ястремская Ольга.

б) *Будутъ переведены въ III-й классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ:* Грызодубова Марія—по арифметикѣ, Домницкая Целагія—по географіи, Никитская Лидія—по русскому языку, Селезнева Марія—по русскому языку, Сергіевская Марія—по арифметикѣ и геометріи.

в) *Недержавшая экзамена по болѣзни будетъ переведена въ III-й классъ, если выдержитъ таковой послѣ каникулъ,* Павлова Анастасія—по всеѣмъ предметамъ.

г) *Отстаютъ во II-мъ классѣ на повторительный курсъ.* Липицкая Неонила и 49. Тимофѣева Марія—обѣ по малоуспѣшности.

III-го класса: а) *Удостоены перевода въ IV-й.* 1. Алѣйникова Антонина, Бутковская Марія, Васильковская Акилина, Веселовская Θεодосія, Ведринская Софья, Владыкова Александра, Гуаплевская Екатерина—наград. похвалн. листомъ, Губская Марія, Жданова Марія, 10. Иноккова Анна, Измайлова Анна, Кремшовская Марія, Коханова Анна, Лавденкова Александра, Мухина Кеснія — награжд. похвалн. листомъ, Навродская Лидія, Насѣдкина Антонина, Попова Евгенія, Попова Ольга — награжд. похвалн. листомъ, 20. Павлова Анна, Панкратьева Софья, Протопонова Павла, Рокитянская Надежда, Согина Надежда — награжд. похвалн. листомъ, Солнцева Марія, Слатина Елена, Суелова Александра, Стенурская Надежда—наград. похвалн. листомъ, Хижнякова Марія—наград. похвалн. листомъ, 30. Хижнякова Евгенія, Черниева Александра, Шнилова Аполлиарія, Яновская Марія, Ястремская Людмила, 35. Оедоровская Ольга.

б) *Будутъ переведены въ IV-й классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ:* Артемьева Александра—по русскому языку, Воробьева Варвара—по сочиненію, Григоревская Клавдія—по русскому языку и сочиненію, Грызодубова Александра—по арифметикѣ, геометріи и сочиненію, Евфимова Лидія—по арифметикѣ и геометріи, Збукарева Инна—по русскому языку, Мартиновичъ Елисавета — по русскому языку, Павлова Марія—по русскому языку, Тимонова Евгенія — по русскому языку и сочиненію, Оедоровская Олимпіада—по арифметикѣ.

в) *Недержавшая экзамена по болѣзни будетъ переведена въ IV-й классъ, если выдержитъ таковой послѣ каникулъ,* 46. Раевская Агасія—по всеѣмъ предметамъ.

IV-го нормальною класса: а) *Удостоены перевода въ V-й классъ.*

1. Бугуцкая Викторія, Василевская Елена, Василевская Наталья, Вахпина Александра—наград. похвал. листомъ, Вербицкая Ксенія, Виноградская Софья, Дьякова Елена, Жукова Юлія, Ильина Анна, 10. Котлярова Любовь, Курасовская Маріамна, Лисенкова Серафима, Лободовская Θεоктиста, Любарская Марія, Набокова Варвара, Насѣдкина Тапсія, Никулицева Марія, Пономарева Александра, Попова Любовь, 20. Романова Софья, Рыбалова Евдокія, Самойлова Анна, Филевская Елена, Филонова Марія, Чернявская Наталья, Щепинская Елена, Щепинская Лидія, 28. Ястремская Анна.

б) *Будутъ переведены въ V-й классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ:* Быкова Евдокія—по арифметикѣ, 30. Дахлѣвская Анна—по географіи, Касьянова Марія—по исторіи, Пономарева Елисавета—по сочиненію и исторіи, Попова Олимпиада—по исторіи и географіи, Стефанова Марія—по исторіи и Чугаева Елена—по русскому языку.

в) *Недержавшей экзамена по болѣзни предоставляется право держатъ таковой послѣ каникулъ,*—Вобниной Наталія—по всеѣмъ предметамъ.

г) *Остаются въ IV-мъ классѣ на повторительный курсъ:* Вазплевичъ Викторія—по малоуспѣшности, Власова Софья—по малоразвитости, Менде Софья—по малоуспѣшности, и 40. Ракшевская Софья—по малоразвитости.

IV-го параллельнаго класса. а) *Удостоены перевода въ V-й классъ.* 1. Бойкова Любовь, Бѣлицкая Марія, Ветухова Елена, Гевевская Марія, Дикарева Марія, Дьякова Екатерина, Завадовская Анна, Капустинская, Марія, нагр. похв. лист.,—Котлярова Пелагія, 10. Крохатская Матрона, Кутенова Софья, Леонтовичъ Марія, Леонтовичъ Дарья, Литкевичъ Любовь, Лобковская Вѣра, Люминарская Вѣра, Могиланская Валентина, Мухина Наталья, Попова Раиса, 20. Попова Антонина, Пономарева Елена, Соболева Анна—наградена похвал. листомъ, Степурская Марія, Твердохлѣбова Софья, Тимонова Аннамаса, Троицкая Θεодосія, Троянова Анна, Филевская Параскева, Чаговцова Варвара, Эспдова Елена, Юшкова Вѣра, Ястремская Анастасія, 33. Θεодоровская Сусанна.

б) *Будутъ переведены въ V-й классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ:* Артемьева Анна,—по русскому языку и сочиненію, Любинская Анисія—по исторіи, Юрченко Александра—по исторіи.

в) *Недержавшей экзамена по болѣзни предоставляется право держатъ таковой послѣ каникулъ,*—Максимовой Еленѣ—по всеѣмъ предметамъ.

г) *Остается въ IV-мъ классѣ на повторительный курсъ, 38.* Реутская Любовь—по малоуспѣшности.

VI-ю классу: а) *Удостоены перевода въ VI-й классъ.* 1. Алѣйникова Валентина, Буханцова Ольга, Вегухова Екатерина, Грекова Антонина, Илюкова Марія, Коробчанская Ирина, Краснокутская Марія, Крутьева Анна, Левандовская Анна—награждена похвал. листомъ., 10. Лобковская Юлія, Мангулина Людмила, Менде Анастасія, Мощенкова Софья, Одринцова Марія, Оружинская Вѣра, Петрова Анна—награждена похвал. листомъ, Покидайлова Марія награжд. похвалн. лист. Приходькова Лидія, Пономарева Анастасія, 20. Попова Надежда—награждена похвал. листомъ, Рудинская Маріамна, Сабина Вѣра, Сокина Любовь, Сибсаревская Марія, Суляха Елена, Торанская Анна, Торанская Неонилла, Черяева Леонилла, Щелоконская Марія, Эпендова Олимпіада, 31. Яновская Александра.

б) *Будутъ переведены въ VI-й классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.* Авксентьева Софья—по сочиненію, Ковалевская Александра—по сочиненію, Козловская Марія—по педагогикѣ, Могиланская Параскева—по Закону Божию, арифметикѣ и геометріи, Насѣдкина Марія—по сочиненію, Пактелеймонова Марія—по сочиненію, Подольская Варвара—по исторіи, Полтавцева Александра—по теоріи словесности, Пономарева Глафира—по сочиненію, Саговецкая Марія—по теоріи словесности и всеобщей исторіи, Соколовская Неонилла—по сочиненію, Черняева Юлія—по сочиненію и педагогикѣ, Чиркина Марія—по педагогикѣ.

в) *Недержавшимъ экзамена по болѣзни предоставляется право держатъ таковой послѣ каникулъ.* Поповой 1-й Александръ Гавриловичъ—по всемъ предметамъ, Поповой 3-й Александръ Максимовичъ—по всемъ предметамъ.

г) *Увольняется изъ училища, 47.* Чебанова Марія—по малоуспѣшности и неспособности слѣдовать за курсомъ.

VII-ю классу: а) *Окончили курсъ и на основаніи § 111 училищнаго устава удостоены права на званіе домашнихъ учительницъ.* 1. Александрова Анна, Бобина Евдокія, Быковцева Антонина, Ведрицкая Наталія, Владыкова Александра, Давыдова Марія, Дейнеховская Екатерина, Дикарева Софья, Дьякова Анна, 10. Дюкова Пелагія, Ерофалова Екатерина, Коханова Варвара, Кремповская Александра, Лазаревская Варвара, Лашенкова Александра—награждена книгою, Лободовская Анна, Люминарская Татіана, Могиланская Анна, Насѣдкина Юлія—награждена книгою, 20. Николаевичъ Варвара, Оружинская Любовь, Реутская Любовь, Рудинская Александра, Рудинская Марія, Сильванская Марія, Стаховская Параскева, Соколовская Александра, Терпиловская Анастасія, Тро-

ицкая Екатерина—награждена книгою, 30. Хижнякова Надежда награждена книгою, Черняева Любовь, Черняева Анна, Щелкунова Марія, и 34. Эвенхова Марія.

б) Недержавшимъ экзамена по болѣзни, воспитанницамъ *Богдановой* Александрѣ и *Приходьковой* Александрѣ предоставляется право, для полученія аттестата, держать выпускной экзаменъ въ теченіи предстоящаго 1884/85 учебнаго года.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Пожаръ въ Харьковской духовной семинаріи.—Хиротонія во епископа.—Студенты-цаломники.—Условія развитія грамотности.—Судьба пашковцевъ въ Россіи.—Закрытіе общества поощренія духовно-нравственнаго чтенія.—Валтизмъ въ Остзейскомъ краѣ.—Вражда нѣмцевъ противъ обратившихся въ православіе въ прибалтійскихъ губерніяхъ.—Новый источникъ средствъ на украшеніе и поддержаніе благолѣпія храмовъ Божіихъ.—Воззваніе преосвященнаго Макарія, епископа Нижегородскаго, по поводу бывшихъ въ Нижнемъ-Новгородѣ 7 іюня антиеврейскихъ беспорядковъ.—Предложеніе преосвященнаго Тихона епископа Волынскаго.—Высочайшія повелѣнія объ измѣненіи постановленій о присяжныхъ засѣдателяхъ и объ упраздненіи коммисіи прошеній и должности статсъ-секретари у принятія прошеній.—Харьковский технологическій институтъ—Тиражъ выпущенныхъ билетовъ 1-го внутренняго 5% займа, произведеннаго 2 іюля 1884 года.

Величайшее несчастіе постигло нашу семинарію; ея огромное и прекрасное зданіе подверглось страшному несчастію и въ настоящее время представляетъ по истинѣ плачевное зрѣлище Съ 3-го числа іюля на 4-е, около половины перваго часа ночи, и. д. инспектора г. Истоминымъ замѣченъ былъ въ огнѣ одной изъ гардеробныхъ комнатъ свѣтъ, болѣе яркій, чѣмъ какой обыкновенно бываетъ отъ свѣчи или лампы. Комната, въ которой показался огонь, помещалась въ самомъ верхнемъ этажѣ и была заперта на замокъ; достоверно также извѣстно, что до 11-ти часовъ вечера она была совершенно темна и, по видимому, съ этого времени никому не было никакой надобности входить въ нее для чего-бы то ни было; ключъ отъ ней былъ у гардеробщика, который въ это время спалъ въ другой гардеробной комнатѣ, помещавшейся въ противоположномъ концѣ зданія, на одномъ и томъ-же корридорѣ. Когда съ дверей этой болѣе и болѣе освѣщавшейся комнаты снятъ былъ замокъ, то оказалось, что горѣли два ближайшіе къ дверямъ шкафа, стоявшіе въ сплошномъ ряду съ другими шкафами вдоль всей комнаты и помещавшіеся въ среднемъ ряду этихъ шкафовъ. Къ глубокому сожалѣнію, домашнихъ средствъ оказалось совершенно недостаточно, чтобы остановить пожаръ. Сухіе лиловые гардеробные шкафы, большею частію бывшіе пустыми, быстро загорались отъ сосѣднихъ горѣв-

нихъ гардеробовъ и вскорѣ вся комната превратилась въ сплошное море огня, развившаго необыкновенный жаръ. Успѣли вылить на горѣвшіе шкафы только нѣсколько ведеръ воды и вытащить на корридоръ два ближайшіе къ дверямъ шкафа; далѣе не было уже человѣческой возможности приближаться къ горѣвшей комнатѣ отъ необыкновеннаго жара.

По размѣрамъ своимъ, пожаръ этотъ былъ по словамъ „Южнаго Края“, одинъ изъ самыхъ большихъ изъ числа тѣхъ, которые были въ Харьковѣ въ послѣднее время, и ни на одномъ пожарѣ пожарные не были такъ безсильны, какъ на этомъ. Когда въ половинѣ перваго часа ночи, г. Истоминъ замѣтилъ огонь, онъ немедленно распорядился дать знать объ этомъ въ 3-ю полицейскую часть и къ часу пожарная команда этой части, вмѣстѣ съ г. полиціймейстеромъ А. П. Сурменевымъ и мѣстнымъ участковымъ приставомъ П. А. Поповымъ, прибыла на пожаръ, но не могла ничего сдѣлать для прекращенія только что начинавшагося пожара. Въ корридорѣ, примыкавшемъ къ гардеробной, былъ такой жаръ и такой густой и удушливый дымъ, что добраться до двери не было возможности, не смотря даже на все отчаянныя попытки пожарныхъ. Въ это время лопнули стекла, загорѣлась оконная рама и снопы огня вырвались наружу; огненные языки стали лизать карнизъ крыши. Отсутствіе брандмауеровъ дало возможность огню разлиться по всему верхнему этажу. Огонь, пробираясь по корридорамъ и комнатамъ третьяго этажа, перешелъ, наконецъ, и во второй этажъ, дальнѣе огонь не пошелъ, потому что во второмъ этажѣ была возможность заливать его водою.

Пожарный обозъ нашъ состоитъ изъ десяти брандсбойтовъ,—работаютъ только семь, а три въ запасѣ. Какъ на очень многихъ большихъ пожарахъ, такъ и на этомъ, обнаружилась недостаточность огнетушительныхъ снарядовъ, которыми располагаетъ наша пожарная команда. Кромѣ того, что трубъ было недостаточно для того, чтобы обхватить все мѣсто пожара, не было достаточнаго числа людей для работы на помпахъ. Приходилось, просто, насильно заставлять обывателей качать воду. Семинарія, расположенная на Холодной горѣ, закрыта со стороны города, такъ что зарево пожара было не особенно замѣтно, и потому изъ города прибѣжали на пожаръ очень немногіе; окрестные-же жители относились къ пожару совершенно равнодушно. Пока прибыли казаки и нарядъ нижнихъ чиновъ, прошло довольно много времени; съ появленіемъ ихъ началось уже надлежащее накачиваніе воды.

Всѣ усилія полиціи и служащихъ при семинаріи были направлены къ тому, чтобы спасти то имущество, которое находилось въ зданіи. Изъ зданія были вынесены иконостасъ церкви и вся утварь, фундаментальная и ученическая бібліотека, физическій кабинетъ, портреты, архивъ, спальни и класная мебель, мебель и имущество лицъ, жилыя помѣщенія которыхъ находились въ главномъ корпусѣ. Все спасенное имущество было сложено на дворѣ, въ саду и въ больницѣ, и тщательно было охраняемо полиціею.

Духовная семинарія наша занимаетъ огромное мѣсто, обнесенное заборомъ. Главный корпусъ—трехъ-этажный, помѣщается посреди двора, по сторонамъ находятся постройки, принадлежащія къ семинаріи. Прочно построенный въ 1843 г., главный корпусъ сравнительно мало пострадалъ отъ огня. Первый этажъ почти уцѣлѣлъ совершенно,—въ немъ только повывивали стекла—потерпѣлъ второй и третій этажи. Крыша снесена совершенно, снесенъ также и верхній карнизъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ внутри зданія повреждены своды въ корридорахъ, а въ комнатѣ, гдѣ была гардеробная, пробило полъ, а стало быть, и потолокъ во второй этажъ. На всемъ протяженіи третьяго этажа выгорѣли полы, двери и оконныя рамы. Въ этомъ этажѣ помѣщались спальни воспитанниковъ, гардеробная и умывальная. Въ гардеробной было около 30 шкафовъ, но платье было лишь въ нѣсколькихъ, такъ какъ по случаю каникулярнаго времени воспитанниковъ нѣтъ; ихъ осталось только 12 душъ. Шкафы за исключеніемъ двухъ всѣ сгорѣли, ни одного нельзя было спасти. Во второмъ этажѣ сильно повреждена квартира помощника инспектора и въ особенности церковь. Церковь эта была въ два свѣта и въ высоту простиралась до потолка самаго верхняго этажа. Въ нее обрушился потолокъ этого этажа и вылилась была масса воды, отъ каковой тяжести полъ провалился въ двухъ мѣстахъ. Пожаръ прекратился около двухъ часовъ пополудни, хотя во многихъ мѣстахъ продолжало тлѣть и куриться.

Какъ сказано уже выше, съ несомнѣнностью констатировано, что пожаръ начался съ гардеробной. Спрашивается, отчего тамъ могло загорѣться? Есть разнаго рода предположенія; но всѣ эти предположенія оказываются несостоятельными и подлинная причина пожара полицейскимъ дознаніемъ не могла быть выяснена.

Въ моментъ пожара въ семинаріи было очень немного людей. Обыкновенно служащихъ бываетъ въ ней болѣе тридцати, теперь же, по случаю каникулярнаго времени, ихъ всего восемь. Ректора семинаріи, протоіерея Кратирова не было въ Харьковѣ, онъ былъ

въ отпуску, и, извѣщенный по телеграфу, возвратился въ Харьковъ 7-го числа. Пожарная команда заливала въ теченіе двухъ дней дымившійся огромный корпусъ, закоптѣлый, съ чернѣющими ямами—окнами, безъ крыши.

Пожарная команда наша дѣйствовала, какъ всегда, очень самоотверженно и двое изъ пожарныхъ получили серьезные ушибы. Одинъ изъ служителей сильно зашибъ плечо, а другаго оборвавшаяся перегорѣлая балка ударила въ голову такъ сильно, что голову сдавило каскою. Онъ долго находился въ безсознательномъ состояніи.

Воды въ водопроводѣ было недостаточно. Два раза посылали на главную водокачку съ требованіемъ увеличить давленіе.

Убытки отъ этого пожара пачислены техниками отъ 45 до 50 тысячъ рублей. Исправленій потребуеся сдѣлать очень много, въ особенности, принимая во вниманіе, что кирпичныя стѣны прогорѣли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень сильно.

Преосвященный Амвросій узналъ о пожарѣ очень рано и утромъ того-же дня прислалъ въ семинарію разузнать о ходѣ его; къ 10 часамъ утра ему доложены были подробныя свѣдѣнія о пожарѣ; а къ 12-ти часамъ дня преосвященный самъ, не смотря на свое болѣзненное состояніе, прибылъ къ горѣвшему зданію и выражалъ свое глубокое сожалѣніе о случившемся несчастіи. На пожарѣ два раза былъ и. д. начальника губерніи В. О. Сосновскій и много способствовалъ правильному ходу тушенія пожара. Харьковскій полиціймейстеръ А. П. Сурменевъ, которому пришлось впервые быть здѣсь на пожарѣ со времени вступленія въ должность, обнаружилъ много энергіи, распорядительности и хладнокровія.

Прекрасное зданіе Харьковской семинаріи, какъ извѣстно, возникло по мысли, хлопотами и заботами преосвященнаго Иннокентія Борисова. Именно ему наша семинарія обязана тѣмъ, что занимала достаточное и даже богатое помѣщеніе сравнительно съ другими семинаріями въ Россіи. Будемъ надѣяться, что при преосвященномъ Амвросіѣ она вполне обновится и явится въ прежнемъ и даже лучшемъ видѣ, при нынѣшнихъ усовершенствованіяхъ техническихъ искусствъ.

— Высочайше повелѣно быть архимандриту Николаю епископомъ Новомиргородскимъ, первымъ викаріемъ Херсонской епархіи, съ тѣмъ, чтобы нареченіе и посвященіе въ епископскій санъ произведено было въ С.-Петербургѣ. Хиротонія архимандрита Николая происходила 10 іюня, въ Троицкомъ соборѣ Александро-Невской

лавры. Обрядъ хиротоніи совершали: митрополитъ Исидоръ, архіепископы: Савва Тверской и Іонафанъ Ярославскій и епископы: Палладій Тамбовскій, Арсеній Ладожскій и Сергій Выборгскій. Новопосвященный епископъ Николай, въ мірѣ Иванъ Григорьевичъ Заркевичъ, до своего постриженія въ монашество, 5 мая нынѣшняго года, состоялъ законоучителемъ и настоятелемъ церкви перваго военнаго Павловскаго училища и преподавателемъ Закона Божія въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Отецъ Заркевичъ извѣстенъ былъ въ ученомъ мірѣ и въ духовной литературѣ, какъ человѣкъ философски-образованный, постоянно слѣдившій за новѣйшими богословскими сочиненіями на западѣ. Въ семидесятыхъ годахъ подъ его редакціей выходилъ сборникъ апологетическихъ сочиненій современныхъ французскихъ и нѣмецкихъ писателей въ переводѣ на русскій языкъ, подъ названіемъ: „Матеріализмъ, наука и христіанство“. Монашество о. Заркевичъ принялъ послѣ кончины своей жены въ нынѣшнемъ году.

— Въ Кіевской академіи имѣлъ мѣсто случай, который въ смыслѣ прецедента, можетъ остаться не безъ вліянія. Четыре студента исходатайствовали себѣ паспортъ въ Палестину на вакаціонное время и 1 іюля уѣзжаютъ въ Іерусалимъ. „Кіевлянинъ“, по поводу этого паломничества въ духовной академіи, замѣчаетъ: „Желательно было-бы, чтобы студенты не ограничились только личною пользою, но и позаботились-бы, насколько возможно, и для общей пользы. Мы разумѣемъ собраніе ими свѣдѣній о состояніи православныхъ, католическихъ и протестантскихъ школъ въ Палестинѣ, объ условіяхъ, способствующихъ или препятствующихъ ихъ развитію... Всѣ эти свѣдѣнія можно-бы потомъ сообщить палестинскому обществу. Полагаемъ, что студенты могли-бы выполнить это. Въ прошедшемъ году посланъ палестинскимъ обществомъ въ Палестину съ этою цѣлью студентъ 2-го курса Московской академіи, Кэзма, арабъ по происхожденію. При посылкѣ его имѣлось также въ виду, что онъ, въ особенности при знаніи арабскаго языка, годенъ для этой цѣли. Наши студенты не знаютъ арабскаго языка, но и безъ него могутъ собрать свѣдѣнія... Будетъ-ли это путешествіе единичнымъ явленіемъ или нѣтъ, будущее покажетъ; но во всякомъ случаѣ—примѣръ, достойный подражанія. Изъ этихъ четырехъ студентовъ одинъ въ прошломъ году совершилъ путешествіе на св. Афонъ“.

— Въ „Подол. Епарх. Вѣд.“ перечисляются условія, необходимыя для развитія грамотности въ сельскомъ населеніи: а) Безъ со-

миръннѣя, прежде всего и болѣе всего необходимо усиленіе заботливости священниковъ о расположеніи сельскихъ жителей къ заведенію школъ и аккуратному посѣщенію ихъ дѣтьми для обученія грамотѣ и особенно Закону Божію, какъ единственному чистому источнику руководительныхъ, спасительныхъ правилъ для жизни, такъ какъ первая и самая священная обязанность священниковъ проповѣдывать евангельское ученіе тогда только съ успѣхомъ можетъ быть выполняема ими, когда пасомые, чрезъ изученіе грамоты, станутъ болѣе способными въ надлежащей степени понимать проповѣдь, нерѣдко непонятную для нихъ даже въ самыхъ безнатуральныхъ выраженіяхъ. А для достиженія этой цѣли необходимо, чтобы священники прежде всего старались развивать въ себѣ самихъ сознаніе всей важности своего призванія, сознаніе того, что тѣмъ болѣе они проявляютъ въ себѣ заботы и попеченія о своемъ только личномъ матеріальномъ благосостояніи и тѣмъ менѣе при этомъ они обнаруживаютъ ревности къ образованію въ духѣ святой вѣры своихъ пасомыхъ, тѣмъ болѣе они являются достойными осужденія наемниками, а не пастырями, тѣмъ болѣе они вмѣсто пользы причиняютъ вредъ, показывая народу соблазнительный примѣръ пренебреженія священными обязанностями своего высokaго служенія, во имя житейскихъ выгодъ.

б) Необходимо, чтобы каждый приходскій священникъ, по крайней мѣрѣ три раза въ недѣлю, посѣщалъ школу для преподаванія дѣтямъ Закона Божія, или, точнѣе сказать, для объясненія имъ въ самыхъ простыхъ выраженіяхъ молитвы Господней, символа вѣры, десяти заповѣдей, важнѣйшихъ священнодѣйствій Богослуженія и краткой исторіи великихъ праздниковъ христіанской церкви и чтобы при этомъ наблюдалъ за правильностію занятій учителей по другимъ предметамъ.

в) Но для этого необходимо, чтобы лица, приготовляющіяся къ священству, старались развивать въ себѣ, кромѣ соотвѣтственныхъ нравственныхъ качествъ, необходимыя педагогическія наклонности и приемы, безъ которыхъ самые даровитые и образованные священники могутъ оказаться не вполне соотвѣтствующими требованіямъ своего служенія.

г) Такъ какъ развитіе во всѣхъ слояхъ народа, правильнаго образованія въ духѣ святой вѣры, служить важнѣйшимъ условіемъ къ достиженію возможно полного благосостоянія не только отдѣльныхъ обществъ, но и цѣлаго государства, и такъ какъ направленіе всѣхъ общественныхъ интересовъ сельскаго населенія зависитъ

главнымъ образомъ отъ мировыхъ посредниковъ и подчиненныхъ имъ волостныхъ старшинъ, вслѣдствіе чего приходскія общества могутъ распоряжаться своимъ общественнымъ хозяйствомъ и открытіемъ общественныхъ учрежденій не иначе, какъ только съ согласія ихъ, мировыхъ посредниковъ; то необходимо, чтобы институтъ мировыхъ посредниковъ обязанъ былъ всегда самымъ тщательнымъ образомъ содѣйствовать духовенству въ убѣжденіи сельскаго населенія: а) ежегодно отдѣлять изъ разныхъ статей своего общественного хозяйства возможное количество суммъ на содержаніе церковно-приходскихъ школъ и в) исправно посылать въ школы дѣтей въ продолженіе 6-ти учебныхъ мѣсяцевъ съ 1-го октября до 1-го апрѣля. А чтобы мировые посредники не ограничивали своихъ отношеній къ школьному дѣлу одними только словесными предложеніями заводить школы, безъ дѣятельнаго настоянія надъ непремѣннымъ осуществленіемъ такихъ предложеній, необходимо, чтобы имъ вмѣнено было въ непремѣнную обязанность, вмѣстѣ съ наблюдателями церковно-приходскихъ школъ, въ опредѣленное время посѣщать школы, узнавать ихъ нужды, послѣ совѣщанія съ ними, дѣлать соотвѣтственныя распоряженія и потомъ въ концѣ каждаго года доносить губернатору о томъ, что каждымъ изъ нихъ въ продолженіе года сдѣлано для улучшенія школъ своего района.

д) Для того, чтобы возможно было съ желаемымъ успѣхомъ располагать крестьянъ къ обученію дѣтей въ школахъ, необходимо заботиться о томъ, чтобы, по возможности, на учительскія должности опредѣляемы были лица, получившія изъ дирекціи гимназій установленное свидѣтельство на право быть учителями, и чтобы, при такомъ условіи со стороны учителей и при выполненіи священниками должности законоучительской, дѣти, окончившія въ школахъ обученіе по программѣ одноклассныхъ народныхъ училищъ, могли, на основаніи Высочайше утвержденнаго положенія, послѣ испытанія, получать свидѣтельства на право льготы по выполненію воинской повинности.

е) Такъ какъ пѣніе въ церкви обучающихся въ школахъ дѣтей, возвышая торжественность церковнаго Богослуженія, въ тоже время много располагаетъ крестьянъ посылать въ школы своихъ дѣтей, то необходимо, чтобы священнику и псаломщику поставлено было въ непремѣнную обязанность обучать крестьянскихъ дѣтей церковному пѣнію, чтобы псаломщики были опредѣляемы на мѣста не иначе, какъ только съ условіемъ и обязательствомъ обучать дѣтей пѣнію; но такъ какъ, съ одной стороны, далеко не всѣ лица,

занимающія мѣста псаломщиковъ, способны къ правильному обученію дѣтей церковному пѣнію, а съ другой—обученіе пѣнію не есть легкій трудъ для того, чтобы псаломщикъ могъ нести его безмездно и при томъ тогда, когда, получая по своей должности незначительное содержаніе, онъ обязанъ давать соотвѣтственное воспитаніе и своему семейству, то необходимо: а) чтобы на мѣста псаломщиковъ были опредѣляемы лица, спеціально подготовленныя и къ обученію дѣтей пѣнію или въ духовныхъ училищахъ и семинаріи, или въ особомъ заведеніи для приготовленія къ должностямъ псаломщиковъ, которое съ удобствомъ могло-бы быть открыто на обще-епархіальныя средства при кафедральномъ соборѣ, и б) чтобы каждому псаломщику за преподаваніе пѣнія въ школѣ выдаваемо было изъ мірскихъ или правительственныхъ суммъ соотвѣтственное вознагражденіе.

ж) Нѣтъ никакого сомнѣнія, что грамотность, изучаемая крестьянскими дѣтьми въ школѣ въ теченіе трехъ—четырехъ лѣтъ, безъ поддержанія ея по выходѣ изъ школы посредствомъ чтенія, постепенно ослабляется; нерѣдко бываетъ, что дѣти, научившіяся въ школѣ чтенію и кое-какъ писать, чрезъ пять—шесть лѣтъ по выbitи изъ школы почти совсѣмъ забываютъ даже чтеніе. Поэтому, съ одной стороны для поддержанія и дальнѣйшаго развитія грамотности въ средѣ возрастнаго населенія, а съ другой—для доставленія сельскому населенію возможности извлекать для себя изъ грамотности надлежащую пользу всегда, какъ для улучшенія чисто нравственной своей жизни, такъ и для приобрѣтенія знаній, полезныхъ въ житейскомъ быту, необходимо, чтобы священники заботились объ учрежденіи церковныхъ бібліотекъ изъ такихъ книгъ религіозно-нравственнаго и сельско-хозяйственнаго содержанія, которыя безъ затрудненія въ пониманіи могли-бы читать всѣ обучавшіеся въ церковно-приходской школѣ, и чтобы сами священники въ праздничные дни приглашали грамотныхъ и неграмотныхъ прихожанъ въ удобныя мѣста для чтенія подходящихъ статей въ собраніи, съ объясненіемъ прочитаннаго и для раздачи желающимъ книгъ для чтенія по домамъ. Безъ этого условія развитіе и поддержаніе въ сельскомъ населеніи грамотности всегда будетъ дѣломъ весьма труднымъ и не приносящимъ пользы въ желаемой степени.

з) Наконецъ, для желаемаго преуспѣянія въ дѣлѣ народнаго образованія необходимо заботиться о томъ, чтобы по возможности всякая сельская дѣвочка обучалась въ школѣ. Въ крестьянской средѣ ни одинъ отецъ не въ состояніи повліять на развитіе свое-

го дитяти такъ, какъ мать. Крестьяне - отцы на своихъ дѣтей-сыновей въ воспитательномъ отношеніи начинаютъ обращать вниманіе уже тогда, когда они по возрасту своему являютъ болѣе или менѣе пригодными къ извѣстному физическому труду; а до того времени на ихъ развитіе имѣетъ вліяніе одна только мать. Ея познанія и невѣжество въ дѣлахъ религіи, ея свѣтлыя и мрачныя черты характера, ея добродѣтели и пороки во всей почти полнотѣ дѣлаются наслѣдіемъ не только дѣвочекъ, но и мальчиковъ. Поэтому-то, чтобы возможно было съ младенчества располагать дѣтей и готовить ихъ къ обученію въ школѣ, чтобы доставить сельскому населенію возможность самостоятельно развивать въ себѣ сознаніе пользы и необходимости обученія въ школѣ дѣтей, необходимо болѣе всего заботиться о томъ, чтобы грамотность развивалась въ возможно большихъ размѣрахъ въ средѣ женскаго пола.

— Наши великосвѣтскіе сектанты пахотятся въ уныніи. „St. Pétersburger Evangelisches Sonntags-Blatt“ передаетъ, что дальнѣйшему существованію секты пашковцевъ, во главѣ которой находились извѣстный Пашковъ и графъ Корфъ, нынѣ положенъ конецъ. Правительство также конфисковало всѣ религіозныя брошюры г. Пашкова, которыя на дняхъ будутъ сожжены. Чтобы окончательно воспрепятствовать пропагандѣ пашковцами ихъ „лжеученій“, г. Пашкову предписано покинуть Россію въ продолженіи двухъ недѣль; графу Корфу точно также воспрещено дальнѣйшее пребываніе въ предѣлахъ Россіи. Сообщая объ этомъ, названная газета, съ своей стороны, привѣтствуетъ эти мѣры, какъ весьма разумныя, и усматриваетъ въ нихъ перстъ Божій.

— Одновременно съ тѣмъ нанесенъ ударъ съ другой стороны. Учрежденное въ 1876 году общество поощренія духовно-нравственнаго чтенія нынѣ закрыто. вмѣстѣ съ тѣмъ прекращена дѣятельность всѣхъ соединенныхъ съ этимъ обществомъ учреждений для распространенія книгъ и брошюръ въ народѣ. Распоряженіе о закрытіи этого общества послѣдовало 24 мая настоящаго года. Это то самое общество, подъ прикрытіемъ котораго распространялись брошюры съ протестантскимъ и пашковскимъ направленіемъ, списки которыхъ въ свое время были напечатаны въ духовныхъ изданіяхъ. Между прочимъ недавно и таврической епархіальный цензурный комитетъ имѣлъ поводъ сказать свое слово объ этихъ брошюрахъ. У одного крестьянина, совращеннаго изъ православія въ молоканство, они были забрапы судебнымъ слѣдователемъ и доставлены въ консисторію. Комитетъ, въ видахъ предостереженія

священниковъ, анализируетъ содержаніе брошюръ и относитъ къ разряду неправославныхъ слѣдующія: „Путь ко спасенію“, напечатанный съ разрѣшенія варшавской цензуры, „Любимые стихи“, напечат. съ дозволенія с.-петербургской цензуры и „Голосъ вѣры или собраніе духовныхъ прѣсень и символовъ“, напечат. въ Тифлисѣ.

— Въ „Новостяхъ“ (№ 152) изъ Остзейскаго края обращаютъ вниманіе: на увеличивающееся тамъ въ послѣднее время количество послѣдователей баптизма. По словамъ корреспондента, „Причину этого явленія многіе видятъ въ желаніи народныхъ массъ перейти изъ лютеранской религіи въ православную, а разныя стѣснительныя мѣры, воздѣйствіе которыхъ приходится чувствовать на себѣ ренегатамъ, заставляютъ ихъ вмѣсто православія переходить въ баптизмъ, переходъ въ который свободнѣе и не обставленъ столькими неудобствами, какъ переходъ въ православіе“.

О свойствахъ стѣснительныхъ мѣръ, дѣйствіе которыхъ испытываютъ на себѣ желающіе перейти въ православіе лютеране Прибалтійскаго края, можно судить по сообщенію корреспондента „Новаго Времени“ (№ 2972). Для постройки православныхъ церквей и школъ готовы деньги, но земли или мѣста для постройки помѣщикъ или совѣзмъ не даетъ или соглашается продать за баснословно высокую цѣну. Крестьянина штрафуетъ нѣмецкое начальство за позволеніе открыть въ своемъ домѣ дозволенную правительствомъ православную школу. Вопросъ объ обязательномъ отчужденіи земли подъ церкви и школы рѣшенъ впрочемъ уже при Николаѣ I правительственнымъ распоряженіемъ, не распространившимъ однако своей силы — непонятнымъ образомъ — только на Эстляндскую губернію. О такомъ распространеніи имѣетъ, по словамъ корреспондента, ходатайствовать мѣстная епархіальная власть въ близкомъ будущемъ.

— На сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ окраинахъ Россіи православію приходится выдерживать нелегкую борьбу. Въ прибалтійскихъ губерніяхъ движеніе къ православію породило вражду нѣмецкихъ помѣщиковъ противъ новообращенныхъ, выражающуюся разнаго рода притѣсненіями. Во время посѣщенія Ревеля преосвященнымъ Донатомъ, ему заявлена была со стороны крестьянъ масса жалобъ на притѣсненія. Были также просьбы объ учрежденіи новыхъ приходскихъ школъ, новыхъ православныхъ церквей, для которыхъ собраны уже нужныя суммы, но невозможно купить земли, такъ какъ владельцы бароны или совершенно отказываются ее продать, или просятъ несообразно высокія цѣны; между прочимъ, одинъ крестьянинъ

жаловался, что его оштрафовали 25 руб. за то, что онъ позволилъ въ своей избѣ открыть, разрѣшенную учебнымъ начальствомъ, школу, причемъ для оправданія своего поступка заставили его же написать замѣчательно курьезную росписку, что якобы онъ добровольно жертвуетъ штрафныя деньги. Преосвященный отнесся къ этимъ просьбамъ съ должнымъ вниманіемъ. Корреспондентъ „Нов. Времени“, сообщающій эти свѣдѣнія, прибавляетъ, что преосвященный намѣренъ войти съ представленіемъ о распространеніи и на Эстляндскую губернію изданнаго Императоромъ Николаемъ повелѣнія объ отчужденіи на законномъ основаніи участковъ помѣщичьей земли для церквей и школъ въ Лифляндской губерніи, если не послѣдуетъ на этотъ предметъ добровольнаго согласія между вновь образовавшимся приходомъ и помѣщикомъ.

— „Варшавскій Дневникъ“ сообщаетъ, что ксепдзъ Іосифъ Заганевичъ, викарій костела въ Цехановѣ (Сувалкской губерніи), 66 лѣтъ отъ роду, принялъ православіе, какъ мірянинъ, 23 мая сего года, въ Варшавскомъ кафедральномъ соборѣ. Поводомъ къ перемѣнѣ вѣроисповѣданія послужили, какъ объяснилъ самъ Іосифъ Заганевичъ, пестрое и несогласіе въ римско-католической церкви и особенно несогласіе ученія оной съ Евангеліемъ. По присоединеніи къ православію, Заганевичъ уѣхалъ на жительство въ Минскую губернію, гдѣ ему предложено мѣсто управляющаго имѣніемъ.

— Въ „Сам. Епарх. Вѣд.“ помѣщенъ рапортъ причта и церковнаго старосты с. Михайловки, Новоузенскаго уѣзда отъ 25 февраля сего 1884 г., которымъ донсено преосвященному, что Михайловскій приходскій храмъ, со времени его постройки въ 1873 году, не былъ ремонтированъ вовсе: почему какъ наружная его сторона, такъ и внутренняя значительно почернѣли, кровля крыши мѣстами обветшала. Мѣстный священникъ Іоаннъ Лебедевъ неоднократно говорилъ своимъ прихожанамъ о необходимости поновленія храма, но прихожане, въ слѣдствіе бывшихъ неурожаевъ и обѣдненія потому въ средствахъ жизни, отказывались отъ изысканія суммъ въ приходѣ на этотъ предметъ, впредь до болѣе благопріятнаго времени. У приходскаго попечительства денегъ также не было. Такъ проходили годы. Тогда священникъ предложилъ въ 1882 году попечительству заняться посѣвомъ пшеницы, на какой предметъ выдалъ собственныхъ сѣмянъ на пять десятинъ. Господь Богъ благословилъ посѣвъ обильнымъ урожаемъ хлѣба, такъ что попечительство, продавъ часть уродившейся пшеницы и употребивъ вырученныя отъ продажи ея деньги на расходы по об-

работкѣ земли, весь остальной хлѣбъ оставило у себя до будущаго года. Въ прошломъ 1883 году попечительствомъ снова было за-сѣяно хлѣбомъ пять десятинъ земли. Урожай оказался обильный. Въ концѣ этого года хлѣбъ двухлѣтняго сбора былъ проданъ и за него выручено чистой прибыли 700 р. серебромъ. Въ январѣ сего 1884 года подряженъ, въ присутствіи всего Михайловскаго приходскаго общества, мастеръ для поновленія внутри и снаружи храма и смѣны ветхихъ желѣзныхъ листовъ на кровлѣ его, за сумму 800 р. сер. Недостающую до подрядной цѣны сумму, всего 100 р. общество постановило приговоромъ доплатить изъ приходскихъ средствъ.

— Преосвященный Макарій, епископъ Нижегородскій, по поводу антневрейскихъ безпорядковъ, бывшихъ въ Нижнемъ Новгородѣ 7 іюня, обратился къ горожанамъ съ глубоко прочувствованнымъ и трогательнымъ словомъ. „Своимъ духомъ и тономъ, говоритъ „Церк. Вѣст.“, оно переноситъ насъ въ тѣ отдаленныя времена Церкви, когда у вѣрующихъ были сердце и душа едино, когда пастыри прямо и откровенно высказывали свой взглядъ на дѣйствія насомыхъ, несоотвѣтствовавшія ихъ званію, и когда пасомые почтительно прислушивались къ голосу своихъ пастырей. Кто знакомъ съ посланіями и поученіями древнихъ отцевъ и учителей церкви, тому ни духъ, ни языкъ слова или воззванія не покажутся ни новыми, ни необычными. Это тоже горькое слово прещенія нарушителямъ Божіей правды, соединенное съ глубокой скорбью объ ихъ тяжкомъ паденіи и съ горячимъ призывомъ къ покаянію и исправленію. О, если-бы почаще раздавалось это вѣщее слово! Помимо своего непосредственнаго благотворнаго дѣйствія, оно напоминало-бы намъ лучшія преданія нашей Церкви, оживляло-бы и поддерживало нашу связь съ ея славнымъ прошедшимъ.

Въ своемъ воззваніи преосвященный ограничился лишь осужденіемъ преступнаго дѣянія извѣстной части своихъ пасомыхъ и призывомъ ихъ къ раскаянію. Больше этого онъ, какъ христіанскій пастырь, не могъ сдѣлать. Выясненіе причинъ прискорбнаго событія и принятіе соотвѣствующихъ мѣръ къ ихъ устраненію выходило уже изъ программы его воззванія. Это однакожь не умаляетъ ни достоинства, ни значенія его мужественнаго слова. Какъ выраженіе взгляда Церкви на преступное дѣяніе ея чадъ, оно навсегда сохранитъ свою силу, какъ предостереженіе на будущее время“. Въ этихъ видахъ мы и перепечатываемъ его на страницахъ нашего журнала.

„Когда дошла до меня (при обзорѣннн епархіи) вѣсть о страшномъ со- бытіи 7 іюня, я не вѣрилъ сначала слуху и потомъ со вздохомъ и сле- зами говорилъ самъ себѣ о возлюбленномъ Нижнемъ-Новгородѣ.—Ты-ли это городъ, столь славный и именитый предъ другими городами? Ты-ли это гордившійся потомствомъ доблестнаго гражданина Мпнина? Ты-ли это прославляемый въ лѣтописяхъ за подвиги предковъ своихъ, бывшихъ па- тріотами? Ты-ли это видѣвшій столько благодѣяній отъ Царя небснаго и отъ царей земныхъ? — Уже-ли все забыто тобою и не вспомнется болѣе никогда? Не ты-ли осуждалъ монголовъ и ляховъ за ихъ опустошенія и кровопролитія? Не ты-ли посылалъ въ послѣднюю турецкую войну башн- бузуконъ, проливавшихъ кровь христіанскую? Не ты-ли воздыхалъ о бра- тьяхъ своихъ, терзаемыхъ врагами нашими—турками? Но вотъ настало время, что ты сдѣлался не лучше, если не хуже безбожныхъ турокъ. Ты проливалъ кровь христіанскую во время войны, а ты своими руками тер- залъ невинныхъ иновѣрцевъ во время мира и покоя. Ты проливалъ кровь, какъ безбожники и бусурманы, а у тебя нашлись вѣрующіе христіане кро- воніицами, не пощадившими ни пола, ни возраста. Они приносили въ жерт- ву не животныхъ, а людей, созданныхъ по образу Божію. Такъ велико безуміе и ослѣпленіе!

Ужели напрасно Господь сотворилъ всѣхъ отъ единыя крови человѣче- скія! Уже-ли Спаситель нашъ напрасно искупилъ и примирилъ Собою весь родъ человѣческій! Уже-ли напрасно для примиренія сего страдалъ и при- нялъ крестную смерть! Если не доступна тебѣ вся исторія міробытія и происхожденія отъ единого человѣка, то должно быть извѣстно ученіе Хри- стово о любви ко всѣмъ, даже ко врагамъ,—о любви, не допускающей не только кровопролитія, но и простой обиды или оскорбленія. Но ты, рѣшившійся на убійство и раззореніе, не только христіанинъ, сынъ Церк- ви, но вмѣстѣ и сынъ православнаго отечества и вѣроподданный русска- го Царя. Развѣ забылъ ты, что всѣ иновѣрцы и инопородцы нашими царя- ми допускаются жить въ нашемъ отечествѣ и пользоваться извѣстными правами? Развѣ забылъ, что почившій Царь-Мученикъ даровалъ всѣмъ под- даннымъ миръ и свободу? Развѣ забылъ, что Онъ величайшій изъ земныхъ благодѣтелей, уравниалъ всѣхъ въ правахъ предъ наукою, предъ закономъ и воинскою повинностію? Вспомни всѣ благодѣянія, земныя и небсныя, и оплакывай постигнуую судьбу твою и преступленія твоихъ собратій. Вспом- ни, одобрялъ-ли ты подобные погромы въ южныхъ областяхъ, обилующихъ евреями. А у тебя число евреевъ, какъ капля въ морѣ; и ты эту каплю старался затопить въ собственной ихъ крови. Ты попралъ законы Божескіе и человѣческіе.

Обратись, всякій вѣрующій, къ свершившемуся событію и вразумляйся

онимъ на всю твою жизнь. Если въ тебѣ остается еще искра вѣры, если ты не угодился зѣрю, терзающему безвинныхъ, то кровь неповинная должна вопіять къ тебѣ и извлекать слезы о убиенныхъ. Не указывай въ оправданіе свое на исторію Ветхаго и Новаго завѣта. Въ ней изображаются судьбы Божіи, часто непостижимыя для насъ, а не судьбы человѣческія. Въ ней много записано худаго о евреяхъ, но много и хорошаго и высокаго. Не забывай того, что народъ еврейскій самый древній, даже первоначальный, избранный некогда Богомъ и руководимый Имъ, что отъ его племени родился самъ Искупитель міра. Не осуждай его за дѣла жестоковѣрные и неблагодарныя: онъ и безъ тебя осужденъ уже Богомъ и разсѣянъ по всей землѣ. А кто тебя призвалъ быть судіею ближняго? Кто передалъ тебѣ право и власть сію? И по законамъ гражданскимъ, ты не можешь судить и осуждать даже тѣхъ, кои обидѣли тебя, а тѣмъ болѣе не можешь судить и убивать безвинныхъ. Судъ земной находится въ рукахъ законной власти, а судъ небесный у единаго Господа Бога. А что будетъ на землѣ, если все станутъ судить и дѣйствовать такъ, какъ поступили грабители и убійцы 7 числа? Будетъ одинъ вопль и рыданіе безутѣшное. Не устоятъ ни общество, ни царство, раздѣлившееся на ся, а тѣмъ болѣе не устоятъ то, въ которомъ будутъ раззорять и побивать другъ друга. Обратись къ себѣ самому, вѣрнооданный. Ты клялся служить Царю вѣрою и правдой. Гдѣ-же твоя клятва? Ты измѣнилъ и Богу и Царю и Отечеству. Проси прощенія у всехъ, какъ отверженный всѣми за твое самоуправство, и пріими достойное наказаніе. Въ лицѣ раззорителей и убійцъ наказанъ за грѣхи весь градъ позоромъ и пятномъ. Надлежитъ смыть оное пятно раскаяніемъ и исправленіемъ. И Господь проститъ достойныхъ прощенія.

Пастыри и учителя! Къ вамъ мое особенное слово. Внушайте всѣмъ и каждому, что мы дѣти единаго Отца земнаго и небеснаго, что воровство и убійство запрещены навсегда и не останутся безъ наказанія, что любовь только созидаетъ, а вражда разрушаетъ всякое благосостояніе, что произвольный судъ никому и ни надъ кѣмъ не дозволенъ и ведетъ къ нарушенію общественнаго спокойствія, что послушаніе и повинненіе властямъ всегда были и будутъ основаніемъ нашего счастья и благоденствія“.

— Въ „Волинск. Епарх. Вѣд.“ помѣщено слѣдующее предложеніе духовной консисторіи преосвящ. Тихона, архіепископа Волинскаго и Житомирскаго, направленное противъ весьма распространеннаго въ православномъ духовенствѣ недостатка—стремленія къ перемѣщеніямъ: „Въ духовенствѣ Волинской епархіи замѣчена мною непохвальная привычка перемѣнять мѣста службы. При подачѣ прошеній о перемѣщеніи въ другой приходъ, священнослужители

обыкновенно жалуются на бѣдность занимаемаго прихода, на недостатокъ матеріальныхъ средствъ къ содержанію семейства, совершенно забывая, что священникъ, по долгу пастыри, служеніе Господу и религіозно-нравственное воспитаніе духовныхъ чадъ долженъ ставить выше личныхъ матеріальныхъ интересовъ. Бываетъ и такъ, что о переводѣ просятъ священники молодые, не прослужившіе и одного года на предоставленномъ имъ мѣстѣ, и не заявившіе себя ничѣмъ по службѣ. О такихъ священникахъ съ прискорбіемъ должно сказать, что пастырское служеніе они избрали не для Иисуса, а для хлѣба куска. Желая ограничить въ духовенствѣ ввѣренной мнѣ епархіи недостойное пастырства стремленіе къ перемѣщенію изъ прихода въ приходъ, предлагаю Волынской духовной консисторіи циркулярно сообщить священнослужителямъ епархіи, что о перемѣщеніи могутъ на будущее время просить только священники, прослужившіе пять лѣтъ на одномъ приходѣ“.

— Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ опубликовано Высочайшее повелѣніе объ измѣненіи постановленій о присяжныхъ засѣдателяхъ. Согласно новому постановленію,—за три недѣли до открытія судебныхъ засѣданій съ присяжными засѣдателями, изъ очереднаго списка ихъ назначаются по жребію, при открытыхъ дверяхъ присутствія, тридцать засѣдателей и три запасныхъ засѣдателя изъ особаго о нихъ списка. Предварительно прокуроръ исключаетъ изъ списковъ тѣхъ лицъ, которыя, согласно имѣющимъ въ виду его свѣдѣніямъ, не могутъ, по закону, быть присяжными засѣдателями. Въ девяти западныхъ губерніяхъ наблюдается, чтобы число евреевъ соотвѣтствовало процентному отношенію общаго числа ихъ въ каждомъ уѣздѣ къ численности всего населенія уѣзда. Если наличное число засѣдателей окажется менѣе двадцати четырехъ, то предсѣдатель суда дѣлаетъ распоряженіе о пополненіи ихъ списка, по жребію, изъ числа запасныхъ засѣдателей. Прокуроръ или частный обвинитель имѣетъ право отвести не болѣе трехъ засѣдателей. Такое же право принадлежит подсудимому, а если ихъ нѣсколько,—то всѣмъ имъ вмѣстѣ. Изъ числа неотведенныхъ лицъ, назначается по жребію, для рѣшенія дѣла, двѣнадцать комплектныхъ и двое запасныхъ присяжныхъ засѣдателей. Въ очередной списокъ присяжныхъ засѣдателей вносятся: 1) по городу С.-Петербургу съ его уѣздомъ—двѣ тысячи четыреста лицъ; 2) по городу Москвѣ съ его уѣздомъ—тысяча восемьсотъ лицъ; 3) по уѣздамъ, въ которыхъ предполагается на предстоящій годъ не болѣе четырехъ періодовъ засѣданій окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей—по шестидесяти лицъ на каж-

дый такой періодъ; 4) по уѣздамъ, въ которыхъ предполагается на предстоящій годъ болѣе четырехъ періодовъ упомянутыхъ засѣданій—по шестидесяти лицъ на каждый изъ первыхъ четырехъ періодовъ и по сорока лицъ на каждый послѣдующій періодъ. По составленіи какъ очереднаго, такъ и запаснаго списковъ временная коммисія, въ усиленномъ присутствіи, распредѣляетъ внесенныя въ оныя лица по періодамъ предполагаемыхъ въ предстоящемъ году засѣданій окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, назначая для лицъ, отнесенныхъ къ каждому изъ сихъ періодовъ, мѣсяць, въ теченіи котораго они должны быть готовы явиться, по призыву суда, для исполненія обязанностей присяжныхъ. Каждый изъ внесенныхъ въ очередной или запасный списокъ присяжныхъ засѣдателей можетъ просить предсѣдателя окружнаго суда о перенесеніи его изъ періода, къ которому онъ отнесенъ, въ другой, съ объявленіемъ причинъ. Относительно порядка составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей въ губерніяхъ: Кіевской, Волынской, Подольской, Витебской, Виленской, Ковенской, Гродненской, Могилевской и Минской, соблюдаются слѣдующія правила: 1) списки присяжныхъ засѣдателей составляются, по каждому уѣзду отдѣльно, особыми временными коммисіями, состоящими подъ предсѣдательствомъ уѣзнаго предводителя дворянства, изъ всѣхъ мѣстныхъ мировыхъ судей, мировыхъ посредниковъ, а гдѣ ихъ нѣтъ—непремѣннаго члена уѣзнаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, уѣзнаго исправника и полиціймейстера, гдѣ такія учреждены и пополняются двумя мѣстными землевладѣльцами, по приглашенію губернатора, и городскими головами тѣхъ городовъ, гдѣ введено новое городское положеніе. 2) Общіе списки присяжныхъ засѣдателей передаются, для просмотра, уѣздными коммисіями въ особыя губернскія коммисіи, которыя составляются, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ губернскаго предводителя дворянства, предсѣдателя мѣстныхъ окружнаго суда и сѣзда мировыхъ судей и прокурора окружнаго суда. Губернская коммисія имѣетъ право исключати изъ означенныхъ списковъ, безъ указанія причинъ, лицъ, которыхъ она не признаетъ возможнымъ допустить къ исполненію обязанностей присяжнаго засѣдателя. Постановленія коммисіи по этому предмету составляются по большинству голосовъ и не подлежатъ обжалованію. Относительно порядка составленія, на предстоящій 1885 годъ, списковъ присяжныхъ засѣдателей въ мѣстностяхъ, на которыя распространяется дѣйствіе положенія о земскихъ учрежденіяхъ, постановлено: особыя временныя коммисіи

собираются для составленія общихъ списковъ присяжныхъ засѣдателей подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства. Въ столицахъ и городѣ Одессѣ, въ комисіи приглашается, кромѣ предсѣдателя уѣзднаго сѣзда мировыхъ судей, также предсѣдатель городского сѣзда, а полиціймейстеровъ въ составѣ комиссій замѣняютъ должностныя лица общаго полиційскаго управленія сихъ городовъ, назначенныя къ тому министромъ внутреннихъ дѣлъ. При составленіи списковъ очередныхъ и запасныхъ присяжныхъ засѣдателей въ 1885 г., въ составъ временныхъ комиссій приглашается мѣстный товарищъ прокурора окружнаго суда“.

— Высочайше повелѣно комиссію прошеній, должность статсъ-секретаря у принятія прошеній и состоящую при статсъ-секретарѣ канцелярію упразднить. Взамѣнъ ея утверждены временныя правила о порядкѣ принятія и направленія прошеній и жалобъ, на Высочайшее Имя приносимыхъ. Приносимыя на Высочайшее Имя всеподданиѣйшія прошенія и жалобы поступаютъ къ командирующему Императорскою главною квартирою, который по приему и направленію оныхъ подчиняется непосредственно Его Величеству. Дѣлопроизводство по прошеніямъ и жалобамъ возлагается на образованную при Императорской главною квартирѣ канцелярію прошеній.

На Высочайшее Имя приносятся: жалобы на опредѣленія департаментовъ Правительствующаго Сената, кромѣ кассационныхъ жалобъ на дѣйствія и распоряженія министровъ, главно-управляющихъ отдѣльными частями и генераль-губернаторовъ, когда таковыя дѣйствія и распоряженія не подлежатъ по закону обжалованію Правительствующему Сенату: прошенія о дарованіи милостей, въ особыхъ случаяхъ, неподходящихъ подъ дѣйствіе общаго закона, когда симъ не нарушаются ничьи законныя интересы и гражданскія права, и прошенія о помилованіи и смягченіи участи лицъ, осужденныхъ или отбывающихъ наказанія. Жалобы и прошенія, на Высочайшее Имя приносимыя, а также разрѣшительныя по онымъ бумаги освобождаются отъ гербоваго сбора. Жалобы и прошенія приносятся не иначе, какъ отъ имени и за явственною подписью того лица, отъ коего подана просьба, съ указаніемъ мѣста жительства просителя и съ означеніемъ переписчика, когда просьба написана чужою рукою. Принесеніе жалобъ и прошеній повѣренными допускается лишь въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ: 1) если въ дѣлѣ, по коему приносится жалоба или прошеніе, участвуютъ нѣсколько лицъ и всѣ они или нѣкоторыя изъ нихъ уполномочатъ на подачу прошенія одного изъ среды своей довѣренностью, кото-

рая должна быть въ подлинникѣ представлена; 2) если въ дѣлахъ, относящихся до цѣлаго сословія, общества, или общественнаго установленія, жалоба или прошеніе принесены законнымъ его представителемъ, уполномоченнымъ на сіе въ установленномъ порядкѣ. Въ жалобахъ на опредѣленія департаментовъ Правительствующаго Сената должны быть приведены законы, которые проситель считаетъ нарушенными, а также доказательства и доводы, на коихъ онъ основываетъ свое ходатайство, съ приложеніемъ копій съ обжалованнаго опредѣленія и свидѣтельства о времени его объявленія или приведеніе въ дѣйствительное исполненіе.

Оставляются безъ послѣдствій властью командующаго Императорскою главною квартирою жалобы и прошенія о такихъ предметахъ, но коимъ, въ общемъ законномъ порядкѣ, надлежитъ обращаться къ служебному начальству или установленнымъ вѣдомствамъ и учрежденіямъ; жалобы и прошенія, заключающія въ себѣ повтореніе всеподданнѣйшаго ходатайства, оставленнаго безъ послѣдствій; жалобы и прошенія, заключающія въ себѣ нѣсколько разныхъ отдѣльныхъ одинъ отъ другаго предметовъ, имѣвшихъ особаго производства, — и прошенія о назначеніи пенсій въ виду особаго служебныхъ отличій и заслугъ просителя. Жалобы на опредѣленія департаментовъ Правительствующаго сената препровождаются въ учрежденное при государственномъ совѣтѣ временное присутствіе для разсмотрѣнія въ установленномъ порядкѣ.

Жалобы на министровъ, главноуправляющихъ отдѣльными частями и генералъ-губернаторовъ командующій Императорскою главною квартирою повергаетъ на Высочайшее воззрѣніе.

По прошеніямъ о милостяхъ (ст. 3 п. в), дарованіе коихъ сопряжено съ изытіемъ изъ закона, либо съ интересомъ казны, командующій Императорскою главною квартирою повергаетъ на Высочайшее воззрѣніе заключеніе свое.

Прошенія о всякаго рода иныхъ милостяхъ докладываются Государю Императору командующимъ Императорскою главною квартирою въ порядкѣ, опредѣленномъ по непосредственному указанію Его Величества.

Прошенія о помилованіи и смягченіи участи лицъ, приговоренныхъ къ наказанію или отбывающихъ оное, препровождаются командующимъ Императорскою главною квартирою для представленія на Всемилостивѣйшее Его Величества воззрѣніе: 1) къ министру юстиціи — въ отношеніи лицъ, осужденныхъ судами гражданскаго вѣдомства, и 2) къ военному министру или къ управляющему мор-

скимъ министерствомъ, по принадлежности — въ отношеніи лицъ, осужденныхъ военными или военно-морскими судами.

Высочайшія повелѣнія, послѣдовавшія по дѣламъ, сообщаются командующему Императорскою главною квартирою для свѣдѣнія и объявленія лицамъ, принесшимъ жалобы и прошенія.

По жалобамъ на министровъ, главноуправляющихъ отдѣльными частями и генераль-губернаторовъ командующему Императорскою главною квартирою предоставляется сноситься съ подлежащими вѣдомствами о доставленіи необходимыхъ свѣдѣній, а также подлинныхъ производствъ. Равнымъ образомъ командующій Императорскою главною квартирою сносится съ подлежащими министрами и главноуправляющими и по прошеніямъ о милостяхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда по изложеннымъ въ сихъ прошеніяхъ предметамъ, касающимся того или другаго вѣдомствъ, потребуются, необходимыя для разъясненія дѣла, свѣдѣнія.

Командующій Императорскою главною квартирою имѣетъ право требовать увѣдомленій о положеніи дѣла по прошеніямъ, переданнымъ въ министерства и главныя управленія.

Командующій Императорскою главною квартирою поставляетъ въ извѣстность просителей, съ возвращеніемъ представленныхъ ими документовъ объ окончательныхъ распоряженіяхъ по всѣмъ прошеніямъ и жалобамъ, какъ разсмотрѣннымъ имъ или переданнымъ въ другія установленія, такъ и по оставленнымъ безъ разсмотрѣнія или безъ послѣдствій.

Прошенія о единовременныхъ пособіяхъ удовлетворяются изъ источниковъ, особо для сего предназначенныхъ, а выдача Всемиловѣйше разрѣшенныхъ постоянныхъ пособій, въ особливыхъ случаяхъ крайней бѣдности просителей, производится изъ государственнаго казначейства не иначе, какъ по предварительномъ сношеніи съ министромъ финансовъ и въ предѣлахъ суммы, ежегодно на этотъ предметъ опредѣляемой по непосредственному усмотрѣнію Его Величества.

— „С.-Петербур. Вѣд.“ изъ достовѣрнаго источника сообщаютъ, что состоялось окончательное рѣшеніе объ учрежденіи въ Харьковѣ практическаго технологическаго института, который будетъ помѣщенъ въ возведенныхъ для него въ означенномъ городѣ зданіяхъ, и что министру народнаго просвѣщенія предоставлено внести въ Государственный совѣтъ проектъ устава этого института. Открытіе его, вѣроятно, послѣдуетъ въ 1885 году. До свѣдѣнія газеты дошло также, что согласно представленію министра народнаго просвѣще-

нія, разрѣшено министерству принять пожертвованія, о которыхъ мы уже сообщали, именно жертвуемые Харьковскому университету статскимъ совѣтникомъ Харитоненко для потребностей этого университета домъ и 50 тыс. рубл., и что постановлено отпускать изъ суммъ государственнаго казначейства, начиная съ 1885 г., по 6 т. р. въ годъ на содержаніе при Харьковскомъ университетѣ 20 стипендіатовъ.

Тиражъ выигрышей билетовъ 1-го внутренняго 5% займа, произведеннаго 2 іюля 1884 года.

Главные выигрыши пали на слѣдующіе №№:

№ серіи.	№ билет.	Вып-грншъ.	№ серіи.	№ билет.	Вып-грншъ.	№ серіи.	№ билет.	Вып-грншъ.	№ серіи.	№ билет.	Вып-грншъ.
7874	17	200,000	1091	44	8000	14638	28	1000	4179	48	1000
8968	46	75,000	15026	20	8000	13837	35	1000	12858	13	1000
18148	19	40,000	15097	40	5000	12819	40	1000	11580	22	1000
18488	17	25,000	6554	50	5000	16151	45	1000	13225	29	1000
10889	49	10,000	19115	8	5000	13555	49	1000	4071	11	1000
19855	11	10,000	17654	14	5000	14650	33	1000	12512	47	1000
4264	7	10,000	12360	34	5000	7019	31	1000	7137	20	1000
777	33	8000	8248	20	5000	12374	29	1000	5652	11	1000
13372	33	8000	11844	44	5000	14387	37	1000	1225	39	1000
18975	44	8000	1880	7	5000	4134	2	1000	15755	12	1000

Выигрыши въ ПЯТЬСОТЪ РУБЛЕЙ пали на слѣдующіе билеты.

№ серіи.	№ билет.	№ серіи.	№ билет.	№ серіи.	№ билет.	№ серіи.	№ билет.	№ серіи.	№ билет.	№ серіи.	№ билет.
6071	1	13352	8	17204	17	5274	27	17745	35	19063	42
2569	1	14723	8	10937	18	6057	27	18701	35	1123	43
3205	1	15948	8	12715	18	12246	28	8874	36	3660	43
11060	1	16367	8	1497	19	12314	28	9637	36	10197	43
11299	1	18614	8	6170	20	14970	28	13818	36	13652	43
11666	1	2335	10	7037	20	635	29	13980	36	19770	43
16675	1	3423	10	12646	20	1164	29	16765	36	7230	44
11573	2	5663	10	13841	20	4662	29	1015	37	9475	44
13267	2	8669	10	5546	21	9612	29	3240	37	14368	44
15213	2	9167	10	10238	21	10446	29	13269	37	791	45
16677	2	10367	10	14992	21	15401	29	15567	37	805	45
18215	2	15146	10	18996	21	472	30	16484	37	3645	45
3718	3	16644	10	19646	21	643	30	1816	38	4486	45
3768	3	12056	11	3227	22	2172	30	4887	38	7388	45
6606	3	14114	11	4745	22	4036	30	4981	38	10142	45
6741	3	17351	11	11752	22	4219	30	9458	38	13334	45
12540	3	813	12	14189	22	5632	30	11263	38	15448	45
14773	3	1516	12	2273	23	6730	30	12978	38	17278	45
17868	3	1520	12	7622	23	7745	30	17148	38	13148	46
12825	3	16124	12	9618	23	8194	30	17621	38	18666	46
1571	4	19956	12	12808	23	15051	30	1091	39	812	47
2972	4	6579	13	16653	23	15611	30	7836	39	2644	47
6426	4	8752	13	18285	23	8638	31	9460	39	2982	47
7484	4	14553	13	2995	24	10317	31	10394	39	6320	47
13061	4	19842	13	1523	24	14930	31	13260	39	6950	47
14064	4	1219	14	13593	24	17932	31	18295	39	9853	47

18274	4	5993	14	14724	24	830	32	9024	40	13197	47
19820	4	11988	14	17024	24	2776	32	10371	40	13875	47
780	5	18486	14	18204	24	7146	32	12207	40	18066	47
2596	5	18569	14	5216	25	9776	32	12334	40	18627	47
4880	5	1357	15	8561	25	18609	32	13660	40	3727	48
7310	5	7562	15	14428	25	1575	33	15851	40	6504	48
7370	6	14875	15	16127	25	13921	33	823	41	12818	48
9957	6	1	16	5043	26	2079	34	8589	41	1417	49
18604	6	610	16	5924	26	8303	34	12801	41	6134	49
9194	7	2323	16	6013	26	8594	34	13656	41	6392	49
14690	7	3821	16	7000	26	11032	34	17001	41	17265	49
16529	7	8401	16	7296	26	11383	34	7988	42	5324	50
16922	7	8674	16	8352	26	12340	34	8905	42	11665	50
5680	8	8751	16	8644	26	18851	34	9465	42	17191	50
5851	8	12792	16	10385	26	133	35	11413	42		
5975	8	19630	16	15366	26	1048	35	12382	42		
10412	8	1206	17	15415	26	7104	35	12533	42		
10836	8	8936	17	18548	26	9143	35	13791	42		

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ банкѣ, въ С.-Петербургѣ съ 1-го октября 1884 года.

Таблица серій билетовъ 1-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1864 года, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

91	2132	6308	8662	10454	12279	13606	14832	16858	19337
619	2135	6454	8671	10567	12502	13715	14909	17337	19357
886	2511	6480	8960	10703	12983	14228	14937	17445	19697
960	3427	6522	9391	11072	13093	14286	15600	18189	19965
1129	3787	7385	9143	11242	13122	14300	16314	18356	
1181	4362	7490	9493	11447	13267	14635	16369	18801	
1743	4919	7820	10000	12164	13601	14712	16734	18831	
1893	5043	7997	10354	12320	13623	14786	16823	19222	

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 125 р. за билетъ, будетъ производиться съ 1 октября 1884 г. въ государственномъ банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ.

Статья автора „Анти-Энциклики“, печатавшаяся въ прошломъ году въ продолженіе послѣднихъ пяти мѣсяцевъ въ „Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ подъ заглавіемъ:

ОТВѢТЪ на послѣдовавшее со стороны католичества противу „Анти-Энциклики“ возраженіе,

вышла въ свѣтъ, подъ тѣмъ-же заглавіемъ, отдѣльной брошюрой, въ 8½ листовъ и, вмѣстѣ съ „Анти-Энцикликой“ продается:

Въ ХАРЬКОВѢ— въ томъ-же „Складѣ“ у проф. П. В. *Платонова* (Черпоглазовская ул., собственный домъ, № 4), изъ котораго объявлена продажа „Анти-Энциклики“; въ книжной лавкѣ Харьковского *Покровскаго монастыря*; въ книжныхъ магазинахъ братьевъ А. П. и П. П. *Куколевскихъ*, на Екатеринославской улицѣ и *Прянова*, рядомъ съ Университетомъ, внизу.

Въ МОСКВѢ— въ книжныхъ магазинахъ: *Феранютова*, на Никольской и *Глазунова* на Петровкѣ, противъ Кузнецкаго моста.

Въ ПЕТЕРБУРГѢ— въ книжномъ магазинѣ *Игн. Л. Тузова*, на Большой Садовой, домъ Корошца, № 16 и въ книжной торговлѣ „*Новаго Времени*“, Невскій № 55, и

Въ НЕВѢ— у Н. Я. *Оглоблина*, на Крещаткѣ.

Цѣна какъ „Анти-Энцикликѣ“, такъ и „Отвѣту“ въ отдѣльности 60 коп., а вмѣстѣ 1 рубль.

Книгопродавцамъ уступка на 20 ½%. Пересылка на счетъ „Склада“.

О ПОДПИСКѢ НА ПОЛУЧЕНІЕ

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННОГО ВѢСТНИКА“

съ 1-го іюля 1884 года.

Съ наступленіемъ подписки на вторую половину текущаго 1884 г., редакция нашла возможнымъ уменьшить полугодовую и трехмѣсячную подписную цѣну въ слѣдующемъ видѣ:

На полгода 4 руб.
„ три мѣсяца 2 „

Всѣмъ подписчикамъ на упомянутые сроки будетъ высланъ безплатно „Календарь для духовенства на 1884 годъ“.

Годовая подписка продолжается. Подписная цѣна 8 рублей.

Разсрочка платежа подписной суммы допускается по прежнему.

Редакторъ-издатель А. Поповицкій.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ 1884 году будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составить собою листокъ для Харьковской епархіи. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіи Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ пополудни; въ это же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку, или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.

Редакторъ, Ректоръ Харьковской Духовной Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ Кратировъ.